ISSN 2658-7920

ВЕСИ

№ 4,
2025

Храм Вознесения Господня в Коломенском. Москва, Россия

ХРАМ КАК ЧУДО

Как рассказать или написать о достопримечательности, чтобы и местный житель, и турист из другой страны осознали – зачем она была возведена именно в таком виде, почему это было возможно сделать только в этом месте, какое значение сокрыто в ней и какую роль этот объект играет в стране и мире?.. Для этого нужен творец, который бы почувствовал душу этого памятника и на основании собранной информации о нем ответил хотя бы на часть вопросов выше.

Церковь Вознесения Господня в Коломенском в Москве.

Почти за пять столетий о ней написано множество научных статей и книг. В своде «Всемирное наследие России» читаем: «Первый каменный шатровый храм России вырос в 1532 г. В ознаменование рождения младенца-наследника великого князя московского Василия III Ивана Васильевича. ... Факт тот, что в загородной царской резиденции один из кремлевских строителей Петр Фрязин воплотил в камне то, что раньше делали только из дерева...»

Но анализируя деревянное шатровое зодчество, современные ученые А.Л.Баталов и Л.А.Беляев в книге «Церковь Вознесения в Коломенском: архитектура, археология, история» приходят к выводу, что не было никакой эволюции, в процессе которой мог бы родиться этот шедевр. «Углубленные исследования и датировка каменного зодчества XV–XVI вв. показали, что невозможно обнаружить признаки какой-либо эволюционной линии, ведущей к созданию шатрового типа. В то же время изучение памятников деревянного зодчества подтвердило предположения Н.И.Брунова: дошедшие до нас деревянные шатровые церкви хронологически следуют за первым каменным шатровым храмом и построены под влиянием образцов шатрового каменного зодчества середины XVI в. ...Была опровергнута, что очень существенно, базовая идея историко-архитектурной науки XIX в. о развитии архитектурных типов исключительно путем от простого к сложному и от конструктивного к декоративному. Все более доказательным звучит замечательный вывод М.А.Ильина о том, что создание церкви Вознесения в Коломенском определил уникальный идейный замысел».

Современники храма оставили свое письменное восхищение: «Бе же церковь та велми чюдна высотою и красотою и светлостию, такова не бывала преже сего в Руси» (Церковь эта превосходна высотою, красотою и значимостью, прежде такой на Руси не было). А Гектор Берлиоз после поездки в Москву писал: «Ничто меня так не поразило в жизни, как памятник древнерусского зодчества в селе Коломенское. Много я видел, многим любовался, многое поражало меня, но время, древнее время в России, которое оставило свой памятник в этом селе, было для меня чудом из чудес».

Нет единой версии, связанной и с целью возведения этого храма. По-разному ученые объясняют и конструктивные особенности здания. Спустя полтысячелетия и после множества реконструкций церкви, современным ученым непросто найти ответы на множество возникающих до сих пор вопросов.

Как вывод приведем еще одну цитату из той же книги: «Церковь Вознесения в Коломенском не только остается без предшественников. Получается, что она на протяжении практически 20 лет не оказывала влияния, не вызывала изменений в развитии архитектурного типа. Опираясь на факты, мы должны признать несомненное одиночество этого храма в пространстве всей первой половины XVI в. В нем впервые найдены принципы объемного построения и конструктивные приемы воплощения замысла, которые будут осмыслены и перефразированы только в 1550-е гг.»

Все эти сведения нуждаются в популяризации, чтобы каждый человек, в каком бы уголке планеты он ни жил, понимал, что перед ним – чудо, уникальный храм, высшее озарение, воплощенное руками человека, а вовсе не очередное, пусть и удивительно красивое здание.

Михаил Егоров

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Восточного управленческого округа Правительства Свердловской области (623850, Свердловская область, г. Ирбит, ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры «Банк культурной информации» (620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Т.Е.Богина

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

д.и.н. Е.Т.Артёмов
д.и.н. С.В.Голикова (Екатеринбург)
В.Н.Ермолаев (Тавда)
д.и.н. В.В.Запарий
к.и.н. С.А.Корепанова
д.и.н. Г.Е.Корнилов
к.и.н. В.Н.Кузнецов
Л.А.Ладейщикова
Я.С.Недвига (художественный редактор)
к.и.н. Б.Б.Овчинникова
О.В.Птиченко
чл.-кор. РАН, д.и.н. И.В.Побережников
д.и.н. Д.А.Редин (Екатеринбург)
С.П.Садовников (Москва)
Б.В.Соколов (Ярославль)
С.И.Симонов (Каменск-Уральский)
А.А.Федотов (Саратов)
Е.А.Фролова (Москва)
С.М.Тенятников (Москва)
Е.И.Щупова
Ю.В.Яценко (Екатеринбург)

Корректор номера
Анна Андреева

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ:
Учреждение культуры «Банк культурной информации»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:
620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу 1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция не возражает против перепечатки материалов, опубликованных в журнале, при обязательном соблюдении их целостности, указания имени автора и со ссылкой на журнал «Веси».
Электронный вариант журнала размещается в Интернете: www.ukbki.ru.

Рукописи, направленные в журнал «Веси» по почте, по электронной почте или переданные лично, редакция рассматривает как предложенные для издания и оставляет за собой право их публиковать на страницах журнала без дополнительного согласования с автором.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Материалы, иллюстрации и фотографии публикуются в журнале на безгонорарной основе.

Материалы, отмеченные знаком , печатаются на правах рекламы.

На обложке: (1) Храм Вознесения Господня в Коломенском. Москва. Фото Т.Богиной.

Выпущен в свет 28.05.2025 г.

Отпечатано в ООО Универсальная типография «Альфа Принт» 620049, Екатеринбург, пер. Автоматики, 2ж. www.alfaprint24.ru

18+

Тираж 2500 экз.

Распространяется бесплатно.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Однажды к нам в редакцию зашел старый знакомый, с которым давно не виделись. Он занимается цифровыми технологиями. Когда он увидел россыпи бумажных журналов на моих столах, то крайне удивился: «Зачем ты всё это до сих пор печатаешь? Ведь новости и статьи появляются в Интернете мгновенно? Зачем ждать выхода каждого журнала да еще и платить за печатную версию, если та же подписка в цифре дешевле и удобнее? Зачем хранить столько бумаги, если весь контент умещается в смартфоне?»

Я возразила: «Ты думаешь, что бумажный журнал умрет?»

Он снисходительно улыбнулся: «Конечно! В мире, где всё становится цифровыми, рано или поздно большинство изданий все равно уйдут в сеть».

Я тоже ему хитро улыбнулась: «А хочешь, я тебя еще больше удивлю?» – и повела его за шкаф в дальний угол. Там у меня хранились пластинки, наверное, не менее тысячи. «Смотри, их тоже считали устаревшим форматом, но ни компакт-диски, ни цифровые сервисы их не уничтожили». К его снисходительности добавилась покровительственная интонация: «Это же культовый предмет для меломанов – дорогой, красивый и статусный. Пластинки покупают не только ради звука, но и ради коллекционной ценности и интерьерного шика». «А ты уверен, – озадачила его, – что бумажные журналы не повторят судьбу да хоть бы и виниловых пластинок...»

И тогда всё, о чем говорил мой собеседник, наверное, не будет иметь смысла: ни скорость, ни дешевизна, ни сиюминутное удобство. Мы будем ценить бумажные журналы за материальность – шероховатость страниц, запах типографской краски, приятную тяжесть, возможность перелистнуть страницы, рассмотреть фотографии. А еще – прикоснуться к буквам своего имени перед поэтической подборкой, или рассказом, или историческим исследованием... За возможность в любой момент взять журнал с полки. Будем ценить за удовольствие, ностальгию и ощущение подлинности.

В мире, где всё становится цифровыми, иногда так хочется чего-то настоящего.

Татьяна Богина
Главный редактор

ВЕСИ

№ 4
(216)` 2025
май

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

Михаил Егоров
Храм как чудо 1
Максим Ершов
Семистрельная 4
Евгений Кузнецов
Единственная иголочка 12
Владимир Шкерин
Ибо таковых есть Царство Небесное 21
Артавазд Сарецян
Самая красивая мама на свете 27
Наталья Жиромская
Аистенок 29
Елена Фролова
«Жизнь идет и идет» 32
Михаил Синельников
Душа не постарела 34
Андрей Сальников
Трасса 36
Василий Куприянов
Морской гранит-1, или Время собирать камни 38
Василий Куприянов
Морской гранит-2, или Достойный памятник великому актеру 40
Рашид Хакимов
С веком наравне: история одного семейного рода 42
Андрей Канавщиков
Вечные фантомы из плоти и крови 52
Татьяна Микунова
Избранное 55
Михаил Киселев
О принципах публикации приказов и писем генерала Геннина, адъютанте Реслейне, а также об авторитетных ученых 57
Борис Соколов.
Душа, о которой мы порой забываем 62
Маргарита Сажина
Эпоха Бальчугова 73
Алевтина Артемьева
Роль А.Д.Бальчугова в сохранении историко-медицинского наследия Уральского региона и популяризации исторического знания в области медицины 76

Журнал награжден медалями:

Российской Генеалогической Федерации «За вкладъ въ развитіе генеалогіи и прочихъ спеціальныхъ историческихъ дисциплинъ» 2-й степени

имени Н.К.Чупина

имени Л.К.Татьяничевой

Журнал награжден почетными знаками

Российской академии естественных наук «Звезда успеха»

Союза старателей России «Заслуженный старатель России»

United Nations Educationa, Scientific and Cu tura Organization

Wor d Federation of UNESCO c ubs, centers and associations

РОССОТРУДНИЧЕСТВО · ROSSOTRUDNICHESTVO ·

Издается под патронатом Всемирной федерации ассоциаций, центров и клубов ЮНЕСКО, Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству.

СЕМИСТРЕЛЬНАЯ

Максим ЕРШОВ

Член Российского союза писателей. Лауреат литературной премии «Наследие» (2020), лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2024), финалист Национальной литературной премии «Писатель года» (2023, 2024). Публиковался в «Независимой газете», в журналах «Всемирный путешественник», «Подъем», «Приокские зори», «Причал», «Наш современник», «Север», «Изящная словесность», в альманахе «Родина». Автор книг «Русские боги», «Тайны оманского ладана» (совместно с Г.Леонтьевым).

Осмотрев шеренги всадников, есаул поправил фуражку, поднял правую руку с шашкой и громогласно скомандовал.

– Шашки наголо! Развернуть знамя! Эскадрон, в атаку!

Казаки ответили дружным: «Ура!» Растянувшись в линию, сотня устремилась кромсать лапотную Русь. Обезвоженная земля под ударами копыт стонала, гулким эхом сопровождая летящую по полю конницу.

Новое Козьмодемьянское казалось вымершим. Селяне прятались по хатам. У кого были коровы и лошади, увели на болото. О генерале Мамонтове знали загодя. Собрав десяток старух, священник вывел их на околицу, намереваясь встретить белых освободителей хлебом-солью. Казаки оказались хитрей. Их ждали с юга, со стороны Козлова, они атаковали с запада. Когда зазвучали выстрелы, шествие повернуло назад, но в сторону церкви уже не пошло. Комитет сельской бедноты превратил храм в оплот сопротивления. Отец Александр хорошо понимал, что под пули идти не стоит. Если прозвучали выстрелы, хлеб-соль неуместны. Вместе со старухами священник укрылся в ближайшей хате.

Председатель с вечера оповестил односельчан, чтобы все, кто хочет защитить советскую власть, собрались у церкви. На призыв откликнулось семеро, им выдали шесть винтовок. А вот с патронами была беда. На одно ружье приходилось по десять патронов. В открытом бою противостоять казакам новокозьмодемьянцы не могли. Собрав по дворам телеги, их закатили в церковь, забаррикадировав ворота. Отворить массивные двери можно было разве что пушечным выстрелом.

– Сомов и Чинарёв, поставите подпорки, займете позиции по разные стороны в центральном зале. Зорин, ты крест Георгиевский на фронте наверняка не просто так получил, стреляешь ловчей всех, на колокольню с Пименовым полезешь, по разные стороны за обстановкой смотрите. Жданов, из алтарных окошек стрелять будешь, Радимов тебе в помощь. Я с Бирюковым возле ворот останусь. Когда полезут, на первых порах старайтесь палить под ноги. Я эту публику хорошо изучил. Убьют кого-то, они обязательно мстить будут. Против ихней лавы мы бессильны. Наша задача – напугать и отогнать. Они торчать здесь долго не будут. Того и гляди дождь пойдет. Для конницы это приговор! Дороги в болота превратятся, а им нужно как можно быстрей по тылам нашим пройти, – поучал Григорьев.

Коренастый и круглолицый, к своим сорока он успел повоевать против японцев и германцев. Внешне председатель казался спокоен, и лишь левая рука с перебитой кистью от напряжения подергивалась.

Август 1919 года выдался на редкость жарким. Труженик ветер из стороны в сторону таскал тучи. Черные под тяжестью ноши, они проплывали над огородами и полями, не желая делиться влагой.

Советская власть в Богоявленском уезде установилась в феврале 1918 года. После жарких споров, проходивших по вечерам в сельской школе, из губернской Рязани приехал большевик Лямишев, стукнул по столу маузером, и уже на следующий день над школой поднялся красный флаг.

Сочувствующие большевикам образовали в Новом Козьмодемьянском комитет сельской бедноты, избрав председателем Григорьева. На первых порах большинство селян на это никак не отреагировали, однако, когда комитетчики предложили делить барскую землю, сторонников у новой власти прибавилось.

В городах, селах и деревнях устанавливалась советская власть, а вместе с ней новые правила отношений. Противники стали оказывать сопротивление. Шаг за шагом боевые действия перешли в полномасштабную войну, которая развернулась на юге, на севере, и в Сибири. Для Рязанщины война казалась чем-то далеким. На полученной земле крестьяне готовились собрать урожай. Кто и за что воюет, особо не интересовало.

Ситуация изменилась в сентябре, когда по хуторам, деревням и селам стали разъезжать продотряды. После первого мог нагрянуть второй, за ним третий, четвертый... Из амбаров выгребалось последнее. Селяне умоляли оставить хлебных зерен для еды и на посевы, но комиссары были непреклонны, обзывая экспроприируемых кулаками и буржуями.

Вновь начались баталии. Народ негодовал, срывая недовольство на председателе. Последний, чувствуя вину, связался с уездным Богоявленском. Через пару дней приехал ответственный товарищ в очках и кожаной тужурке. Крестьянам он объяснил, что такого больше не повторится, дескать, зерно голодающему городу необходимо, но перегибов партия большевиков не допустит.

Горластые бабы притихли, мужики слушали внимательно, однако обеспокоенности уездный начальник так и не развеял. Вдобавок ко всему, по хуторам и малым деревням начали орудовать банды. Деревня стала вооружаться. В начале 1918 года через Рязанскую и Тамбовскую губернию проходили возвращавшиеся с германского фронта войска, а вслед за ними идущие на подмогу Колчаку чехи. Составы останавливали на станциях, предлагая разоружиться и ехать дальше. На первых порах винтовки и пулеметы хранились на складах, но после стали расползаться по рукам. Наряду с царскими банкнотами имели хождение талоны Керенского. Толку от этих и тех было мало, народ предпочитал натуральный обмен. Винтовку можно было выменять за курицу, а пулемет за мешок картошки. Но это в начале! К лету цены поползли вверх. Народ быстро скумекал, если есть винтовка, ты можешь получить и курицу, и картошку.

Из трехлинейки, отпилив приклад и укоротив ствол, старались сделать обрез. О прицельной точности говорить не приходилось. Зато он прятался под одежду.

Из-за участившихся грабежей с хуторов старались перебраться в села, при этом ограбленный, размышляя над своим положением, часто сам становился бандитом. Возле родного дома старались не безобразничать. Уезжает мужик по делам, берет инструмент, якобы на шабашку, и возвращается через три дня. Внешне всё выглядит обычно, зато его дети выходят на улицу с огромными кусками сахара и начинают грызть, никого не стесняясь.

В Богоявленском уезде с трепетом ждали продотрядов, обмозговывая, когда лучше начать жатву, чтобы опередить экспроприаторов, и куда после спрятать зерно. Беда пришла, откуда не ждали.

Красная армия готовилась к наступлению на Южном фронте, но все карты перемешал Мамонтов. Казачий генерал, выполняя директиву Деникина, 10 августа перешел реку Хопёр, по которой проходил фронт, и устремился к Тамбову. Шесть тысяч отборных казачьих сабель при поддержке артиллерийских орудий разметали по сторонам красных и через пять дней подошли к Тамбову. Казаки двигались именно тем маршрутом, по которому их ордынские предки совершали набеги, громя тылы противника, взрывали мосты, стараясь нарушить связь, обрывали линии электропередач, чем осложняли преследование.

Красная армия воевала сразу на нескольких фронтах и не могла высвободить какие-либо части. Тамбов готовился к обороне, рассчитывая на собственные силы. Большевики мобилизовали население, вооружив рабочих, создали укрепрайоны, но всё решил случай. Ночью к белоказакам перешли два бывших царских полковника, возглавлявших оборону города. По наводке перебежчиков мамонтовцы ударили в незащищенные места. Оборона красных посыпалась, Тамбов был взят. Белоказаки расстреляли комиссаров и активистов, отпустив по домам мобилизованных. Из желающих присоединиться к Белому движению сформировали два отряда. Мамонтов со складов раздал оружие крестьянам, рассчитывая, что они разойдутся по лесам и начнут наносить болезненные уколы красным. Из тех, кто знал воинское дело и умел сидеть в седле, сформировали второй отряд. Бывшие царские офицеры ушли с белоказаками, рассчитывая через месяц вернуться, а оказалось – навсегда.

Мамонтов понимал, сидеть в Тамбове ему не дадут. Сила конницы в маневре. Оставив Тамбов, белоказаки подступили к Козлову, где находился штаб РККА Южного фронта. Большевики, полные решимости, кинули среди населения клич – оборонять Козлов до последней капли крови. Однако, увы, организовать оборону не смогли. Город пал, мамонтовцы со складов забрали всё нужное для ведения боевых действий. Артели и фабрики разрушили, что могли поджечь – подожгли.

После Козлова, разгулявшись по степи, казаки зачищали села и деревни. Дальнейшей целью был Раненбург, где назначили общий сбор войска.

О нелюбви казаков к крестьянству в штабе Белой Армии знали и потому к каждой сотне прикрепили офицера. В задачу ставилось проследить, чтобы не обижали крестьян.

Поручик Алексеев еще в самом начале Первой мировой познакомился с Врангелем. В седле держался уверенно, лошадей любил, с любым жеребцом, либо кобылой, умел поладить. После боев за Царицын Врангель окончательно убедился – этому офицеру мож-

но доверять. Михаила Алексеева прикомандировали в один из полков Мамонтова. Поначалу, видя, как казаки уводят скот и забирают лошадей, Алексеев пытался их вразумить, переходил на крик, однако в последующем бесполезность своей миссии понял.

Детские годы поручика прошли в родовом имении бабушки возле Козлова. Перед рейдом Михаилу приснилась липовая аллея, заросший тиной пруд, флигель прислуги, построенный более века назад двухэтажный дом, картины, которые начал собирать кто-то из предков, столовая, библиотека.

Как только перешли Хопёр, в первом же селе, где разместились на ночлег, Алексеев увидел в крестьянской избе французскую книгу в кожаном переплете. Это обозначало одно – рядом должно быть имение. На вопросы хозяйка ответила, что выменяла ее на хлеб, сама тут недавно и ничего толком не знает, зато первый встречный крестьянин сразу показал дорогу.

Основательно уставший Алексеев вновь взнуздал лошадь и отправился посмотреть. Усадьба оказалась разграблена, и не просто разграблена, а уничтожена в бессмысленной злобе.

Подниматься по лестнице пришлось по хрустящим осколкам. Все стекла оказались разбиты, и Алексеев невольно подумал, что если оступится и упадет, то порежет руки и мундир. В поисках клада рояль изрубили, дубовый паркет взломали и разбросали по комнатам. Гобелены оказались изрезаны под портянки. Фарфоровую посуду и маленькую мебель, судя по всему, разобрали по хатам. Массивные двери и громоздкую мебель искромсали на дрова и увезли. Картины разрезали, опять же в поисках ценностей, при этом у портретов выкололи глаза.

На втором этаже, где располагались библиотека и спальня, книжный шкаф оказался опрокинут, ополовиненные книги желтели разорванными страницами. За разбитой перегородкой он обнаружил разбросанные письма и фотографий. Нагнувшись, поднял одно с голубой каемочкой, которое наверняка писала женщина, и прочитал, как какая-то девушка приглашала подругу на крестины дочери.

Когда Алексеев вернулся в избу, хозяйка выставила на стол угощения. Поручик шепнул есаулу, что она чует за собой вину, ибо участвовала в грабеже.

Алексеев посетил с десяток усадеб, и все они оказались уничтожены по единой схеме. Благодушное настроение постепенно улетучилось. Ленинский лозунг «грабь награбленное» на мозги действовал лучше всякой водки. После Тамбова замечаний казакам поручик уже не делал, с дрожью в сердце представляя, во что превратились любимые Озерки.

Не так, совсем не так представлял он эту встречу. Думал, что вернется с победой! Встречать барина выйдет проверенная годами прислуга... Но всё, увы, оказалось иначе.

Приезд барина начали обсуждать вороны, обустроившие гнезда в вековом парке. Без садовника им была благодать. Дом, словно череп глазницами, чернел выбитыми рамами, пруд превратился в болото. При этом как только по мощеной дорожке зацокали копыта, навстречу вышел старый лакей. Его парадный фрак оказался порван и основательно засален, седые нестриженные волосы выбивались из-под фуражки, а борода слегка шевелилась от ветра. Михаил помнил его с самого раннего детства. Всегда опрятный и подтянутый, Пантелеймон производил впечатление доброго дедушки из сказки. Теперь же на него было жалко смотреть. Прищурившись, старик разглядел барина, упал в ноги, начал рыдать и просить прощения, что не уберег усадьбу. Алексеев спешился, как родного и близкого человека обнял Пантелеймона и тоже пустил слезу.

Из рассказа выяснилось, усадьбу за полтора года грабили более десятка раз. Лошадей забрали, коров увели, птицу зарезали, сельхозмашины изломали, оранжерею, которую обожала бабушка, изничтожили. Прислуга, за исключением Пантелеймона, разбежалась сразу. Старому лакею идти было некуда. Потеряв в детстве родителей, мальчишка воспитывался в имении, прикипел душой к барской семье и остался у Алексеевых в качестве прислуги.

– Михаил Николаевич, но я их таки перехитрил, – утерев слезы, заявил камердинер. – Как только началось, на втором этаже в тайную комнату я спрятал самое ценное. Пойдемте, покажу.

– Пантелеймон, нет, не пойду. Мне будет больно видеть то, что было так дорого. Что ценного осталось, распродай, теперь это твое. Спасибо за службу!

– Да как же так, Михаил Николаевич? А картины? А резные стулья из красного дерева? А портсигары дедушки? А заграничные книги? Я ждал встречи с вами и сохранил, что смог! Это вещи вашей семьи...

– Да пойми ты, старик, некуда мне этого девать, мы в походе! – прервал барин. – Я посмотреть заехал, думал, переживу, но, чувствую, нет, не хочу это видеть!

Закинув ногу в стремя, Алексеев намеревался как можно быстрей покинуть усадьбу, но лакей его задержал.

– Погодите, Михаил Николаевич, я мигом.

Озлобленность и нервное напряжение хозяина передалось лошади. Конь не желал спокойно стоять, крутил головой, переминался с ноги на ногу и даже изобразил, что хочет укусить седока за коленку, требуя, как можно скорей ускакать из нехорошего места. Поручик погладил Орлика по шее, почесал за гриву, наклонившись к уху, начал шептать ласковые слова, но лошадь не успокаивалась. К счастью, Пантелеймон ждать долго не заставил. Подойдя ближе, он развернул перед барином дорожную сумку.

– Вот! С ней прабабушка ваша венчалась. Меня еще на свете не было, но дедушка ваш рассказывал, что именно эта икона спасла Озерки от холеры. Когда напасть подступила, Крестный ход организовали, усадьбу и деревню по кругу обошли. Семистрельная злые сердца умягчает. Михаил Николаевич, возьмите!

Михаил икону вспомнил. Она висела в зале первого этажа. Кто

приходил в гости, встречался взглядом с Богородицей. Богоматерь в серебряном окладе была изображена с воткнутыми в сердце мечами: три с правой стороны, четыре с левой. Число семь обозначало горе, печаль и страдания в ее земной жизни. Потускневшие краски свидетельствовали о древности изображения, при этом глаза, как и когда-то, были наполнены умиротворением.

Прабабка Михаила выходила замуж по любви, но без родительской милости. Чтобы помириться с отцом и матерью, отправилась пешком к старцу. Тот странницу благословил и подарил икону. Семистрельная родительские сердца размягчила, дочь прощение получила, а икона сделалась семейной реликвией. По традиции, перед подобным изображением молились об исцелении от холеры, хромоты и расслабления, об умиротворении враждующих, умягчении злых сердец при вражде или гонениях.

– Спасибо, голубчик! Век тебя не забуду! – поручик взял в руки образ Богоматери, спрятал в сумку и перекинул через плечо.

– Михаил Николаевич, что же теперь с усадьбой? Я не могу вот так взять и распродать вещи, которые мне не принадлежат. Я хранитель ценностей, но не хо...

– А я тебе говорю – продай! Теперь всё твое. Победим, в городе жить буду, в деревню не вернусь. Некуда возвращаться. Если нас красные разобьют, заграницу уйдем. Так что, старик, прощай! Еще раз спасибо тебе за службу!

По щеке предательски поползла слеза. Не желая ее показывать, поручик уколол лошадь стременами, и та пустилась в галоп. Оцепеневший Пантелеймон долго оставался на месте, и только когда в наступивших сумерках растворился топот копыт, бывший лакей побрел в сторожку. Не так, совсем не так представлял он эту встречу. Как цепной пес, всю свою жизнь он служил хозяевам, а получив свободу, попросту не понимал, как ей распорядиться.

Проезжая мимо деревни, Михаил вспомнил, как катался с горки с мальчишками. Его дед построил для крестьян школу и содержал ее за свой счет, отец пожертвовал на церковь, бабушка и мать молодым девушкам помогали с приданным. За что бывшие товарищи по играм разгромили имение? Алексеев окончательно определился, что не любит русский народ. В случае победы, он и его сторонники будут народом управлять, ибо он нуждается в управлении, но уже без любви.

При штурме Козлова поручик на своем Орлике ворвался в город в числе первых. После, в честь победы Белого оружия, рядом с Мамонтовым отстоял вечернюю службу. Батюшка казаков и офицеров благословил, окропив святой водой, словно ураган ливнем. Казалось, теперь всё пойдет легко. Ровная, как стол, степь идеально подходила для действий конницы. Не встречая сопротивления, они шли от села к селу. Красные, на которых хотелось сорвать злость, разбегались загодя, и вот теперь никому неизвестное селение, где дерзкие большевики забаррикадировались в церкви.

Основные силы с десятью пушками и множеством пулеметов обходили Новое Козьмодемьянское стороной. Отделившейся от полка сотне в задачу ставилось найти телеги для разраставшегося обоза и мобилизовать в Белую армию крестьян, сделав их кучерами собственных лошадей. Однако здесь всё пошло не так. Исправных телег по дворам не нашли, а в конюшнях попадались только клячи, которые могли упасть под тяжестью седла. Кроме кур, другой добычи не было – селяне к приходу казаков подготовились.

Спешившись, Алексеев из-за понурой хаты взглянул на площадь и оценил обстановку. Красный флаг со здания школы уже сбросили, но, если кто-то пытался подойти к храму, – следовал выстрел. Огороженная невысоким забором церковь представлялась надежным укреплением.

– Эх, нам бы пушку. В момент двери бы вышибли, а вторым залпом всех смели...

– Ваше благородие, да что вы такое говорите? Мои станишники лучше сами погибнут, но греха на душу не возьмут, – урезонил есаул.

Большая часть кубанцев принадлежала к старообрядцам и отвечала на выстрелы неохотно.

– Ну и черт с ними! Где амвон дверцу видишь? Палите по ним, не дайте высунуться. Я с тремя казаками через забор незаметно перелезу, бревно возьмем, попробуем ее вышибить.

Услышав удары, Григорьев понял, что его перехитрили. Два железных засова не спасут, скоро малую дверцу вышибут и перестреляют их, как куропаток. Значительная часть патронов была израсходована, на долгое сопротивление рассчитывать не приходилось. Спрятавшись за телегами, дверь взяли под прицел, но отогнать штурмующих, находившихся вне зоны обстрела, не представлялось возможным. Вдруг сверху из-под самого купола прозвучал выстрел. Долбежка прекратилась, казаки, бросив бревно, старались как можно скорее перемахнуть через забор. По куполу стали щелкать пули.

– Братва, подкатите телегу с сеном поближе. Мне тут не удержаться, прыгать придется! – прокричал с верхотуры Зорин.

Как он там появился? Может, выросли крылья, и он перелетел на купол с колокольни? Впрочем, думать было некогда, нужно было действовать. Подкатили телегу. Зорин сперва бросил винтовку, но промахнулся. Она с грохотом ударилась об каменный пол, разбив приклад. После, на всякий случай перекрестившись, прыгнул сам и угодил точно в сено, чему подивились не только товарищи, но и святые угодники.

– Пименов на колокольне. Боюсь, не поднимусь, ему подмога нужна, – потирая ушибленную стопу, произнес Зорин.

Главный вход располагался под колокольней, откуда Зорин спустился на средний уровень, незаметно прополз по крыше, с винтовкой за спиной вскарабкался на ободок купола. Перехватываясь руками за выемки стены, прошел по узкому декоративному выступу и оказался над казаками. Увлеченные долбежкой, опасности они

не заметили. Зорин понимал, что прицельно выстрелить не сможет, как и перезарядить винтовку, ибо левой держался за выемку стены. Главной целью было отогнать от двери. Когда пуля ткнулась в бревно, напуганные казаки ретировались. Опомнившись, по безумцу принялись стрелять издали, но не попали. Проделать обратный маршрут не представлялось возможным, его бы наверняка подстрелили. Оставалось раскрыть оконце и прыгнуть внутрь церкви, что Зорин и сделал.

– Вот молодца! Отобьемся, неделю водкой поить тебя будем! Сомов, мигом на колокольню. С Пименовым во все стороны глядите, не подпускайте их к церкви.

Пули щелкали по фасаду и залетали внутрь, разбивая цветастые фрески.

– Судя по папахам и черкескам, это кубанцы. Донцы всегда с пиками, носят фуражки, гимнастерки и синие шаровары с красными лампасами. С донцами было бы сложней. Среди кубанцев полным-полно староверов. От кубанцев отобьемся, – подбадривал товарищей председатель.

Патронов оставалось мало, отвечали только если кто-то хотел приблизиться. Одного нападавшего удалось серьезно ранить и подстрелить пару коней. Видя, как лошади мучаются, казаки добили их выстрелами.

День приближался к вечеру, наклонившееся небо злобно чернело тучами, намереваясь снести с колокольни крест, но на земле ситуация не менялась. Со всех сторон церковь была обложена казаками. Желая отомстить за лошадей и за ранение товарища, стрелять стали чаще, но пули цели не достигали.

– Какой ты есаул, если командовать не умеешь? Нужно было посыльного до обоза отправить, чтоб пушку прислали! Большевики церквей не жалеют. Со староверами тоже цацкаться не станут, – выговаривал Алексеев.

Чувствуя вину, визави молчал. Приказ был – быстро пройтись по селу и вернуться в расположение полка. Они же основательно задержались. Вот-вот пойдет дождь, казаки нужны при обозе. Плюс раненому Семену требовалась врачебная помощь.

– Ваше благородие, сотней командую я. Вы вправе о случившемся доложить полковнику Кривошеину, однако я отдаю приказ отходить.

Формально есаул был прав, но на душе у поручика скреблись кошки. Отборная сотня не смогла разбить десяток бродяг! В качестве наказания казаки подожгли дом, где ранее висел флаг и несколько хат. От места боя Алексеев отъезжал последним, всю свою злость вкладывая в выстрелы.

Уверовавший в светлое будущее Пименов держал винтовку первый раз в жизни. Отдавая товарищам патроны, за весь бой он сделал всего два выстрела. Оставался последний, и израсходовать его Пименов намеревался сам. С колокольни он видел, как казаки поджигают школу. Со школой долго не получалось, зато соломенные крыши хат вспыхнули как порох. Услыхав треск пожара, из погребов начали вылезать рыдающие бабы, но их отогнали нагайками.

«И что, они просто так уйдут? Нет, нужно отомстить!», – крутилось в мыслях.

Зарядив ружье, Пименов взял на прицел последнего всадника, долго целился и, наконец, выстрелил. Пуля ударила в плечо, пробила лопатку и прошла навылет. Резкая боль прошила сознание, голова закружилась, правая рука, которой поручик держал узду, беспомощно повисла. Верный Орлик, чувствуя, что седок начал крениться, попытался его выровнять. С галопа перешел на шаг, но ситуации исправить не смог. Какое-то время поникшее тело болталось в стременах, но вскоре сползло с лошади, завалившись в кусты. Какое-то время конь постоял рядом, но далее, испугавшись раскатов грома, пустился в галоп. Догонять эскадрон Орлик не стал, отправившись гулять по собственному маршруту.

После ухода казаков начался сильный ливень. Дождь, превратив дороги в болотистую жижу, не позволил огню перекинуться на другие хаты. Поручика хватились на следующий день. Думали, если пропал вместе с лошадью, наверняка отправился на доклад к Мамонтову, либо укрылся от дождя в какой-то хате. Как далее выяснилось, в штабе его никто не видел, в расположении полка Алексеев так и не появился. Потери на войне дело обычное. Возвращаться назад, чтобы искать поручика, казаки не стали.

Как только прозвучали выстрелы, Иван открыл погреб, куда спрятал семью. Спустившись последним, остался возле лестницы, держа вилы наизготовку. Пол в хате был земляным, и погреб обустроили по-хитрому. Чтобы спуститься, нужно было отодвинуть топчан. Его приподняли и держали крышкой, когда дверцу опустили, топчан вернулся на место. Подпол копали, чтобы схоронить от продотрядовцев мешок с зерном, а он пригодился, чтобы спрятаться самим.

Пятилетний Петька у Луниных был старшим. Если годовалой Машке и трехлетнему Кольке мать приготовилась заткнуть рты, то Петька понимал, что нужно сидеть тихо. Возле дома раздался топот копыт, заскрипели петли амбара, им жалостно ответила дверь хаты. Сверху послышались шаги. Сердце ребенка от страха начало бешено колотиться, но всё обошлось. Если не считать кружевных занавесок и трех высоких подушек, которые матери подарили в качестве приданного, взять в доме было нечего. Коня и коровы Лунины завести не успели. Томившаяся в печи каша незваного гостя не интересовала. Наполненный инструментами уголок, где Иван вырезал ложки, тоже не тронули. Судя по всему, человек зашел, посмотрел и поспешил дальше.

Дождь шел всю ночь. Капли злобно колотили по соломенной крыше, словно пытаясь донести какую-то истину. Утром село вновь наполнилось людьми. В первую очередь осматривали хозяйство, пытаясь оценить ущерб, после спешили к церкви.

Отец Александр пытался напутствовать словом божьим, но его, кроме старух, мало кто слушал. В противовес священнику, председатель, наоборот, набрал

силу, и голос его звучал уверенно.

Лунины жили на окраине. Отпросившись у матери, Петька вместе с товарищами захотел посмотреть сожженную школу и церковь. Собирать гильзы взрослые пацаны не разрешили. Оставалось, разве что, исследовать собственную улицу, переходящую в дорогу, но и здесь снова не повезло. Кто-то из соседей обратил внимание на примятые кусты. Спустились вниз, а там убитый офицер. На вид ему было не более тридцати. Русоволосый и худощавый, он умер мгновенно. Куда делись портупея, форма и сапоги, никто не понял, но к приходу священника он лежал в одном нижнем белье.

Григорьев с товарищами категорически запретил хоронить белогвардейца на местном кладбище. Несчастный, при содействии отца Александра, упокоился на выселках, неподалеку Луниных.

Расстроенный Петька, переживая, что не нашел ни одной гильзы, решил исследовать кусты, где обнаружили офицера. По примятой траве мальчишка определил, где лежало тело. Рядом ничего интересного не было. Хотел уже уходить, и тут заметил сумку. Она упала в траву, и ее никто не заметил. Схватив находку, босоногий мальчуган пулей полетел к дому. Развернув сумку в сарае, Петька расстроился. Думал найти оружие, а тут расческа, очки, блокнот с записями и икона.

Сын о находке рассказал матери. Судя по дорогому окладу, икона была из монастыря, либо принадлежала богатым людям. Мать рассудила, дескать, это не Петька нашел икону, а наоборот, икона новым распорядителем выбрала Петьку. По деревенским меркам изображение казалось необычным – Богородица без младенца, а ее сердце пронзали мечи. Посоветовавшись мужем, женщина решила, если идет война и убивают людей, то и в небесных делах всё непросто. Икону необходимо спрятать и до поры до времени никому не показывать.

День за днем потянулись недели, переходящие в месяцы. Зима и лето, чередуясь, закрутили календарь. Петька пошел в школу, отучился и вырос крепким и смышленым парнем. Отец Александр умер, Новое Козьмодемьянское осталось сперва без священника и далее без церкви. Приехавшая комиссия строго следила, чтобы никто не забирал из храма иконы, а всё то, что выносили, сжигали на площади. Спилить кресты получилось только с третьего раза. На куполе и на колокольне пришлось устанавливать подпорки. С пережитками прошлого боролись в общественных местах, однако в дома не заглядывали, сохраняя право темного крестьянства на вековые пережитки.

Если шила в мешке не утаишь, то на деревне секрета от соседей не спрячешь. Превращенная в зернохранилище церковь для молитвы не подходила. Молодежь религия не интересовала, а старшее поколение, узнав, что у Луниных есть особая икона, стали приходить для поклонения.

* * *

– Степаныч, ты посмотри, опять сверху сигали. Вот ведь черти! Высоты не боятся! – указывая на собранное зерно, посреди которого чернели ямки, возмущался сторож.

– Да, непорядок. В школу ходим, с учениками беседуем, не помогает. Многие комсомольцы, а туда же, – отвечал агроном.

Степаныч хотел обматерить сорвиголов, но не успел. В этот момент подошли дедушка с внуком. Сквернословить при ребенке представитель сельской интеллигенции не стал, взял накладную и молча ее подписал.

– Всё утро за вами бегаю. Бензонасос полетел, но я управлюсь. Прокладку на складе получу и сам всё отремонтирую, – на одном дыхании выдал Петр Григорьевич, на что агроном одобрительно кивнул.

Петр Лунин считался в колхозе старейшим водителем. Сидеть на пенсии бывший фронтовик не мог. За баранкой провел большую часть жизни и расставаться с машинами не собирался.

Озадачившись ремонтом, дедушка взял внука с собой в сельхозтехнику. Ему сказали, что агроном на зернохранилище, куда они и направились. Внук жил в Москве, при этом каждое лето проводил в деревне. Сашке нравилось смотреть, как дед заводит машину, крутит баранку и переключает передачи. Утром дед выезжал рано, зато вечером они вместе ездили забирать доярок. Дед помогал бабам затолкать тяжеленые бидоны в кузов, после чего доярки, устроившись подле бидонов, всю дорогу пели песни. Неведомых мест в селе и окрестностях для Сашки не существовало, при этом в зернохранилище он оказался впервые. Отойдя от взрослых, мальчишка начал с интересом изучать бывшую церковь.

Одна из боковин центральной части была переделана под ворота. Машины заезжали, поднимали борта и ссыпали зерно на пол. Под высоким куполом суетились ласточки, а на старинных стенах проступали лики с проколотыми глазами, глядя на которые в душе зрело чувство тревоги.

Собственной квартиры у Сашкиных родителей в Москве не было, ютились в коммуналке. Както раз, притворившись спящим, сын посмотрел вместе мамой и папой «Тучи над Борском». Под конец фильма, когда верующие хотели распять Олю на кресте, ребенок не выдержал и заплакал.

– Говорила тебе, переключи на другую программу! – накинулась на отца мать. – Сашенька, не бойся, всё хорошо. Мы тебя любим и никому в обиду не дадим.

Икон дома не держали и ни в какие церкви ребенка не водили. Состоявший в партии отец считал религию пережитком прошлого, которое должно тихо отмереть вместе со стариками. Он снисходительно смотрел на красный угол, а если зажигали лампаду, старался не обращать внимания.

В Тамбовскую деревню Сашку привозили в начале июня и забирали в конце августа. Из развлечений были: езда на машине, рыбалка, сбор ягод, походы в гости. В соседских хатах неизменным атрибутом были горы подушек, развешенный над кроватью ковер с богатырями, рамка с фотографиями и угол с иконами. Со време-

нем внук понял, что у деда икона необычная. Обрамленное окладом изображение не являлось фотографией, как у соседей. Судя по всему, икона была древней, нарисованной на едином куске дерева. Когда наведывались соседки, бабушка отправляла внука прогуляться. Как-то раз, отоварившись в магазине конфетами, прежде чем войти, он заглянул в окно. В зале, прямо на полу, расстелив коврик, две бабки стояли на коленях, крестились и отвешивали поклоны.

Ребенка охватило чувство страха. Темные люди, верящие в непонятного бога, вызывали оторопь. И почему они ходят именно к ним? В любом случае, он понимал, что бабуля его любит и на кресте, как Олю из фильма, распять не позволит. Из всех приходивших более других Сашка боялся Сергевну. Сколько было лет соседке, никто не знал. Морщинистая и суетливая, она жила в старом кирпичной доме, ходила в черных одеждах и неизменно тараторила молитвы.

В Москве с папой, а позже с классом, он несколько раз посетил планетарий. Запрокинув голову, с удовольствием смотрел, как на темном куполе движутся планеты и звезды. Лектор объяснял устройство Вселенной, не оставляя места для Бога.

«В деревнях планетариев нет, поэтому верят во всё темное», – думалось Сашке.

Дед, в отличие от бабушки, религиозностью не отличался, и вот теперь, после зернохранилища, внук захотел с ним поговорить.

– Деда, а кто в кучу зерна прыгал? На кого сторож жаловался.

– Ой, Сашка, это началось давно! Во время войны первый председатель рассказал, как они в гражданскую от белых отбились. Один из парней с колокольни до купола добрался, стрельнул и внутрь церкви в телегу с сеном прыгнул. Белые не ожидали и разбежались. Кто слушал, уже повестки получили, должны были в район явиться и на войну отправиться, а из церкви уже сделали зернохранилище. Так они залезли под купол и прыгать стали. Дескать, мы тоже отважные. Кто прыгал, живые вернулись, кто не стал – погибли. И вот теперь, кому в армию идти, под купол лезут и в зерно прыгают.

– И папа мой прыгал?

– Я твоего отца строго-настрого предупредил, дескать, задницу надеру. После узнал, обманул он меня. Но теперь его, как в детстве, розгами не надерешь.

Обдумывая услышанное, Сашка решил продолжить тему с бабушкой. Углядев с сарая, как пастух пригнал стадо и как коровы двинулись по домам, открыл ворота и загнал Зорьку в стойло. Нагулявшаяся телушка тяжело дышала, от разбухшего вымени пахло молоком. Мальчонка помог бабушке согреть воды. Та взяла тряпку, протерла вымя, и по пустому ведру привычно зазвенели струйки.

Желая угодить, внук выпил два стакана парного молока, после чего осторожно начал:

– Ба, а икона, что у нас в зале, она старинная? Почему старухи приходят и на нее молятся?

– Ее дедушка во время гражданской войны нашел. Они на выселках жили, наш район к Рязанской губернии относился. В Тамбовскую уже после определили, и Богоявленск в Первомайск переименовали.

– Ба, ну при чем тут Богоявленск? Это когда было? Теперь и самолеты по небу летают, и космонавты. Леонов в космос выходил и никакого бога не видел!

– А Бог Леонова видел. Всё, что вокруг, в том числе нас самих, Бог создал. Ты погляди, Сашка, какая земля сухая. Пыль по дорогам столбом, а на полях всё сохнет. Соседки сказали, в воскресенье о дожде молиться пойдут. Попросили нашу икону. Ты тоже с нами пойти можешь.

Посеревшая земля была усыпана трещинами. Наполняя бочку, Сашка ежедневно поливал огород. Воды в колодце оставалось на самом дне, и его лейка картофельное поле не спасала. Ботва желтела и сохла, наклоняясь всё ниже и ниже.

Закончивший первый класс Сашка, закрепляя заданное, еще в июне зазубрил ЖИ, ШИ и таблицу умножения, но к концу лета всё напрочь забыл. Опомнившись, вновь взялся за тетрадки.

Жаркий август перевалил за экватор, и потому каждый день был дорог. Вернуться в школу неучем не хотелось, как и спорить с бабушкой. Он решил: «В воскресенье пойду со старухами, посмотрю, как молиться будут. В четвертый класс перейду, на природоведении об отсталой деревне расскажу и получу пятерку!»

С субботы на воскресенье спалось неспокойно. Снились черные бабки, которые во главе с Сергевной хотели распять его на кресте. Но разве это согласуется со званием октябренка? Командир звездочки испугался каких-то бабок? Нет, он не трус и посмотреть на дремучих людей пойдет!

С рассветом дед убежал на работу. Бабушка выпустила корову, и та побрела к стаду. Не желая будить внука, намеревалась тоже уйти, но Сашка был начеку. Он быстро собрался, хлебнул чая и отправился вместе с ней.

Евдокия Андреевна оделась по-праздничному, достала вышитый рушник, чтобы не прикасаться руками, взяла через него икону и вышла во двор, где ее ждали соседки. Шествие растянулось по селу. Под молитвенные песнопения впереди всех шла бабушка, и в руках у нее находилась икона. Не желая считаться отсталым и потому испытывая чувство стыда, Сашка плелся в конце. Прошли мимо церкви, повернули на Попов пруд, где некогда поп жил, миновали плотину и оказались в поле.

Расправлявшее лучи солнце обещало день жаркий. Над золотистой пшеницей суетились стрижи. При отсутствии ветра понурые колоски казались большим засохшим гербарием. Отмахиваясь от мух, старухи пения не прекращали, а увязавшийся за ними мальчик старался держаться на расстоянии. Наконец, процессия свернула в посадку, где посреди полянки возвышался стриженный холмик. Сашка приходил сюда по грибы, но могилки не видел. После закрытия церкви народ начал ходить сюда, чтобы просить о дожде.

Женщины достали из кустов самодельную подставку, куда ба-

буля определила икону. После, встав на колени, затянули молитву. Сергевна голосила, другие подхватывали. Глаза светились рвением. Натруженные руки складывали пальцы щепоткой и перекрещивали тела.

Мальчишка убедился, что старухи опасности не представляют, и, отстранившись, тихо сидел в сторонке. Время шло, день набирал обороты, а воды он не взял. Прикасаться губами к кружке, из которой пили все, не хотелось, как и идти домой одному.

Сашка обдумывал, как рассказать маме и папе об увиденном? Мать строго предупредила, дабы отец поговорил со своими, и чтобы внука оградили от религии. А если на следующий год не пустят в деревню? Нет, про отсталых старух лучше умолчать.

На обратном пути молитв не пели. Когда вернулись в село, компания распалась на составляющие. Появившийся ветер приближал тучи, от которых селяне стремились спрятаться. Первые капли начали уверенно барабанить, как только бабушкой с внуком добрались до дома. Дождь шел в течении часа, в жидкое месиво превращать дорогу не стал и окончился также внезапно. Листья и травы, словно женщины сережками, засверкали каплями, а взбодрившиеся петухи, расцарапывая лапой почву, начали подзывать кур. Через полчаса небо прояснилось, и о дожде, кроме почерневшего чернозема, ничто более не напоминало.

«Чудес не бывает! Просто случайность. Прилетел ветер, пригнал тучи, и никакой бог ни при чем», – думалось Сашке, но спорить с бабушкой ребенок не стал. Когда вечером лег спать, в полудреме до сознания долетел близкий и родной голос: «Это Семистрельная! Я всю войну перед ней на коленях стояла, чтобы дедушка живой вернулся. Воткнутые мечи, это грехи человеческие, которые Матерь Божья на себя взяла!»

В последующие годы Сашка каждое лето приезжал в деревню, где ему несколько раз довелось видеть, как молились о дожде – и дождь обязательно шел. Школьник относил подобное к законам физики. Жизнь наполнила Александра новыми впечатлениями, религиозные страхи, как и истории с иконой, забылись. Отрицавшая религию страна почила в прошлом и забрала с собой колхозы. Из-под купола в зерно никто больше не прыгал. Церковь в Новом Козьмодемьянском восстановили, при этом само село опустело, молодежь устремилась в города.

Ушли в мир иной Сашкины дедушка с бабушкой и мама с папой. Достигнув зрелого возраста Александр понял, что историю своей семьи знает условно. Петр Григорьевич о войне не рассказывал, впрочем, его и не спрашивали. Был на фронте – и этим всё сказано. Зачем выспрашивать, если есть множество фильмов? Уже после смерти дедушки Александр выяснил, Петра Лунина призвали в армию в 1934 году. На ту пору служили пять лет. Лунин успел поучаствовать в Польском походе РККА. Демобилизовавшись, вернулся в родную деревню, женился, родилась старшая дочь. В сентябре 1941 года Петра вновь призвали в армию. Бабушка уже была в положении и родила папу в феврале 1942 года.

Дедушкин огород размером был с половину футбольного поля, шел под уклон и упирался в ручей. Каждый год бабушка находила на грядках монеты и отдавала внукам. Откуда они в таком количестве, никто не думал. Тот факт, что Луниным выделили землю, отрезав ее у родителей Сергевны, той самой соседки, которую Сашка в детстве боялся, для пятидесятилетнего Александра стал открытием. Семья Сергевны занималась водочным производством. К ним шли за выпивкой, по дороге теряя монеты. Получается, соседей раскулачили, при этом Сашка разговоров на эту тему никогда не слышал.

Александр Максимович с годами пересмотрел свое отношение к религии, и одной из причин тому стала Семистрельная. В качестве наследства она перешла к отцу и оказалась далее в семье Александра. Всматриваясь в лик, он неизменно отмечал, что краски не тускнеют. Сходил в церковь, узнал историю обретения, записал молитву, которую принято читать перед образом.

Иногда казалось, что Богоматерь погружена в себя и обращенного к ней не замечает, в другой раз, наоборот, слегка улыбаясь, приглашала к разговору. С годами пришло понимание, просить Семистрельную о заступничестве допускается в самом крайнем случае. Можешь без этого обойтись – лучше не проси.

Более десяти лет Александр Лунин проработал на Севере. Когда командировка закончилась, отправил домой вещи контейнером, а сам поехал поездом. Сумку, где лежала икона, ночью хотели украсть, вытащили и понесли в тамбур. Не вышло! Воришка споткнулся и грохнулся на пол, разбудив пассажиров.

В духовном мире свои законы, которые не всегда понятны простому смертному. Одно можно сказать точно, обретаемая икона не переходит к кому-то. Икона сама назначает хозяина.

ЕДИНСТВЕННАЯ ИГОЛОЧКА

Памяти
Владаса Феликсовича Жураускаса
посвящается

Евгений КУЗНЕЦОВ

Поэт и прозаик, канд. тех. наук, доцент, член Союза писателей России, член Русского географического общества, автор десяти сборников стихов и пяти книг прозы, дипломант литературной премии Уральского федерального округа, дипломант премии Института географии РАН, дипломант Всероссийского конкурса на лучшие книги о горных, экстремальных и приключенческих видах спорта и путешествий, обладатель титула Всемирной энциклопедии путешествий «Путешественник-легенда», мастер спорта СССР по альпинизму, чемпион СССР (1969 г.) по альпинизму. Живет в Екатеринбурге.

Владек рос смелым мальчиком, не плакал. Если в драке разбивали нос, не жаловался. Но один раз он заплакал. Испугался своего деда.

Дед всю жизнь служил в армии и был военным до мозга костей. Закончил службу в звании генерала русской армии. Пережил четырех сыновей и умер на сто пятом году жизни. Вольдемар помнит, как дед собирался по праздникам в церковь. Вечером накануне службы он приказывал почистить ему сапоги и пуговицы на мундире. Это была святая обязанность внука, и Владек до блеска драил мелом пуговицы с двуглавым царским орлом. А дед мочил свои пышные усы, расправлял их в стороны-вверх и завязывал на ночь полотенцем, чтобы не опускались. Так и ложился спать. Утром подкручивал их, поглядывая в зеркало, надевал мундир, натягивал сапоги, а бабушка суетилась вокруг него. Дед хмыкал, оглядывал себя и степенно направлялся в церковь. К его возвращению всегда был накрыт праздничный стол.

Как-то Владек проиграл на улице четыре пуговицы с мундира деда. Медные, да еще с двуглавым царским орлом, ценились они очень высоко. До следующего церковного праздника было далеко, и Владек думал, что успеет отыграться. А потом забыл о них. Но наступил судный день. Владека позвал отец, и сказал, что дед приглашает к себе. Сердечко забилось, как воробышек.

– Ты садись, – сказал дед отцу Владека, когда они зашли. Затем дед оглядел внука таким взглядом, что слезы сами собой покатились у того из глаз.

– Я не спрашиваю, где пуговицы. Но если их не будет – домой не приходи. Пойдешь к Неману и сам утопишься, – гневно произнес дед.

В слезах прибежал Владек к бабушке, любившей его больше всех на свете, и рассказал о своем горе.

– Ой, что нам всем будет! – запричитала бабушка. – И что ты только натворил!

Прихрамывая, подошла она к старинному комоду, достала из него обтянутую шелком шкатулку, полную всяких пуговиц, и протянула внуку. Он стрелой на улицу. Пуговицы с орлом были уже в карманах новых хозяев. Под вечер он выторговал назад все четыре пуговицы и вернулся домой с опустевшей шкатулкой. Обрадованная бабушка возвращала потерянные пуговицы на их законное место. Владек тихо сидел рядышком и смотрел, как ловко работала она иголкой.

– Как ты научилась так ловко работать иголкой? – спросил он бабушку.

– Это просто иголочка такая, единственная, – засмеялась бабушка и погладила внучонка по голове.

– Как это так единственная? Вон у тебя сколько их!

– А так. Перед тем, как шить-зашивать, я всегда думаю: какую иголку взять, чтобы не оторвалось больше, и глаза мои показывают: вот эту.

– Бабушка, а я бы смог так определять единственную иголочку?

Бабушка снова засмеялась.

– Конечно, сможешь. Все у тебя впереди.

Утром, надев мундир, дед позвал Владека.

– Вот теперь я вижу, что добрый у меня внук!

Поцеловал его и дал напоследок шлепка по известному месту.

Не чуя под собой ног, Владек вылетел на улицу.

Отец Владека и трое дядей все служили в русской армии. Все четверо восприняли революцию как знак к освобождению Литвы, оккупированной немцами и поляками. Дяди погибли, сражаясь за свободную Литву, еще до рождения Владека. И могилы их были рядом. Отец Феликс, пройдя фронты гражданской, оказался в Петрограде, был замечен Дзержинским и поступил на службу в ЧК. Уехав на родину, был арестован и пребывал в тюрьмах по сороковой год. Освобождение пришло после присоединения Литвы к Советскому Союзу. Снова служил чекистом, но в начале войны был убит литовскими националистами.

После военного училища Вольдемара приняли в гусарский полк. Настал роковой 1939-й. Германия напала на Польшу. Отступая, польская армия стала занимать литовские земли, чтобы закрепиться на них. Еще с гражданской войны часть Литвы, включая Вильнюс, была захвачена Польшей. Но не от пана Пилсудского зародилась ненависть между Литвой и Польшей. Корни тянулись со времен Речи Посполитой. Еще тогда поляки считали своими литовские земли.

Ранним утром отряд из шестидесяти сабель под командой Вольдемара стоял в дозоре на польско-литовской границе. Еще вчера разведка донесла, что поляки готовятся к наступлению. На опушке леса за изгородью Вольдемар заметил блеск. Это был блеск не сабель, а ножен. Сабли у поляков были в металлических ножнах, ножны и блестели. Ждать было нечего. Надо упредить! «Шашки к бою!» – скомандовал Вольдемар. Кони в карьер, перемахивают через изгородь. Завязалась сеча. Поляки, хотя и не ждали атаки, быстро оправились. Звон сабель, храп лошадей, ругань, проклятья и стоны раненых. Вольдемар сносит полголовы польскому кавалеристу и сам получает удар по голове, теряет сознание. В том бою поляки были разбиты.

Очнулся он в лазарете. Боль в голове была такая, что, когда сестра шла в туфлях по коридору, ему казалось, что кто-то идет в железных сапогах. Он уже выздоравливал, когда в палату вошла делегация. Четыре человека. Генерал, полковник, капитан и священник. Генерал был очень высокий. Таких высоких людей Вольдемар больше никогда не видел. Полковник же, командир их гусарского полка, олицетворял собой бога войны. Строгий и суровый. Козырек его фуражки почти всегда был надвинут на лоб. Это означало дурное расположение духа. Значительно реже, когда козырек смотрел вверх, расположение духа было хорошее, и полковник был особенно справедлив. Капитан же, командир эскадрона, был мягкий, интеллигентный человек. Гусары любили его за доброту и чуткость. Делегация подошла к койке Вольдемара. Голова его была еще в бинтах.

– Вот он, нарушитель! – воскликнул полковник, – почему выступил без приказа? Выйдешь из госпиталя – пятнадцать суток ареста! Горячую пищу – один раз в трое суток! Капитан, слышите?

– Слушаюсь! – отвечает капитан.

Генерал протягивает священнику Георгиевский крест. Священник осеняет крестом Вольдемара.

– Полковник, нацепите, – говорит генерал.

– А это тебе за доблесть, – говорит полковник, прикрепляя крест к больничной рубашке Вольдемара.

Выйдя из лазарета, Вольдемар вернулся в часть и сразу подошел к капитану.

– Готов отбывать наказание, гражданин капитан!

– Вы что? Награжденные крестом не подлежат ни суду, ни аресту.

Литва интернировала поляков. Их размещали в опустевших осенью дачных поселках. И было разрешено им уезжать в любую нейтральную страну. Вольдемар оказался свидетелем одной отвратительной сцены, усилившей его ненависть к полякам. По дороге, у которой находилось его подразделение, ехал на небольшой скорости открытый автомобиль. На заднем сиденье сидела богато одетая, красивая пани, известная польская звезда. А рядом с шофером была большая черная собака. Литовский поручик остановил машину. Рядом с поручиком стоял раненый польский солдат. Взяв под козырек, поручик подошел к даме и произнес:

– Вы направляетесь в местечко... Возьмите и вашего раненого.

– Ехать в одной машине с чернью? Никогда! – рот пани брезгливо и гневно скривился.

– Выведите собаку! – приказал поручик шоферу.

Шофер медлил.

– Я приказываю вывести собаку! – повторил приказание поручик, вытаскивая пистолет.

Шофер повиновался. Он вывел из машины огромного, как теленка, пса. Поручик выстрелил. Визг собаки слился с криком пани, падающей в обморок.

– Помогите солдату сесть! – обратился поручик к Вольдемару. Вольдемар подсадил раненого. Машина тронулась.

Литва была провозглашена советской. Литовская армия вошла в состав Красной армии. Гусарский корпус, в котором служил Вольдемар, вначале был переименован в казачий, а потом в отдельный территориальный кавалерийский литовский корпус. Было разрешено оставить на фуражках кокарды. Во всех литовских частях вышел приказ соорудить в казармах двухъярусные койки, чтобы принять солдат Красной армии. Вольдемару запомнился приход красноармейского подразделения в расположение их полка. Солдаты подходили уставшие, запыленные. От скаток шинелей у многих до крови были натерты шеи. К их приходу был приготовлен сытный обед: мясной суп, каша с тушенкой. Но приказ по Красной армии запрещал принимать литовскую пищу: опасались массового отравления. Красноармейцы, глотая слюну, отворачивались от литовских котлов.

21 июня 1941 года старший лейтенант 615-го кавалерийского полка Владас Жураускас отпросился в увольнение. У него было назначено свидание с красивой

девушкой. Уставший, весь нацелованный, возвращался он в лагерь в четвертом часу утра. В командирской палатке горел свет. За столом, составленным из ящиков, сидели подвыпившие офицеры. Увидев Вольдемара, крикнули:

– Иди к нам!

– Не хочу. Спать хочу.

– Ишь, как нагулялся...

Не дойдя до своей палатки, Вольдемар услышал гул моторов в воздухе. Поднял голову. На бреющем полете летели самолеты с крестами на крыльях. «Почему кресты?» Стрельба и грохот взрывов оборвали мысли. Ржание лошадей, стоны раненых, несвязные выкрики команд, общая паника. Самолеты заходили несколько раз. В штаб отправили связных. Но штаб снялся, уехал на машинах. Патронов было мало, и, отступая, кавалеристы без приказа вскрыли склад с боевым снаряжением, набили патронами переметные сумки. А немцы двигались на машинах и мотоциклах, и к вечеру 22 июня были уже в Каунасе.

Корпус, отступая, дошел до Волоколамского шоссе. Больших боев не было. Все время приходилось выходить из полукольца. Танковые клинья немцев несколько раз грозили сомкнуться. Около Бородино, легендарного Бородино, Вольдемара ранило пулей в голову. И он оказался во Владимире в военном госпитале, не ведая, что этот город еще раз встретится в его жизни. Выйдя из госпиталя, Вольдемар надел свою форму, фуражку с кокардой. В городе его принимали за немца, не давали прохода. Пришлось получить в военкомате звездочку и прицепить вместо кокарды.

Неожиданно его вызвали в Москву, в особый отдел. Там впервые увидел он генерала Царева. С ним разговаривали вначале по-русски, затем по-литовски, затем по-немецки.

– Пойдете в разведку?

– Да.

И Вольдемар получает задание попасть в Каунас, войти в доверие к немцам и принять участие в формировании литовских воинских частей.

И вот он – командир литовского инженерного батальона на службе у немцев. Две тысячи человек в батальоне. Городок Старая Русса. Вольдемар живет на квартире у деда, у которого жена и сын с невесткой. Но сын скрывается от немцев, прячется в хлеву, в большом ящике, зарытом под ногами коровы. У Вольдемара время от времени пропадают патроны от парабеллума, отсыпается табак. Он делает вид, что не замечает. Сына обнаружили и расстреляли всю семью.

Старшина из инженерного батальона предупредил Вольдемара, что к нему приходили и спрашивали, сколько и как часто Вольдемар получает патроны. К Вольдемару приезжают два офицера-гестаповца, предлагают выпить. Подвыпивший, один из них просит Вольдемара поделиться патронами. Вольдемар понял, что его провоцируют, ловят на одинаковых патронах. Он отказывает. Гестаповец явно раздосадован. Вольдемар берет парабеллум гестаповца, нажав кнопку, открывает обойму, которая полна патронов.

– Зачем тебе патроны?

Гестаповцы ушли, но слежка продолжалась. Вольдемар получает два приказа. От немцев – выступить в Толмачево на перевооружение с русского оружия на немецкое и далее на фронт. От наших – вывести батальон в Литву к партизанам. Более ста подвод, запряженных парами лошадей. Пулеметы, ящики с патронами. Вольдемар собрал командиров и объявил решение идти к партизанам. Предложение приняли единодушно. И только один из командиров молчал, глядя непроницаемыми глазами из-под надвинутых бровей. Узколобое лицо его выделялось среди других лиц.

– Шулис, ты почему-то молчишь. Ты согласен или нет? – спросил его Вольдемар.

– Да, да, согласен, согласен! Раз все так хотят, – каким-то необычно тонким, почти визгливым голосом произнес Шулис. Голос никак не вязался с его внешностью. У Вольдемара закралось сомнение. Однако устраивать разборку было некогда, и батальон двинулся. Прошли фельджандармерию, но пришли не к линии фронта, а в лес.

Вольдемар, однако, не остался в лесу, перешел в каунасское городское подполье. Он хорошо знал город. Переодевался в немецкую форму то летчика, то артиллериста, то кавалериста, нацеплял немецкие кресты, посещал казино, гулял вместе с немцами и их фрейлинами, добывал полезные сведения, сообщал в Центр. А по ходу уничтожал и уничтожал. Жаждал геройства. Встречая на мосту через Неман немецкого офицера, просил прикурить, убивал, забирал оружие и сбрасывал в воду. А группа его устраивала взрывы. Действовал на страх и риск. И совершил роковую ошибку. Увлекся и однажды пропустил связь с Москвой. Получил замечание. Еще одно. И перестал принимать указания из Центра. Партизанил, от души партизанил. Появились листовки с его приметами и наградой за поимку.

Однажды Вольдемар приехал в деревню к своему двоюродному брату. Немцы пронюхали, что он там будет. С Вольдемаром было всего четверо литовцев. Появляются немцы, целый отряд на машинах. В дом входит немецкий офицер, по званию ниже, чем звание, соответствующее форме, которая на Вольдемаре. Немец отдает честь.

– Что вы хотите? – спрашивает Вольдемар.

– Мы ждем Жураускаса. Он должен здесь появиться.

– Я тоже его жду. Оставляйте здесь в доме несколько ваших человек, остальных отошлите с машинами подальше, пусть укроются. Иначе можно спугнуть.

Это было настолько логично, что немец безоговорочно послушался и отдал такое приказание. Как только люди были разосланы, Вольдемар говорит немцу:

– Вы искали Жураускаса? Это я.

Немец таращит на Вольдемара глаза, хватается за пистолет.

– Тише, пожалуйста, иначе я тебя убью, – говорит Вольдемар по-немецки.

Они обезоруживают немцев, связывают и дают им эфира. Немцы засыпают. Вольдемар с людьми

садятся в немецкие мотоциклы. Объезжают их патрули. Вольдемар предупреждает немцев о возможности появления Жураускаса и уезжает.

Казино. Стойка у бара. Вольдемар называет пароль. Его хватывают несколько человек, заламывают руки. «Предательство!» Ведут к машине, заталкивают на заднее сиденье. Под мышкой остался маленький вальтер. Рядом проезд во двор, через который можно убежать. Вольдемар бьет немца, сидящего справа, выскакивает из машины, выхватывает вальтер, но вальтер застревает. В него стреляют. Рука повисает. Еще две пули в ноги. Он падает. Окровавленного доставляют в тюремный госпиталь. В полубессознательном состоянии он проклинает застрявший вальтер. Затем куда-то проваливается. Придя в себя, Вольдемар видит лица врачей. Все лица литовские. Еле шевеля губами, он просит:

– Вы литовцы. Я прошу, застрелите меня. Не отдавайте немцам.

Врачи переглядываются. Ему делают специальные уколы, чтобы дольше оставался без сознания, спал. Он смутно помнит гестаповцев, бьющих по щекам. Начинается гангрена руки. Врач говорит:

– Много терпел, потерпи еще.

Массирует кость, невероятно туго перебинтовывает жгутом плечо и затем прибинтовывает руку к туловищу. Становится легче. Вытащив пулю из ноги, врач говорит Вольдемару:

– Оставить на память?

«Зачем? Какая память? Меня все равно расстреляют», – подумал Вольдемар, но какая-то необъяснимая искорка надежды затеплилась в нем.

– Оставьте, – прошептал он.

Когда Вольдемар выздоровел, немцы привезли его на военно-полевой суд, относившийся к вновь сформированному литовскому инженерному батальону. Суд состоял из трех человек. Одного из них Вольдемар знал. Это был Шулис, узколобый Шулис. Вместе с ним Вольдемар выводил свой батальон к партизанам. Шулис и тогда не понравился Вольдемару. По его глазам под нависшими бровями никогда нельзя было понять, о чем он думает. Шулис сейчас смотрел на него и ухмылялся, а глаза оставались непроницаемыми.

– Допрыгался, крыса красная! Недолго тебе осталось! – визгливым голосом, совсем не соответствовавшим лицу, с каким-то иезуитским наслаждением произнес он.

Шулис первым потребовал для Вольдемара немедленную смертную казнь.

Закованного в наручники, Вольдемара везут в Каунас в пульмановском вагоне. Слева и справа гестаповцы. «Вот и кончается моя жизнь. Неплохо я жил. Еще бы можно. Но все. И ничего не поделаешь», – думает Вольдемар. Наручники стягивают руки. Немецкие наручники. Два кольца на запястьях. Замки на кольцах разные. Правое кольцо запирается на ключик, а левое – на защелку. В каждом кольце есть механизм, действующий по принципу храповика: чем сильней нагружаешь кольцо, тем сильней оно затягивается.

Когда сели в вагон, Вольдемар, обведя взглядом купе, сразу заметил иголку, совсем небольшую иголочку, воткнутую между стеклом и фрамугой окна. Откуда она взялась? Кто воткнул и забыл вытащить? Если иголкой приподнять собачку в левом кольце, оно откроется. Но как взять иголку? Гестаповцы рядом. Попроситься посмотреть в окно, сказать, что хочет последний раз взглянуть на родину. Повернуться к окну правым боком, ладонью прикрыть иголку.

– Разрешите посмотреть в окно, попрощаться с родными полями, – произносит по-немецки Вольдемар.

Немцы переглядываются.

– Можешь смотреть. Не пытайся выпрыгнуть. Будешь убит, литовская свинья.

– Благодарю.

Вольдемар подходит к окну, становится боком к немцам и накрывает иголку ладонью. Иголка между пальцев. Вольдемар смотрит на проплывающие родные пейзажи. Скоро Каунас. Перед Каунасом тоннель шесть километров. Значит, в тоннеле. Последняя возможность.

– Прощай, родина, – говорит он по-литовски.

– Повтори, что ты сказал! – кричит один из немцев.

– Прощай, родина, – говорит Вольдемар по-немецки.

Вольдемар возвращается на место. Сидит, стараясь не шелохнуться. Сердце готово выскочить из груди. «Не выдать, не выдать себя», – думает он. Но немцы, кажется, спокойны. Старший откинулся на спинку сиденья, надвинул на лицо каску. Младший тоже начинает дремать. Поезд входит в тоннель. Темно. Только фонари через тридцать метров разрывают мрак.

«Ну!» Вольдемар осторожно подцепляет иголкой собачку. Она съезжает, и храповой механизм со звоном раскрывается, освобождая кольцо. Немцы вздрагивают. Но в тот же момент страшным ударом в лицо Вольдемар сбивает с сиденья немца, сидящего справа, и с ходу, развернувшись, бьет в челюсть второго, расстегивающего кобуру. Челюсть хрустит. Немец валится с сиденья на пол. Оба недвижимы. Вольдемар отбирает у них пистолеты и автомат, бросается к окну. С этой стороны второй путь. Очередной фонарь выхватывает из темноты рельсы. Вольдемар разбивает окно. Набрасывает на голову телогрейку и прыгает. Больно ударяется. Его переворачивает несколько раз. Ощупывает себя. Кажется, все цело. Где оружие? Автомат слетел. Вольдемар шарит руками в темноте и не может найти. Где же он? Время идет. Но вот рука нащупывает ремень. Нашел!

Вольдемар хватает автомат и бежит к выходу из тоннеля, останавливаясь в нишах. Перед тоннелем часовой. Надо его снять. Но руки дрожат. Он боится промазать. Вбегает в последнюю нишу перед выходом, успокаивает дыхание. Часовой появляется в проеме. Вольдемар переводит автомат на одиночный выстрел, прижимает руку с автоматом к шершавой стене тоннеля. Часовой поворачивается, смотрит в тоннель. Вольдемар, стараясь не спешить, плавно нажимает на спусковой крючок.

Звук выстрела глохнет в тоннеле.

Часовой мешком оседает вниз. Вольдемар подбегает к нему, вынимает запасной рожок для автомата, бежит к Неману и по крутому, заросшему кустами, безлюдному берегу, обдирая лицо и руки о ветки, скатывается к воде. Раздевается. Одежду и оружие привязывает к ноге. Но что это? Вой сирен на Каунасском вокзале. Входит в воду по грудь. Идет вдоль берега. Издали видит купающихся немцев. «Только вас мне и не хватало», – думает он. «Неужели придется стрелять?» Хорошо, что они не у самого берега. «Лучше, наверное, плыть, насколько смогу». Он вот-вот сравняется с немцами.

– Эй! Давай к нам! – кричат ему.

– Нет, я вдоль бережка! Учусь! – отвечает он явную несуразицу.

– Подстрахуем! Плыви к нам!

«Кажется, поверили».

– Спасибо! Я сам! Привыкаю! Так не страшно!

Он плывет боком, гребет одной рукой, вторая с наручниками ниже. Немцы некоторое время смотрят на него, но похоже ничего не подозревают. Вольдемар отдаляется от них, а потом совсем теряет их из виду. На пути встречаются дамбы, рядом с которыми очень глубоко. «А если бы они были здесь?» Приходится плыть. Груз на ноге тянет вниз. Так проплывает он километров восемь, пока не становится совсем темно.

Обессиленный, выползает на берег и падает в изнеможении, лежит неподвижно. Начинает куда-то проваливаться. Но мощный толчок воли заставляет его сесть. С трудом стаскивает с себя мокрую одежду, отжимает и снова натягивает на себя. В темноте не видать, что мокрая. Но куда идти с наручниками? «Где я? Да это же пригород Каунаса!» И тут же: «Аня!» – словно светлый лучик надежды, это имя вмиг озаряет его. Она же совсем недалеко! Аня, любимая девушка! Он не видел ее целую вечность! Ее отец – потомок из русского княжеского рода, имеет небольшой особняк. Вся семья ненавидит немцев. Только они могут помочь. Надо добраться до них. Больше некуда. Вот этот дом. Уцелел. Вот и знакомая калитка. Та же кнопка звонка, что и в прошлую жизнь. Вольдемар нажимает ее и слышит, как звенит звонок в доме. Как долго тянутся секунды! Выходит Аня. Осторожно подходит к калитке.

– Кто?

– Это я, Вольдемар.

Секунды молчания.

– Вольдемар?

Аня распахивает калитку и не может больше произнести ни слова, с трудом узнав в грязном и мокром человеке с автоматом и наручниками своего возлюбленного. Бросается к нему на шею, обнимает, целует, потом отстраняет лицо, и Вольдемар стирает с него слезы.

– Папа! – наконец громко кричит она.

Выходит отец Ани.

– Вольдемар! Неужели ты? Неужели жив?

– Как видите.

– Умница! Молодец! Какой все-таки молодец! Будешь у нас. Имей ввиду, никуда не отпустим. Мы видели листовку про тебя. И не думай сбежать. Пока не придет Красная армия.

И Красная армия вступила в Каунас. Вольдемар сразу пришел в особый отдел и неожиданно для себя столкнулся с генералом Царевым. Представился.

– Так это ты, герой? – воскликнул Царев.

– Герой или нет, не знаю, но считаю своим долгом явиться к вам.

– Ну, вот что. Ступай вначале в столовую.

– Спасибо, я сыт.

– Тогда иди на склад, получай новое обмундирование, портной подгонит его по твоей фигуре. Потом представишь рапорт, и будем решать, что делать с тобой дальше.

Вольдемар поблагодарил и пошел на склад.

Войдя, он сразу увидел человека в штатском и мгновенно понял, кто это. Человек в штатском молча ударил его рукояткой нагана по голове.

Очнулся Вольдемар в застенке. Голова сильно болела. Но он сразу стал добиваться беседы. Беседовать с ним никто не собирался. Только через неделю вызвали на допрос.

– Вот заключение следствия. Статья пятьдесят восемь, один Б. Вольдемар знал, что это за статья. Измена Родине.

– Какого следствия? Кто вел следствие?

– Молчать!

– Почему я должен молчать? Я ни в чем не виновен.

– Подписывай, сука, или подпишешь по другой статье.

– Доставьте меня к генералу Цареву.

– Генерал Царев такая же сука, как и ты. Подписывай или...

С обеих сторон Вольдемара стояли надзиратели с плетками. И он подписал себе десять лет строгого режима.

Этап на Печору. Девятьсот человек. Всего в Печорлаге было уже несколько десятков тысяч. Политических с уголовниками.

Одежду отобрали. Взамен старую робу. Телогрейки в дырах, иная без рукава, штаны не по размеру, разбитые ботинки. Голые нары в бараках. Ни матрасов, ни одеял. На стенах морозный куржак. На весь барак одна печка из бочки из-под бензина. Ведро угля на ночь. Приносить уголь из шахты запрещалось. Ложились спать, прижавшись плотно друг к другу. Набрасывали сверху телогрейки. На день сто пятьдесят граммов хлеба. И баланда из мороженой брюквы. И дохли, как мухи.

...Работали в шахте. Ноги в кандалах. Сняли только через полтора года. Чтобы кольца кандалов не сдирали кожу до мяса, заключенные обматывали голеностопы тряпками.

...Качаясь от слабости, отряд заключенных возвращается с работы. Конвойный бросает палку в сторону от дороги и приказывает пожилому заключенному, который еле переставляет ноги, принести ее для костра. Человек медленно идет за палкой. Конвойный вскидывает винтовку и стреляет. Человек падает.

– Метко я стреляю? За попытку к бегству могу так каждого, – обращается он к колонне.

...Зима. Ведут в баню. На каждую голову по ложке жидкого

мыла. Оно растекается по голове. Вдруг открывают окна. А на улице ниже сорока. Выводят голых и обливают водой. От крупозного воспаления легких умирали быстро.

После шахты перевели на строительство железной дороги. Политзаключенные считали умерших. Берегли счет, передавали друг другу. Закончили счет дожившие до освобождения. Разделили общее число на километры железной дороги, затем на количество шпал в километре. Получилось: на каждую шпалу – по шесть голов.

В четвертой колонне, в которой оказался Вольдемар, политических держали рядом с блатными. Блатные сплошь рецидивисты с пожизненным сроком. Урки отбирали у них еду и одежду, били и убивали, пока бывшие офицеры не сговорились между собой. За две «варфоломеевские ночи» было уничтожено более трех сотен блатных. И тогда притеснения прекратились. И барак с урками отделили от них забором.

У Вольдемара открылась старая рана. Товарищи помогли устроить его в тюремный госпиталь, находившийся севернее четвертой колонны. И там услышал он однажды отдаленную, но интенсивную стрельбу. Через сутки стрельба затихла, затем возобновилась с новой силой и длилась две недели. Позднее Вольдемар узнал, что в Печорлаг прибыл новый этап. Полные команды моряков с двух крейсеров. До ареста команды были выведены с кораблей в портовый город на построение и поверку, окружены войсками МВД и прямо в форме отправлены в Печорлаг. Моряки, как только их привезли в лагерь, с ходу перебили конвой, захватили оружие, пулеметы. Были вызваны войска, сброшен большой десант. Почти все моряки были уничтожены. Те, что остался, получили по двадцать пять.

Словно во сне, к Вольдемару спустился белый ангел. Это была Лида. Молодой врач, миловидная девушка. Широко открытые серые глаза, волосы пшеничного цвета. И ямочки на щеках при улыбке. Вольдемар стал с ней шутить, и они не заметили, как привязались друг к другу. Огонек любви вначале робко колебался, как живинка на веточке костра, и вдруг ярко вспыхнул, и большое розовое сияние заслонило страшный окружающий мир. И каждый из них был счастлив. Но связь их не осталась незамеченной. Елена Николаевна, главврач, пожилая женщина, пригласила Лиду к себе. Кроме нее, в кабинете сидел незнакомый Лиде сотрудник. Лицо Елены Николаевны казалось спокойным, только голос выдавал тревогу. Тревогу не просто за своего работника. Она любила Лиду как дочь.

– Чижова, вы знаете, с кем связались? – спросила Елена Николаевна.

– Это мой муж.

– Но он же враг народа. Заключенные не имеют права на любовь. Вы можете пойти под суд.

– Я комсомолка. И никто не имеет права меня судить за любовь, – голос Лиды отчаянно зазвенел.

– Можете идти.

Присутствовавший сотрудник не проронил ни слова. А во время Лидиного дежурства Елена Николаевна подошла к ней и, перейдя на «ты», сказала:

– Послушай, глупенькая. Ведь я ничем не смогу вам помочь. Разве что продержать твоего милого лишнюю неделю в госпитале.

– Спасибо, Елена Николаевна, – тихо ответила Лида, и слезы сами собой побежали из ее глаз.

– Ну-ну, а это уж совсем не ко времени. Теперь уж, голубушка, держись, – и Елена Николаевна незаметно прикоснулась к Лидиному плечу.

Лиду оставили. Вольдемара выписали, и он вернулся в барак. Строительство железной дороги продолжалось. Конвоиры отстреливали ослабевших. Другие непрерывно умирали.

Начальник режима капитан Прозоров регулярно проверял все колонны, в том числе и четвертую, в которой был Вольдемар. Выстроив заключенных, говорил с изуверской улыбкой:

– На каждого из вас заготовлена вот такая пулька.

И, отводя указательный палец от большого, он показывал размер пульки.

Вольдемар задел на работе ногу, вскрикнул от боли. Портянка намокла от крови. И обрадовался, несмотря на боль. «Может, опять попаду в госпиталь, увижу Лиду». Так и вышло. Как будто действительно кто-то помогал им. Состоялась долгожданная встреча. Когда Лида дежурила ночью, Вольдемар приходил к ней в служебную комнату. Елена Николаевна знала об этом, но делала вид, что не знает. Это и был их медовый месяц. Если может быть медом жизнь в тюремном госпитале.

Но кончилось счастливое время. Как кончается все. И снова барак. И снова баланда и нары. И шпалы, бесконечные тяжелые, пропитанные креозотом шпалы.

В четвертой колонне иногда появлялась женщина-врач, подруга Лиды. Она передавала записки от Лиды. В одной из записок Лида написала, что ждет ребенка. А через несколько месяцев Вольдемар узнал о рождении дочери. Лида назвала ее Леной в честь Елены Николаевны. Весь тот день Вольдемар был сам не свой, таскал шпалы и словно парил в каком-то необыкновенном облаке, хотя рождение ребенка не сулило ему ничего хорошего.

Через месяц Вольдемара вызвали к Прозорову. Рядом с Прозоровым сидел старший лейтенант МВД. На столе у Прозорова лежал листок бумаги, на котором был изображен контур маленькой ладошки. Вольдемар почувствовал толчок в сердце. Неужели это рисунок с руки его дочки? Листок подруга Лиды передала Прозорову. «Почему передала? Предала?» Он смотрел на рисунок и, кажется, представлял себе свою крохотную дочурку.

– Кто тебе Чижова?

– Жена.

– А ты знаешь, что ей теперь полагается пятьдесят восьмая?

– Знаю.

Старший лейтенант внимательно смотрел на Вольдемара, и Вольдемару показалось, что смотрел он как бы с сочувствием. И когда Прозоров ненадолго вышел,

старший лейтенант произнес негромко одно слово:

– Держитесь.

Прозоров вернулся.

– Дочери не увидишь. Сдохнешь скоро.

– Посмотрим, кто скорей из нас сдохнет. Мне осталось отбывать всего два года.

– Ты уже харкаешь кровью. Пойдешь в известковый карьер. Оттуда никто не выходит.

– Я выйду.

Прозоров пододвинул на край стола листок с рисунком ручонки.

– Можешь взять.

Вольдемар взял листок, прижал к губам, сунул за пазуху.

Леночке исполнилось два месяца, когда Вольдемар впервые увидел ее. Увидел издали. Лида с ребенком на руках стояла метров за двадцать от колючей проволоки. Она послала Вольдемару воздушный поцелуй, затем поднесла ручонку ребенка к ее губам и отправила поцелуй от нее.

Порывом свежего ветра ворвалась в Печорлаг весть: умер Сталин. Голосили жены охранников. Охранники ходили с траурными повязками на рукавах. Политические вылезли на крыши бараков, и единственная гармошка заиграла гопака. Плясали под наведенными стволами пулеметов. Но в них ни разу не выстрелили.

Вскоре всем были выданы матрасы, одеяла и валенки. Каждому дожившему – по матрасу, каждому по одеялу, каждому по валенкам. Ждали перемен. Конвойные по дороге с работы перестали бросать палки в сторону. Заключенные вспоминали Телегина, начальника шестой колонны, которого все любили и который недавно застрелился.

Прошел еще томительный год за проволокой. Но вот в один из апрельских дней пятьдесят четвертого в лагерь прибыл небольшой состав. Из вагона вышла совсем старая седая женщина, на вид лет семидесяти, одетая в кожаную форму. Председатель комиссии. На боку у нее висел маузер в деревянной кобуре. За женщиной вышел офицерский отряд, человек тридцать. Все офицеры. Все в форме железнодорожной милиции, с пистолетами и шашками, подтянутые и рослые, как на подбор.

Посреди лагеря поставили большой стол, накрыли зеленым сукном. Старая женщина приказала построить всех политических. Вызывали по очереди. Через несколько часов дошла очередь и до Вольдемара.

– Офицер?

– Да.

– Сколько сидите?

– Десять.

– Литовец?

– Да.

– Литовец? Вот как. Кажется, я слышала вашу фамилию. Давно, правда, слышала. Ну так что, Жураускас? Крепко обидели вас?

– Крепко.

– Ненавидите теперь Россию?

– Россию? Нет. Но до конца жизни буду ненавидеть всех чекистов во главе с Берией.

– Берия расстрелян. Да... Вы уж простите стране, что так вышло. Отныне вы свободны. Но на чекистов не держите обиды. Настоящие чекисты сидели, как и вы. Я тоже. А эти... Они не чекисты. Они, а не вы – изменники Родины.

Закончив проверку колонны, она спросила, указывая на забор внутри лагеря и на бараки за ним:

– А там что? Кто там сидит?

– Уголовные.

– Идемте туда.

За ней и ее отрядом потянулись любопытные, в том числе Вольдемар.

Старая женщина вошла в первый барак, попросила табурет. Спокойно села. Толпа блатных с ухмылками разглядывала ее. Среди блатных выделялся долговязый детина с отвратительным лицом, главный пахан.

– Подойди ко мне, – говорит ему старая женщина.

Блатной делает один шаг.

– По фене ботаешь? – спрашивает его женщина.

– Ботаю.

– На работку пойдешь? Лопатку возьмешь?

– На работку? А, может, в лазанки сыграем?

– Можно и в лазанки. А на что? На лепень или на кемель?

– Хоть на что. А, может, на прохоря сбацаешь?

– Можно и на прохоря.

– А на п... можешь?

В толпе блатных хохот, подначиванье, кривлянье. Женщина как бы не замечает ни грязной скабрезности, ни хохота.

– Значит, на работку не хочешь.

– А ты, шалава, х...сосать у меня хочешь?

Лошадиный хохот. Некоторые даже притопывают от удовольствия. Какой поворот!

И тут старая женщина не выдерживает, выхватывает маузер и стреляет. Вначале в пахана. Пахан вскидывает вперед длинные обезьяньи руки и падает. Толпа шарахается. В ярости женщина стреляет в лежащего еще несколько раз и без остановки, переведя маузер на толпу, палит по ней, пока не кончается обойма.

Вольдемару выдали солдатскую форму: ватные штаны, телогрейку без погон, сапоги, фуражку и сто пятьдесят рублей на руки. Выписали справку. Билет домой полагался бесплатный. Спросили:

– Докуда билет? До Каунаса?

– Нет. На север. До станции Миша-Яг.

– Не надоело сидеть?

– Надоело. Но там моя жена. Я должен ее забрать.

– Тоже сидела?

– Нет, она врач.

На перроне маленькой станции поезд ждало много людей. Весь поселок вышел встречать его. Люди переживали за Лиду: приедет или нет за ней и ее ребенком бывший заключенный. Еще издали увидел Вольдемар Бовтюка, врача-хирурга, знакомого по госпиталю. На плечах Бовтюка сидела двухгодовалая девочка. А Лиды нигде не было видно. Она не пришла, боялась позора в случае, если Вольдемар не приедет. Первой подошла к Вольдемару Елена Николаевна.

– Ну, спасибо, не опозорил!

Подошел Бовтюк, подал Леночку.

– Держи дочку!

– А Лида где?

– Лида дома. Тебя ждет.

Вольдемар прижал к груди маленькое теплое тельце дочери. Обнялись с Бовтюком. Слезы на гла-

зах. Вольдемара взяли под руки и проводили к дому Лиды, показали, где ее комната. Лида стояла бледная, как полотно.

– Не ждала? – спросил Вольдемар.

Она припала к нему и молча плакала на плече. Он почувствовал на плече что-то теплое. Телогрейка промокла от ее слез.

Все, кто работал в больнице, нанесли Лиде всякой еды. Было всё: мясо, икра, рыба. Лида два года не была в отпуске, сберегла отпускные. К тому же мать Вольдемара прислала ей посылку: окорок, колбасу копченую. Сели за стол. А Елены Николаевны нет. Вольдемар пошел за ней.

– Елена Николаевна, мы приглашаем, мы просим вас прийти к нам.

– Нет, я приду завтра. А вы гуляйте.

Не спали до утра.

А через два дня сели в поезд, идущий на Москву. И снова весь поселок был на перроне.

В поезде Лида попросила его вначале заехать во Владимир. Там жила ее мать. Когда Лида два года назад приезжала домой в отпуск, у нее уже был большой живот. Мать не обрадовалась. Да и как она могла обрадоваться? Отец будущего ребенка – зэк.

Телеграмму матери не подавали. Приехали в Пасху. На улицах полно народа. Поют «Аллилуйя». Вот и улица Передний Боровок. Домик за решетчатым забором. Дверь на засове. Лида открыла. В доме было тепло и чисто. Мать ушла в церковь. Поставили вещи. Разделись и стали ждать.

Вошла мать. Окинула Вольдемара суровым взглядом. Он подошел к ней.

– Извините, мама, что так называю вас.

– Христос воскресе, – сказала женщина.

– Воистину воскресе.

Мать стала собирать на стол.

В Каунас ехали через Москву. После Москвы с ними в купе оказались два морских офицера. Вольдемар с нетерпением ждал, когда поезд пересечет границу Литвы. Он попросил проводницу сказать ему об этом. И когда проводница сообщила, что следующий полустанок – литовский, Вольдемар пошел в тамбур и там стоял до остановки. Поезд остановился. Вольдемар спрыгнул со ступенек, отошел на несколько шагов, встал на колени и поцеловал землю. На него смотрели из окон вагона.

– Что он делает? – спросил у Лиды один из моряков.

– Он десять лет не был на родине, – ответила Лида.

– Сидел?

– Да.

– Где?

– В Печорлаге.

Когда Вольдемар вернулся в купе, офицеров не было. Они пришли через двадцать минут. Принесли ветчину, шпроты, три банки икры и три бутылки водки. Не заметили, как доехали до Каунаса.

В Каунасе никто не ожидал увидеть его живым. Только через пять лет после ареста Вольдемара его мать узнала, где находится сын. На работу нигде не принимали. Не прописывали. Начальник отдела милиции приказал выбыть из города в течение двадцати четырех часов. Не раздумывая долго, Вольдемар поехал в Москву. Разыскал особый отдел, пришел и положил на стол справку об освобождении.

– Что это значит?

– Заберите эту справку. Отправьте меня назад в лагерь.

– Может, объясните?

– В Каунасе меня не прописывают. Начальник отдела милиции потребовал, чтобы я в течение двадцати четырех часов освободил город.

– Что? Можете ему передать, что это он должен освободить город в двадцать четыре часа!

Ему выдали удостоверение о реабилитации.

Вернувшись в Каунас, Вольдемар вместе со своим другом пришел к начальнику отдела милиции.

– Ну что? – первым начал Вольдемар, – это ты хотел меня выселить?

– Что такое? Как разговариваешь? Я тебя арестую!

– Я тебе так арестую, вылетишь отсюда!

– Дежурный! Арестовать! – срывается на крик начальник.

– Смотри, сука! Или я тебя убью на месте!

И Вольдемар с грохотом припечатал на стол удостоверение о реабилитации.

– А... Реабилитированы? Извините, извините, пожалуйста, садитесь, садитесь... – и надменное лицо расплылось в лисьей улыбке.

Вольдемар устроился на работу в таксопарк, затем перешел инструктором в автошколу.

Прошло полтора года с момента освобождения. В доме Вольдемара родные и близкие сидели за праздничным столом. Отмечали день рождения Леночки. Звонок в дверь. Вошел человек невысокого роста в поношенном плаще. Вольдемар поднялся из-за стола, подошел к нему.

– Здравствуйте. Капитан Клопов, – представился человек.

– Добро пожаловать, капитан. Давайте к нашему столу.

– По какому случаю праздник?

– День рождения дочки.

– Новые вести вам привез.

У Вольдемара похолодело внутри. За столом тишина. Даже Леночка замолчала.

– Плохие или хорошие?

– Хорошие.

– Тогда выпейте с нами.

– Вас вызывают в Москву на комиссию Верховного суда РККА.

– Спасибо. Проходите, садитесь, товарищ капитан.

Капитан сел за стол, выпил две рюмки водки и вскоре поднялся.

– Извините, мне еще надо успеть на поезд в Ригу.

Вольдемар приехал в Москву. С тревожно бьющимся сердцем вошел в зал, где заседала комиссия. За столом генералы и несколько человек в штатском. Вначале анкетные вопросы. Затем совсем неожиданно:

– Не узнали, кто убил вашего отца?

– Нет, не смог.

– Жаль, хороший был человек. И чекист что надо. Вы полностью реабилитированы. Вот вам новое удостоверение. Учитывая вашу работу в разведке, предоставляем вам право получить вне очереди трехкомнатную квартиру в

новом районе. Еще вам положено сорок восемь тысяч рублей денег. И еще: годы, проведенные в разведке и в заключении, засчитываются в трудовой стаж как два года за один. Получите ваши ордена и крест.

Прошло много лет. Семья жила в хорошей квартире. Жила в достатке. Подрастала дочь. Лида работала в городской больнице, пользовалась уважением коллег и пациентов. Годы войны и годы в Печорлаге вспоминались Вольдемару как дурной сон. Словно прочитал он об этом в каком-то страшном романе.

Однажды он возвращался с работы домой. Ехал в автобусе. Было тесно. Взгляд остановился на одном мужчине, лицо которого показалось ему знакомым. Узкий лоб, задавленные бровями глаза. «Где я мог его видеть?» Вольдемар напрягал память, но вспомнить никак не мог. Мужчина собирался выйти на остановке, однако водитель уже закрыл дверь. Замешкавшийся мужчина крикнул водителю:

– Откройте дверь!

Знакомый визгливый голос, этот голос не забыть. «Шулис! Это же Шулис!» – резанула память.

– Не открывайте дверь! – еще громче закричал Вольдемар.

– Что такое? Я прошу открыть дверь! – завизжал мужчина. Все пассажиры, недоумевая, повернулись на крик. Автобус стоял.

– Я требую, не открывайте! – во всю силу голоса крикнул Вольдемар, расталкивая людей и приближаясь к дверям. Он успел схватить мужчину за руку, прежде чем дверь открылась. Человек выпрыгнул из автобуса и с ним, не отпуская руки, Вольдемар. Вместе упали на асфальт.

– Уберите руку! Помогите! – кричал Шулис.

Автобус ждал.

– Врешь! Не уйдешь, сволочь! Вспомнил, Шулис?

– Я не Шулис! Оставьте меня! Милиция!

Сквозь толпу окруживших людей уже протискивался молоденький сержант милиции.

– Я требую сейчас же арестовать этого человека! – сказал ему Вольдемар.

– Кто вы такой? Отпустите немедленно!

– Я требую арестовать! Или ты сядешь вместо него! Это предатель! Доставь нас в отделение!

– Безобразие! Насилие! – визжал, вырываясь, мужчина. Но вырваться от Вольдемара было невозможно. Он скорей бы погиб, чем отпустил предателя.

– Это может быть ошибка! Вы знаете, что вам за это грозит? – сказал Вольдемару сержант.

– Если ты не арестуешь его, я доставлю тебя вместе с ним в отделение! – и другая могучая рука Вольдемара легла на плечо сержанта.

– Гражданин! Пройдемте в отделение! – приказал сержант арестованному, освобождаясь от руки Вольдемара.

Личность Шулиса установили быстро. Нашлись свидетели из бывшего литовского батальона, выступили на суде. Возмездие наступило.

После суда Вольдемар вернулся домой, прошел в свою комнату. Какая-то усталость вдруг навалилась на него. Он долго сидел на диване, потом встал, подошел к старому сохранившемуся комоду и взял из него ту самую бабушкину шкатулку, обтянутую шелком. Он положил шкатулку на колени и долго сидел, вспоминая тяжкий свой путь. В шкатулке было полно пуговиц, и рука тихонько шевелила их. Но что это? В одном месте пальцы задели за что-то твердое. И он увидел там маленький кончик иголочного ушка, торчавший из-под обшивки. Почему иголка тут оказалась? Не та ли это? Не для него ли бабушка и оставила? Сердце вздрогнуло. Он вытащил иголку и не мог удержать слез.

Неслышно вошла Лида. Не спрашивая ни о чем, села рядом и положила ему на плечо свою голову.

В 1960-е годы Свердловская киностудия выпустила большое количество художественных, научно-популярных, документальных и хроникальных кинокартин. Среди них было немало успешных - «Угрюм-река», «Сильные духом», «Трембита», «Суровая память», «Путь к большой нефти», «Огненное копье», «Вечное движение», «Лучшие дни нашей жизни», «Сокровища уральских гор», «Изыскатели» и др.

Книга «Кадр за кадром» С.Недвиги посвящена фильмам Свердловской киностудии 1960-х годов, людям, которые создавали эти фильмы, а также событиям, происходившим в жизни кинематографистов тех лет.

Для широкого круга читателей.

ИБО ТАКОВЫХ ЕСТЬ ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ

Владимир ШКЕРИН

Рисунок автора

– Вы?.. Ступайте за мной.

Буркнул и пошел, не оглядываясь. Ну, чисто генерал! А сам всего лишь служащий железной дороги в невысоком чине и с грузом полусотни прожитых лет за плечами. Саша как раз подходил к станции, когда навстречу ему попался Давыдов. В другое время обиделся бы за такое обращение, но в нынешних обстоятельствах...

– Давыдов! Не знаю вашего имени-отчества... Погодите же!

Давыдов погодил и был засыпан вопросами:

– Что случилось? Почему вы здесь? Зачем не пускаете станцию?

Глаза у Давыдова были темные, печальные. Отвечал отрывчато:

– Затем, что для вас, молодой человек, там небезопасно. Уж очень вы приметны с ружьем и при погонах. Да и ближайший поезд только вечером. Может, будет, может, нет. Теперь ни за что нельзя ручаться.

Саша оглянулся на станцию. Да, скрыться от любопытных глаз там негде. Не станция, а так – полустанок. Водонапорная башня для заправки паровозов и рядом приземистый кирпичный домик с большой трубой на крыше. Даже отсюда было слышно, как внутри домика шипела и ухала паровая помпа, качавшая воду из реки. Сбоку к домику лепилась желтая тесовая пристройка, служившая пристанищем для станционных работников, путевых обходчиков и нечастых здесь пассажиров.

– Прапорщик Шалашов по вашей милости рвет и мечет. Поручику рапортом грозил. На Симскую станцию и разъезд Ерал, в Кропачёво и сюда телеграммы разослал, чтобы беглого солдата ловили. Ваше счастье, что я с телеграфистами весьма знаком.

Такие вот у Сашки обстоятельства!

Стояла середина ноября 1918 года. Шла гражданская война. В освобожденном от красных Екатеринбурге была сформирована 2-я Уральская стрелковая дивизия под командованием генерала Голицына. В дивизию входил 25-й Екатеринбургский полк, а в полк – студенческая рота, в которую молодые екатеринбуржцы записались гуртом. Александр Горский – в их числе. Но с одной особенностью: он прежде в Красной армии успел послужить. Пусть не по собственной воле, по мобилизации, пусть в первом же бою переметнулся на сторону противника, но, но, но... Хуже нет занятия, чем объяснять да каяться. Однако повезло: опять же в первом бою, но теперь уже против красных, был ранен в плечо. Пока валялся в госпитале, от своей роты отстал и до полного излечения был зачислен в службу тыла.

А несколько дней назад Сашу командировали вместе с поручиком Рузевичем на Балашовской завод за полевыми кухнями. Завод находился в Уфимском уезде, стоял на самой Самаро-Златоустовской железной дороге. Задание, вроде бы, нехитрое: принять кухни, проследить за их погрузкой и доставить в Екатеринбург. Но с запада на Уфу уже напирали красные части, и вдоль всей железной дороги активизировали террористическую работу красные боевики. И надо ж так случиться, чтобы вечером того дня, когда екатеринбуржцы прибыли на завод, застрелили через окно

окружного управителя. Начальник местной контрразведки прапорщик Шалашов навел справки, проведал о Сашином красноармейском прошлом и вознамерился его арестовать. Поручик же оставлять подчиненного чужой контрразведке не захотел. И, не видя законных способов отказать Шалашову, решился переговорить с агентом движения по Балашовской станции Давыдовым. Нельзя ли де потихоньку посадить солдата Горского на проходящий поезд? Давыдов смутился и отвечал, что на его станции этого сделать никак невозможно, а вот если добраться на санях до Усть-Катава...

Так Саша оказался в поселке Усть-Катавского завода, на самой восточной железнодорожной станции Уфимского уезда. И теперь его весьма интересовало, каким ветром занесло сюда с Балашовской еще и Давыдова.

– Не ваше дело, молодой человек, – огрызнулся Давыдов, когда они пошли прочь от станции, но почти тотчас смилостивился: – Мать тут у меня, старушка. Вот, отпросился на пару дней, чтоб ее проведать. Сам-то я усть-катавский.

Под подошвами сапог поскрипывала выпавшая за ночь снежная крупа. Слева дыбилась темная гряда лесистых гор, справа парила на утреннем морозце река.

– И куда вы меня ведете?

– К матушке своей и веду. До вечера переждем, а там попробую договориться с паровозной бригадой. К машинистам станционные патрули редко заглядывают.

Саша покосился на доброхота, поправил ружейный ремень на плече.

– Рискуете!

– Есть маленько. Ну да, может, всё опять переменится...

Ах, вот оно что! Стало быть, Давыдов красным сочувствует, на их возвращение уповает. В Сашину непричастность не верит и даже наоборот. Потому и помогать взялся, приехал сюда специально. Забавные кренделя...

Оставив в стороне небольшой поселок, свернули к переброшенному через реку железнодорожному мосту-однопутке. Вход на него был вроде бы запрещен висевшей на столбе табличкой, но дощатый настил, уложенный между рельсами, запрещению этому противоречил.

– Поселок Колонией зовется, – махнул рукой Давыдов. – Бельгийские специалисты жили, по-французски разговаривали. Оттого и мост Французский. Теперь вот одна железная ферма. А прежде мост деревянный был, на сваях стоял. Река Юрюзань его чуть не каждую весну сносила. Вон ледорезы выше по течению.

Река схватилась льдом пока только вдоль поросших ивой берегов, на середине же студеные воды обрекали шесть обшитых досками ледорезов, стоявших парами на некотором удалении друг от друга. На противоположном берегу были видны ворота и дощатый забор, над которыми поднимались красные крыши и кирпичные трубы.

– А там сам Усть-Катавский завод. Вначале железоделательный был, а как чугунка в Уфу пришла и на Златоуст нацелилась, стал вагоностроительным. Теперь вот спит кормилец, ни шуму, ни грому, ни дыму из труб. Вот и по мосту этому так просто прежде не пройти было, с обеих сторон стражники стояли. Одни бельгийцы и хаживали. Где они теперь?

– Бельгийцы или стражники?

– Так ведь ни тех, ни этих нет.

За мостом свернули и вскоре опять очутились у реки и моста, но уже у других. Этот мосток был узкий, пешеходный, а река была притоком Юрюзани, тут же в нее и впадавшим.

– Самое это и есть устье Катава. Отсюда произошло имя заводу с поселком.

За рекой Катав проезжих дорог не было, лишь тропки в снегу. Давыдов выбрал ту, что вела круто в гору. Идти по ней было тяжело, подошвы скользили, но тропа была нахожена, натоптана множеством ног. Внизу как на ладони вытянулись кирпичные цеха, над их железными крышами поднялись световые фонари с прокопченными стеклами и угловатые трубы со следами былой побелки. С двух сторон заводскую территорию ограждали реки, с третьей белел заледенелый пруд.

– Видите безлесную горку на том берегу пруда? – превозмогая отдышку, говорил Давыдов. – Шиханкой зовется. На макушке часовенка белеет. За Шиханкой гора Прямушка. А та лесистая за Юрюзанью и железной дорогой – это Медвежья. Говорят, что на лежащего медведя похожа. Лично я сходства не вижу.

– Я тоже, – кивнул подневольный экскурсант. – А эта, на которую карабкаемся?

– Могильная.

– Веселенькое названьице!

– Как заберемся, так поймете, почему такое.

Заняв лучшие низовые земли, завод вытеснил дворы своих работников на горные неудобья. Впрочем, как и везде на заводском Урале. Землю тут не пахали, лишь огороды копали, да скотину держали. Теперь вот, в военное лихолетье, после остановки завода, таким домашним хозяйством и выживали.

Пройдя по безлюдной улице вдоль серых бревенчатых изб, дощатых заборов и заснеженных огородов, вышли к густой березовой роще. Еще несколько шагов – и Саша различил между белыми стволами кресты и могильные камни.

– Мы что, на кладбище идем?

– Да, заглянем.

Саша вспомнил об обещании Давыдова отвести его к своей матушке и поглядел на вожатого с опаской. Давыдов, кажется, понял.

– Мы ненадолго. Хочу показать одно надгробье.

Но ненадолго не получилось. Идти по кладбищу оказалось еще труднее, чем по косогору: могилы стояли тесно, в беспорядке, снега между ними намело по колено.

Наконец вышли к памятнику в форме вытесанного из известняковой глыбы аналоя, на котором лежала каменная же раскрытая книга с крупными письменами.

– Пустите детей прийти ко мне, ибо таковых есть царство не-

бесное, – прочел Саша. – Это ведь из Евангелия, да?

– От Матфея. Когда Иисус вошел в пределы Иудейские, привели к нему детей.

Ниже книги имелась и другая надпись: «Варвара Михайловская. Род. 9 июля 1888 г. Сконч. 22 октября 1888 г.». Прочтя и это, Саша лишь недоуменно поднял брови.

– Дочка писателя Николая Георгиевича Гарина-Михайловского, – пояснил Давыдов. – Здесь рождена, крещена. Здесь и померла от коклюша.

– А что в Усть-Катаве делал Гарин-Михайловский?

– Ну, как же! Он ведь был инженер-путеец. И здешний участок железной дороги – от разъезда Яхино до станции Вязовой – его родное детище. Сначала маршрут прокладывал, после строительством руководил. Приехал в 1886-м и на четыре года поселился в Усть-Катаве. Тогда же и я к нему подрядился в маршрутные рабочие. Инструмент за ним таскал, помогал, чем мог. Лет восемнадцать мне было, как вам сейчас. Квалификации никакой, одна молодая сила. А уж он меня любовью к железной дороге заразил. И то сказать, грандиозная была работа, на века. Сколько раз потом доводилось ездить тут на поезде – не счесть. Но всё равно странно мчаться в вагоне там, где тобою каждая тропка пройдена и каждый камень знаком. Как-то попутчики затеяли разговорец. Мол, зачем все эти изгороты, мошенничество одно, чтоб верст побольше вышло. Путейцы де от количества верст получают. Какая это гадость и обида! Вроде не столь уж и высоки Уральские горы, а вся дорога через них – насыпи и выемки, уклоны да предельные уклоны. Камня здесь наломали на пять пирамид Хеопса. Восемь процентов изыскателей кончили нервными расстройствами и самоубийствами. Как на войне. Николай же Георгиевич на самом сложном участке отстоял вариант без единого тоннеля. С одним мостом через Юрюзань да со скальными выемками перед ним и после. Оттого-то и изгороты. Но разве объяснишь в тепле и уюте, как под дождем и снегом он искал этот вариант, торопился успеть провести его до торгов, чтобы выгадать для казны большие сбережения. И вот в мае восемьдесят восьмого года утвердили технические условия на строительство дороги, а в июле родилась Варенька. Сколько было счастья и сколько работы!

Давыдов разгорячился, лицо его пылало. Саша, не ожидавший такой страстности от пятидесятилетнего мужчины, молчал и глядел удивленно.

– Николай Георгиевич ведь не один приехал, с семьей. Как-то разговорились у костерка, он мне про свою жизнь поведал. Дело-то лесное, бродячее, как без этого! Так вот, детство-отрочество его прошли в Одессе, и всю жизнь он оставался южным человеком. Любил Черное море и степь хохлацкую, а про наши северные красоты говорил, что они будто нарисованы блеклыми красками. После выпуска из Института инженеров путей сообщения он уехал строить шоссе в Болгарии,

подле Бургаса. Там у него случился роман с одной французскою певичкой. Вроде бы с певичкой и вроде бы роман. Думаю, это было лишь бурление молодой крови и самоистязание... Потом Николай Георгиевич получил место на строительстве железной дороги в Бендерах. Летом навестил родную Одессу и скоропостижно женился на подруге своей сестры – на Надежде Валериевне. Вот с нею, со старшей дочкой Наденькою да с сынком Сережею они сюда и приехали. Сняли дом...

От стояния на месте у Саши начали подмерзать ноги в сапогах. Он притопывал и поглядывал на рассказчика, но тот, похоже, и не думал уходить с кладбища.

– Катавским заводским округом руководили тогда горные инженеры, которых Михайловский в шутку величал примиренными поляками. Здешним заводом управлял Станислав Людвигович Жуковский. Эдакий молодцеватый пан с душистой бородкой и пышными, подкрученными вверх усами. С ним у Николая Георгиевича сложились приятельские отношения, по праздникам с семьей ходил к Жуковским в гости. Надо всеми же заводами, рудниками, плотинами, прудами и землями округа царствовал высокий сухощавый старик с окладистой белой бородой – Витольд Каэтанович Мирецкий. Этот пан обосновался в головном Катав-Ивановском заводе. Грамотные были специалисты, этого не отнимешь. Но и жили как баре – в так называемых «господских домах». С колоннами и оранжереями. В Усть-Катаве такой принадлежащий заводу дом стоит у плотины. Я не показал, но, может, обратили внимание на крышу под красным железом неподалеку от плотинного вешняка? А у Михайловского как инженера-путейца жизнь была кочевая, углы съемные...

Давыдов вдруг замолчал и, вроде, задумался, стоит ли продолжать рассказ.

– Ну, вот, – решился он. – Я ведь и на строительство дороги за ним пошел, как же. Нитка за иголкой. А он со мной откровенничать, видимо, привык. Он говорил, я слушал. Он не сомневался, что выбрал для дороги лучший из возможных маршрутов через горы. Но приговаривал, пути науки неисповедимы. Когда-нибудь неведомый еще инженер изобретет, например, мощнейший параболоид, соберет лучи в фокус, да и прожжет им все эти твердыни. И пойдут поезда по идеально прямому маршруту. Фантастика? Разумеется! Так ведь ради того наука и существует, чтобы самые фантастические идеи претворять в жизнь. И вот тогда, в близком или далеком будущем придется заново отвечать на вопрос, стоило ли ради выбранного теперь варианта жертвовать благами его, Николая Георгиевича, семьи, а с ними и жизнью младенца. Скажете, мысли эти эгоистичны? Мол, родная кровь против важнейшего проекта на благо миллионов людей? Но у Вари в будущем могли родиться дети, а у тех – свои дети... И так далее, далее до бесконечности, возможно, на миллионы лет и миллионы потомков.

Тут Давыдов счел нужным уточнить:

– Это ведь не мои слова, а Михайловского. И он как родитель имел на них право. Его, так чутко внимавшего детству, так глубоко чувствовавшего детство, так честно описавшего, его Господь испытал смертью малютки!

– Какой он был? – наконец решил вступить в разговор Саша.

– В смысле внешности? Невысокого роста. Щеголеват. Пожалуй, красив. Голова, борода седые, а глаза молоды. То вспыхнут, искры сыплют, то вдруг печалью подернутся. Будто вспомнит о чем-то. Или внутрь себя заглянет.

– Вы об этом? – Саша мотнул головой в сторону каменного аналоя.

– Возможно. Он вообще много думал о смерти. Говорил, что она может быть и страшна, и весела. Один из его персонажей, не глупый и симпатичный человек, даже назвал смерть другом людей. Кончил в повести тем, что застрелился.

– Ну, уж это извините... Не могу представить веселой смерти.

– Разве? А как же упоение в бою? Геройская гибель в лихой атаке?

– Вот так я свою пулю и поймал. У непуганых это быстро. Поначалу даже не понял, куда попало. Страх догнал только в госпитале.

Давыдов никак на это замечание не ответил, продолжил о своем:

– Вы ведь читали «Детство Тёмы»?

– Прочел. Можно сказать, проглотил. А вот «Гимназистов» уже не осилил. Бесконечные эти разговоры...

– Что ж вы сами гимназистом не таким были? Не рассуждали обо всем на свете? О чем и понятия настоящего не имели.

– Может, и был, может, рассуждал. Читать же об этом скучно. Изо всей этой повести помню лишь, как один юноша всё время ногти грыз. Даже когда по улице шел быстрым шагом. Разве такое возможно?

Давыдов улыбнулся снисходительно.

– Да, если в «Гимназистах» и имеется сюжет, то это само течение жизни. В «Детстве» же, как ни странно, всё наоборот. Помните, как Тёма Карташев «любил умирать», чтобы все его жалели и чтоб самому себя пожалеть? Вот, по-моему, и вся эта повесть о постижении тайны смерти. От сладкой жути мальчишеских страшилок о мертвецах на кладбище до настоящей смерти отца-генерала. И как не похожа была эта тихая и тягостная отцова кончина на его же рассказ о гибели солдат в азарте сражения, самый лихой из которых с того света вернулся опохмелиться, ибо «там не наливают»... Идемте же. Пора и к матушке.

Очевидно, Давыдов давно ждал случая поведать кому-то о своем знаменитом знакомце. За кладбищенской оградой рассказ неумолимо продолжился.

– Кстати, о «Гимназистах»... Не знаю, до какого места вы прочли. Но там имеется описание картины в усадебном доме Карташевых, на которой Иисус благословляет детей этого семейства. И на картине надпись примерно, как на том памятнике: «Если не будете, как дети, – не войдете в царство

небесное». Хотел бы я спросить Михайловского, была ли такая картина на самом деле. Может, и теперь где-то на стене висит.

– Отчего же не спросили?

– Ах, молодой человек! Да ведь когда инженер Михайловский работал здесь, писателя Гарина еще не существовало. В начале осени 1890 года по вновь построенной железной дороге между Уфой и Златоустом прошел первый поезд. Михайловский же отправился строить Транссибирскую магистраль. Забрал семью и уехал – сначала в Челябинск, затем дальше, дальше. Но в том же году, еще до отъезда, здесь в Усть-Катаве у них родился сын Георгий. Тот самый Гаря, от имени которого после был образован писательский псевдоним. Гарин папа, Гарин. Я же с того года больше Николая Георгиевича не видел. И рад бы за ним в Сибирь последовать, да не мог. Один я у матери, далеко не уедешь. А в 1906 году прочел в газете о скоропостижной кончине писателя Гарина. Он ведь еще здесь, бывало, приложит руку к груди, да и жалуется: «Жжет. Когда-нибудь взорвется мое сердце».

* * *

– Ну, встретил своего солдатика?

Давыдов на это приветствие лишь поморщился: он-то надеялся, что та встреча на станции выглядела случайной. Матушка его оказалась маленькой сухонькой старушкой с юркими светло-голубыми глазками и пучком серых волос на затылке.

– Ох-ох, – покачала она головой, разглядывая Сашу. – Аника-то воин и усов нажить не успел.

– Александр, – представился он, снимая форменную папаху. – То есть Саша.

– А меня Алевтиной Даниловной кличут. Да ты погоди, погоди разоблачаться-то. Сперва в баню сходишь, с утра вытоплена. Хоть и не суббота нынче, но как с пути-дороги не помыться. Полотенец чистый на лавке в предбаннике лежит, а исподнее на перемену, поди, свое имеешь, – и всплеснула худенькими руками. – Да ты, горюшко, куда с ружьем-то? Поставь его вон в угол, никому оно не надь, страсть такая! А ты, Миша, не стой столбом, покажи человеку, где у нас баня-то.

Спустя три четверти часа Саша сидел за столом чистый, сытый и если не счастливый, то вполне довольный. Перед ним парила уже вторая тарелка пельменей, а граненый стаканчик стоял кверху донышком (от добавочной порции первача он благоразумно отказался). Давыдов тоже не утерпел, вымылся с гостем за компанию и сидел теперь розовый, в белой рубахе. В широко расстегнутом вороте его был виден медный крестик на черной гарусинке.

– Воля ваша, а я еще употреблю, – ворковал он, выпивал и ухал от избытка чувств.

– И ты бы, Миша, не частил, коль опять на станцию собираетесь, – с легким укором говорила старушка, сидевшая на венском стуле от стола поодаль и вязавшая спицами шерстяной мохнатый носок.

– Не боись, родная, для меня всякая станция как дом родной, – отмахивался железнодорожник. Самогонка на него, похоже, уже подействовала.

Из красного угла, из оклеенной золоченой фольгой рамы тихо глядел на них большеглазый Иисус, перед ним теплилась лампадка. Мерно тикали часы с кукушкой и гирьками-шишечками на длинных цепочках. На шестиногой железной кровати высилась горка разновеликих подушек, верхнюю и самую маленькую из них покрывала кружевная салфетка. На стене за кроватью висел ковер с непременным оленьим семейством. У другой стены стоял диван с высокой спинкой, обтянутый потрескавшейся от старости коричневой кожей. Милый, милый мещанский уют!

– Вот ведь баня, – рассуждал Давыдов, поводя над столом рукою. – Где ей стоять положено? Ясно, у речки. Мы же на гору взгромоздились, у всех банёшки в огородах. Откуда тут речкам взяться? А вот ведь всё равно каждую весну приходится в избе воду из подпола вычерпывать. Почему такое? Откуда вода?

Саша участливо кивал и выдвигал предположение о зловредном подземном источнике.

– Да, это-то понятно! А вот чего ж вода на самую верхотуру прёт?

И вдруг круто менял тему:

– Вам детей по молодости лет иметь не положено. А у меня сын Колька совсем взрослый. Гляжу на него – мужик мужиком, а нет-нет, да и вспомню, как однажды в детстве по попке его отхлопал. Годика четыре ему было. Михайловский уже уехал, я на Балашовскую служить пошел. Тут у нас разве станция? Сутками тогда на службе пропадал, потому и жену свою Фанюшку с сынишкой сюда отправил, к матушке.

Алевтина Даниловна улыбалась, молчала, перебирая прозрачными пальцами и поблескивая спицами.

– И ведь не то, чтобы ему никогда от меня не попадало. Озорник был, непоседа. Но в тот раз я вовсе понапрасну наказал мальчонку. Для того, вроде, чтоб от отцовой руки не отвыкал. Коленька губки скривил, в глазах слезы плавают, сам и говорит: «Почто бьешь-то? Я тебя так ждал, ждал...» И так мне от этих слов горько стало, так стыдно! Уж сколько лет минуло, чего только не случилось в жизни, и Фанюшку схоронил, и сам скоро дедом стану, а за то наказание зряшное до сих пор стыдно. Вот и думаешь, кто кого больше учит: мы ли детей своих или они нас. Дети ведь чище нас и лучше. Грехи мы со временем наживаем и с опытом.

В часах что-то щелкнуло, скрипнуло, дверцы распахнулись, из деревянного домика выглянула пичужка с круглой головой на тонкой шее и несколько раз старательно прокуковала.

– А вот и команда нам. На станцию пора. Давай что ли, солдат, на ход ноги по последней, да и двинемся потихоньку.

– Можно и без последней, – встрепенулась старушка, откладывая в сторону недовязанный носок.

Саша по поводу выпивки энтузиазма тоже не проявил, зато поспешно покидал себе в рот оставшиеся на тарелке пельмени.

– Что ж, как гость, так и хозяин, – кивнул Давыдов. – А бутылку ты, родная, нам с собою всё же обеспечь. Не для нас, грешных, но для ублажения паровозной бригады.

* * *

Давыдов и Саша стояли возле водонапорной башни. Солдат опирался спиной на кирпичную стену, не прячась, но и не высовываясь понапрасну. Давыдов глядел на красный глаз семафора, светивший сквозь сгущавшийся сумрак там, где железная дорога выбегала на простор из узкого коридора скальной выемки. Вот прямая рука семафора опустилась вниз, и красный цвет сменился зеленым.

– Ну, теперь слушай, – с видимым удовольствием возгласил всё еще хмельной Давыдов. – Путиловская овечка ведьмою взвоет!

Раздался гудок, столь оглушительный, что зазвенело в ушах. Из скального коридора выскочило трехглазое металлическое чудище, за ним со стуком-перестуком последовали вагоны. Из станционного домика вышел дежурный в красной фуражке и небрежно кивнул Давыдову. Сашу дежурный вроде бы и не приметил, хотя других пассажиров на станции не было.

Паровоз остановился как раз напротив башни.

– Вы что ж, Григоров, заправляться не будете? – крикнул дежурный, когда машинист высунулся из окошка, словно та кукушка из настенных часов. – Мы ведь воды нагнали, колонку для вас, чертей чумазых, прогрели.

– Не, Архип Сидорыч, благодарствуйте! Торопимся, и воды пока довольно. Есть ли чего на погрузку?

Дежурный лишь рукой махнул и отвернулся. Настала очередь Давыдова.

– Здравствуй, Григоров!

– И тебе, Давыдов, не хворать! Чего не на своей станции?

– Матушку навещал. Теперь вот племянничка провожаю.

Саша шагнул вперед. Машинист смерил его взглядом и неопределенно обронил:

– Ну-ну...

– А у меня подарочек вам, Григоров.

И Давыдов, словно фокусник, извлек из кармана пальто бутылку самогона.

Светлые глазки на чумазом лице заискрились.

– А далеко ль служивому ехать?

– Да в самый Екатеринбург.

– Ишь, какой баловень! Ему, может, и в Катеринбург, да только я до Златоуста. Ну, если годной машины там не случится, могут и в Челябу заслать. Но не далее.

– Сойдет.

Григоров крикнул через плечо внутрь будки:

– Витюх, попутчика предлагают. С ружжом! Охранять нас будет. Возьмем?

Из-за спины машиниста высунулась физиономия, еще более перемазанная сажей, копотью и машинным маслом.

– Ружжо ево нам не надь, а вот энта граната сгодится. Ежели и уголек пошвыряет со мной на переменку...

– Тебе, лоботрясу, лишь бы на кого свою работу свалить. А топку шуровать – не в носу ковырять! Хватай-ка резак да полезай поддувало чистить.

– О-хо-хо! Грехи мои...

Маленький кочегар, похожий на чертенка, гулко ступил башмаком на железную ступеньку, спрыгнул на землю, вытянул откуда-то полуторасаженный железный штырь и юркнул с ним под паровоз.

– Ну, а ты, служивый, что стоишь? – Григоров впервые обратился напрямую к Саше. – Забирайся уж, как-нибудь разместимся.

Саша поднялся в будку, передал бутыль. Он уже считал свой отъезд делом решенным, когда машинист, пыхнув самокруткой, неожиданно поинтересовался:

– Слышь, Давыдов! А чего твой племяш обычным порядком не едет? В вагоне.

Сердце у Саши и стучать перестало. Давыдов помедлил, поглядел на черную спину дежурного. Потом ответил:

– Потому не едет, что не с руки ему с патрулями здоровкаться.

– Ну! Так ведь у нас с озорством теперь ох как строго!

– Он пассажир смирный. Пусти в тендер, так до Златоуста проспит.

– Хорошо, коли так...

– Но чуть что – под зад коленка! – весело крикнул кочегар Витюха, выбираясь с резаком из-под металлического брюха. – У нас на паровозе не забалуешь!

И когда, ускоряясь, побежала вдоль железной дороги река Юрюзань, замелькали седые скалы и покрытые ельником горы, Саша с горьким чувством подумал, что нехорошо расстался с Давыдовым. Не обнял задушевного человека, не поблагодарил за приют, за помощь. За баню и за пельмени. За открытую книгу на каменном аналое. А еще за разговор о том, что дети – это самые лучшие и светлые люди, маленькие люди, которые, вырастая и взрослея, подобно ломтям хлеба лишь черствеют или покрываются плесенью. Надо будет об этом подумать.

«Но Иисус сказал: пустите детей и не препятствуйте им приходить ко мне, ибо таковых есть Царство Небесное. И, возложив на них руки, пошел оттуда».

САМАЯ КРАСИВАЯ МАМА НА СВЕТЕ

Артавазд САРЕЦЯН

Родился 22 апреля 1957 года в селе Лечкоп Сухумского района. Выпускник историко-правового факультета Абхазского госуниверситета. Член союзов писателей Абхазии и Армении. Заслуженный журналист Республики Абхазия. Автор более десяти книг на армянском и русском языках, в том числе двухтомника избранных произведений. Перевел на армянский язык произведения многих авторов. Пишет на армянском и русском языках. Его личный вклад в дело духовного сближения армянского и абхазского народов отмечен высшей наградой Абхазии – орденом «Ахьдз-Апша» 3-й степени, медалями Армении «Уильям Сароян» и «Посол родного языка».

Наверное, каждый из нас в детстве на один миг становится гениальным творцом – поэтом, художником, композитором. Всего на один миг. Но именно в тот миг, когда мы в своем восприятии мира создаем, рисуем, произносим постоянно повторяющиеся с потрясающей шедевральностью слова: «Моя мама – самая красивая мама на свете».

Они звучат как высшее Озарение. Они вырываются так, как робкие ростки прорастают из беременных семян и пробивают любую твердь, преодолевают любые преграды.

И они, эти слова, всегда неожиданны, они всегда вдруг: как Крик Пробуждения Природы, как Радость Узнавания Мира. Они завершены и совершенны. Они не только без изъянов и ущербов, но и без малейших отдаленных намеков на них.

Я хорошо помню свой миг гениальности. Я хорошо помню тот благословенный миг, когда еще не совсем уверенными губами произнес свои первые, самые главные слова. Он случился во дворе, когда рано утром мама начала разводить костер на очаге, который образовался между тремя пустотелыми, постоянно коптящимися и пропитанными (как балки апацхи[1] дяди Рауфа) густым дымом блоками-подставками, заменяющими трехножку для казана.

Здесь, в специальных котлах, периодически кипятилось белье, в тазах булькало варенье, играя в дразнилки с взбудораженными осами, в казане аппетитно тушилось всё разноцветное многовкусье огорода – аджапсандал, варилась фасоль для турши – очень вкусного соленья...

Здесь почти каждый день на широкой сковородке мама готовила наше постоянное блюдо – жарила зеленый мясистый болгарский перец: сперва для нас, а потом уже отдельно для себя и папы – вперемешку с острым цицаком, который придавал особую горчинку болгарскому перцу.

И всё это до сих пор ясно предстает перед моими глазами.

Вот в нескольких местах проколотый вилкой целый, обязательно с хвостиком перец весело шипит на раскаленном подсолнечном масле, истекая последними соками.

Вот мама заливает его соусом собственного приготовления из невероятно вкусных помидоров, собранных в нашем огороде, потом ловко посыпает солью, а буквально за минуту до полной готовности обильно добавляет свежий зеленый лук и ароматную петрушку, острым ножом мелко нарезая – жах-жах-жах – пучки прямо в сковородку.

А дымок!.. Этот голубоватый дымок!..

Вот он густо поднимается от углей и, клубясь, прежде чем полететь в небо, ищет мою маму, вернее, ее глаза, которые вскоре начинают слегка слезиться. Мама периодически вытирает их и на полшага отходит в сторону, продолжая колдовать над сковородкой. А не на шутку встревоженный вдруг дымок, лишь на секунду заблудившись, теряет ее, а потом так же легко и ловко находит и легчайшим скольжением всё кружит и кружит вокруг – как стройный юноша в грациозном непрекращающемся танце – срапар.

«Дымок выбирает самую красивую на свете женщину, – улыбается бабушка, – когда я была молодой и очень красивой, он ни на шаг не отставал от меня, озорник и шалунишка».

Я хорошо знал, что она говорила всегда только правду, потому что несколько раз очень строго наказывала нас даже за робкую попытку обмана, пусть даже наивно-детскую.

Значит, самая красивая женщина на свете – моя мама, раз «озорник и шалунишка» дымок выбирает ее!

И я впервые в жизни как бы со стороны, как бы чужими глазами, сквозь клубящийся дымок смотрю на склонившуюся над костром маму.

«Мама, – хочу я заполнить пока еще совсем-совсем пустую Вселенную

[1] Апацха (абх.) – плетеная постройка с земляным полом, посередине которой устроен очаг.

своим признанием, – мама, ты – самая красивая мама на свете!»

Но что-то останавливает меня, что-то подсказывает, что мамин портрет пока не завершен, что пока не хватает какой-то очень важной, очень так необходимой детали.

И я неожиданно даже для самого себя задаю вопрос, которым, наверное, давным-давно (если это слово применительно к моему четырехлетнему возрасту) переполнена моя душа – как тазик с переливающимся через край маминым тестом: «Мама, почему ты каждый день разводишь костер? Тетя Вардуш всё это делает на газе. Все это делают на газе, и тетя Тамар, и тетя Аня, и тетя Валя, все, все, и только мы – нет».

У всех наших соседей в кухнях стояли только-только входившие в моду двухконфорные газовые плиты с духовками. Мы с мамой часто приходили в гости к тете Тамар на кофепитие. И я, пока кофе в турке покрывался густо ароматным каймаком, завороженно смотрел на замечательно пламенеющий вокруг крышки горелки огонь, очень похожий на крупную ромашку с голубыми лепестками, обильно цветущую вдоль забора в нашем саду.

Помню, как тетя Тамар взахлеб рассказывала о преимуществах газовой плиты. «Ты не представляешь, Геганush, – говорила она, – как это удобно, как это чисто и быстро. Вот чиркнула спичкой, не успела даже на минутку присесть на табуретку, а суп уже готов. Газ – мое спасение! Дай бог здоровья его создателю!»

Мама утвердительно качала головой: «Да, конечно, удобно, чисто и быстро», – а глаза почти влажные.

Конечно, пройдет немного времени, и такая же газовая плита появится и в нашей кухне. Но... я сразу же почувствую, как без аромата костра (именно аромата костра) изменился вкус приготовляемых блюд. И это чувство у меня сохранилось до сих пор, а в последнее время не только усилилось, но и стало даже навязчивым.

У мамы очень длинные черные волосы. Когда она распускала их, они доходили до поясницы. Мама заплетала волосы вокруг головы – и получалась высокая и плотная диадема, увенчанная брошью с двумя бутонами белой розы.

И еще я запомнил, что мама всегда была в халате и переднике, карманы которого набивала небольшими кульками с разными семенами зелени для посева – киндзы, петрушки, укропа, цицмата...

Полусклонившись над костром, мама поворачивается в мою сторону, в руках – с длинной ручкой и широким черпаком гудал[1], смастеренный моим отцом из мандариновой чурки.

Мамин ответ такой же неожиданный, как и мой вопрос. Нет, она не сказала, что у нас нет денег для покупки газовой плиты, не сказала, что все деньги пока уходят на лечение больного отца. Она сказала просто и честно, сказала очень непосредственно, и таких правильных слов я больше никогда не слышал: «Надо же согревать солнце, чтобы не иссякло его тепло. А потом солнце, вставая каждое утро, будет согревать нас».

Вот он – этот миг, навсегда запечатленный в моей памяти: сковородка на очаге, над ней склоненная в полуобороте ко мне мама, клубящийся от оранжевого костра дым, обволакивающий маму и поднимающийся

в небо – вверх и вверх, всё выше и выше, к солнцу. Каким-то невероятным озарением я почувствовал, что в тот миг в моей душе сложился завершенный образ матери, теплом своего сердца согревающей солнце. И я не смог не крикнуть на всю Вселенную, заполняя ее своими выстраданными словами: «Мама, ты – самая красивая на свете!»

Не это ли Сама Благодать – божественное действие во имя сохранения мира и спасения души человека?

...Пройдет несколько лет, и я попытаюсь этот образ матери, сотканный из очажного костра и вьющегося к солнцу дыма, буквально несколькими штрихами, несколькими мазками написать в двенадцатистрочном стихотворении «Мамин костер».

К тому времени у меня уже завязалась крепкая дружба с великим поэтом Евгением Евтушенко.

Я очень хотел показать стихотворение Евгению Александровичу. Он и сам заметил мое, скажем так, волнительное состояние и несколько раз спрашивал: «Вижу, что-то очень беспокоит тебя, ты о чем-то хочешь со мной поговорить?» Но я всегда переводил разговоры на другие темы и так и не решился, просто не хватило смелости достать из нагрудного кармана вчетверо сложенный лист и протянуть Евгению Александровичу: я очень боялся, что «Мамин костер», согревающий мою душу и... солнце, может не понравиться ему.

Как-то я проходил перед зданием редакции газеты «Советская Абхазия» по улице Ленина, остановился у стенда со свежим номером и... ноги сами повели меня в отдел культуры. «Мы посмотрим и сообщим свое мнение», – сказала заведующая отделом Юлия Гериа и попросила оставить адрес. Невероятно, но на той же неделе стихотворение появилось в газете, а через два дня позвонил Евгений Александрович: «Приезжай, мы давно не виделись». Как же так, мы же виделись совсем недавно. Да забыл наверное.

Я в тот же день поехал в Агудзеру, где он жил. По дороге в автобусе меня вдруг осенила дерзкая мысль: а не получил ли он газету с моим стихотворением?! А почему бы и нет. Может быть и получил, ведь он выписывал местные издания.

И я не ошибся. Не буду рассказывать о том, что случилось дальше. Все подробности того вечера я описал в воспоминаниях «Мой Евтушенко» в главе «Дымок струился плавно ввысь».

Вот так совсем юным я написал одно из своих любимых стихотворений «Мамин костер», хотя до сих пор не знаю: стихотворение ли оно вообще. По мастерству исполнения и новаторству, – конечно, нет. Но ведь в данном случае не это главное.

Со временем я понял, что «Мамин костер» оказался намного большим, чем просто стихотворение. Оно явилось моим восприятием Вечности и Матери.

Июль, 2023
Пансионат
«Литфонд имени Дмитрия Гулиа»

[1] Гудал (арм.) – от слова гдал: ложка.

АИСТЕНОК

Наталья ЖИРОМСКАЯ

Родилась в 1941 г. в Ростове-на-Дону. По образованию инженер-строитель. Автор нескольких сборников стихов и прозы. Живет в Москве.

Настойчивый стук в окно разбудил бабу Варю. Тяжело поднявшись, растирая затекшие больные ноги, она подошла к окну. Серая дымка тумана расстилалась над речкой, как будто невиданная диковинная птица распластала свои огромные крылья. Но никого не было видно. Баба Варя уже собралась отойти от окна, как новый стук привлек ее внимание. Вглядываясь в запотевшее стекло, она увидела аиста. Он подпрыгивал и бился клювом в окно.

– Что-то случилось, – подумала баба Варя.

Семья аистов уже пять лет прилетала в их тихую, опустевшую деревню. Рядом с домом бабы Вари располагалась старая водокачка, на ней аисты и свили гнездо. Бабе Варе сразу полюбились ее соседи. Как красивы были эти белые аисты с черными кончиками крыльев и изящной длинной шеей! А их трогательная забота о птенцах умиляла бабу Варю. Она с удовольствием наблюдала, как птенцы подрастают и вылетают из гнезда. Сначала в сопровождении родителей, потом самостоятельно. Баба Варя любовалась их красивым парением. Она подкармливала аистов. Работая в огороде, выкапывала червей из земли и складывала в тазик. Порой и маленьких лягушат туда подбрасывала. Лягушек в их болотистом краю было немерено, с середины лета приходилось привыкать засыпать под их несмолкаемое кваканье.

Так что же теперь случилось у аистов? Баба Варя поспешила к гнезду. Аисты тревожно кружили над водонапорной башней. Подойдя ближе, она увидела в высоких зарослях крапивы аистенка. Он лежал как-то боком, крыло было вывернуто. Явно сломано. Грустные испуганные глаза аистенка смотрели на нее. Он был жив, высокая трава смягчила падение. Как же он выпал из гнезда? Наверное, малыш впервые пытался взлететь. Баба Варя стала пробираться к аистенку. Жгучая крапива хлестала ее по ногам и рукам. Аккуратно подняв и прижав к себе птенца, она вынесла его из зарослей. Аистенок прикрыл глаза, успокоился и доверился этим добрым рукам.

Баба Варя кем только не работала до войны, в том числе пару лет – ветеринаром в колхозе. Этот опыт не раз пригождался ей в тяжелые годы войны и трудное послевоенное время.

В хате баба Варя первым делом осторожно выправила крыло аистенка, плотно примотав его к тельцу. Потом смазала ссадины зеленкой, надежной спасительницей от инфекций.

Выйдя на крыльцо, баба Варя увидела птиц и улыбнулась. Она покивала им, дав понять родителям птенца, что с ним всё хорошо. Аисты благодарно помахали ей крыльями и полетели к оставшимся в гнезде детям.

Теперь можно и собой заняться – руки и ноги, обожженные крапивой, горели.

Скоро приедет Надежда со своей продуктовой лавкой. Спасибо ей, не забывает двух стариков, оставшихся в покинутой деревне. Но что-то Матвея давно не видно...

Он жил на другом конце пустой деревни. Старики ушли в мир иной, а молодежь давно разъехалась. Ее сын с невесткой и внучками уехали в Смоленск. Там от предприятия, на котором они оба работали, получили квартиру. Сын не раз предлагал матери переехать к ним в город, но баба

Варя не соглашалась. Кто же будет ухаживать за могилой ее любимого мужа Петечки?

Но что же с Матвеем?

Они с ним выросли в одной деревне здесь же, на Смоленщине. Матвей был тихий, скромный мальчик. Он ничем не выделялся, не участвовал в жизни школы, в мальчишеских играх и драках. Видно, стеснялся своей хромоты – с рождения у него одна нога была короче другой. Варя, заводная и веселая, пыталась вовлечь его в школьную жизнь, да не очень получалось. Но она старалась не показывать ему свою жалость и не дразнила его хромоножкой, как другие.

Матвей рос замкнутым, одиноким. Дома у него было неладно, отец пил и частенько поколачивал робкую тихую мать. Но на фронт он ушел первым из деревни и погиб в первые же месяцы войны. Постепенно из деревни ушли все мужики – кто в армию, а кто в партизанские отряды, которых в смоленских лесах было, сказывают, около трехсот.

Матвея из-за хромоты в армию не призвали. Он остался в деревне, один мужик на всех баб и детишек. Помогал всем: колол дрова, крыши ремонтировал... Когда пришли немцы, Матвея назначили полицаем, выдали ему мотоцикл и красивую форму, и он круто изменился. Почувствовал себя значимой личностью. Стал ходить этаким гоголем, заважничал. Бабы от него отшатнулись и перестали обращаться за помощью. Правда, он не свирепствовал, как некоторые полицаи в соседних, более зажиточных селах.

Гитлеровцы намеревались превратить колхозы в поместья и отдать колонистам. Во время оккупации немцы ввели трудовую повинность. Это был каторжный труд. Тех, кто не хотел работать на немцев, отправляли в концлагеря, а то и вешали. Страшно вспоминать. Хорошо еще, что их маленькая деревня была окружена лесами. Да еще все, кто мог держать лопату, вырыли глубокие окопы вокруг деревни. Так что немцы к ним не заезжали, Матвей сам ездил в комендатуру сообщать обстановку. Главной его задачей было следить, не появились ли партизаны. А также он конфисковал и увозил большую часть жалкого урожая своих соседей.

Дошли слухи, что в одной из деревень немцы нашли раненого красноармейца, которого прятали жители. Ту деревню сожгли, а женщин с детьми угнали в Германию. Баба Варя вспоминала эти тяжелые годы, как страшный сон.

Партизаны тоже не давали фашистам спокойной жизни. Они подрывали воинские эшелоны, громили вражеские гарнизоны, взрывали железнодорожные станции. Муж бабы Вари Петр погиб во время одной из таких партизанских операций. После тяжелого ранения на фронте и лечения в госпитале его, как местного, хорошо знающего смоленские леса, назначили командиром партизанского отряда.

Он заскочил домой, чтобы повидаться с женой и поцеловать пятилетнего сына. Варя тогда страшно боялась, что Петра увидит Матвей. А Петр сам пошел к нему, чтобы передать последнее «прости» от его отца. Они вместе сражались, сидели в одном окопе бок о бок. В последнем бою Петр был ранен, а отец Матвея погиб.

Сердце Матвея дрогнуло, ему стало горько и совестно. Скупая слеза скатилась по заросшей щетиной щеке. Матвей попросил Петра взять его с собой в партизаны, он хотел кровью искупить свою вину. Петр ему поверил и сделал его связным и информатором.

Знала об этом только баба Варя, остальные жители деревни по-прежнему презирали Матвея. Он еще больше замкнулся, а потом и вовсе пропал. Возможно, немцы раскусили его двойную игру.

Увиделась с ним баба Варя спустя год. Он привез погибшего в неравном бою Петра. Их район тогда уже был освобожден от оккупации. Похоронили Петра с почестями в родной деревне. А орден его, Красную звезду, баба Варя бережет все эти годы. Она тяжело вздохнула: нет, не уедет она никуда от своего Петечки.

Бабу Варю не оставляло ощущение, что эти страшные годы войны не забудутся никогда, не сотрутся из памяти. У ее сына Виталия подрастали две чудесные дочки. Летом, правда не так, чтобы часто, они приезжали к ней и всегда просили рассказать о дедушке Пете, о том, как он воевал с фашистами. И баба Варя рассказывала. Девочки должны знать историю своей страны. И помнить тех, кто погиб за то, чтобы они жили. Чтобы были счастливы здесь, на своей родной земле. Если бы не миллионы погибших и оставшихся в живых героев, ее милые внучки работали бы сейчас на немцев, были прислугами, вечно униженными этими так называемыми сверхлюдьми, будь они прокляты! Сколько горя принесли они нашей родине...

Ну вот, опять воспоминания нахлынули, а как там ее крылатый пациент? Надо накопать ему червячков.

Баба Варя с удовольствием ухаживала за аистенком. С ним ей было веселее и не так одиноко.

Прошло лето, аисты улетели в теплые края, оставив малыша на попечении бабы Вари. Он окреп, но летать пока не мог. Прыгал по огороду, добывая себе пищу и потихоньку учился летать.

Зиму потихоньку пережили. Заходил Матвей, помогал: то воды принесет из колодца, то дрова наколет. Но всё удивлялся:

– И зачем, Варвара, тебе эта лишняя забота, эта возня с аистом? Отдала бы ты его в зоопарк или какой-нибудь питомник.

Не понимал, зачерствевшая душа, как важно было бабе Варе о ком-то заботиться, кого-то любить. Вот Матвей прожил всю жизнь бобылем, и никому теперь не нужен, хоть волком вой от одиночества. Дорого он заплатил за свое предательство. Не простили его люди, и он живет всю жизнь отшельником.

...Но вот снова наступила весна, и прилетели аисты. Покружили над домом бабы Вари в знак приветствия и забрали с собой ее питомца, уже совсем взрослого. И осталась баба Варя опять одна.

Ее больные ноги совсем ее не слушались, отказывались ходить. Какие только мази ни привозил сын, ничего не помогало, баба Варя

еле-еле передвигалась по хате.

Она не выходила уже несколько дней, больше лежала, вспоминая счастливое довоенное время. Они с Петром весь Союз объездили по профсоюзным путевкам. Теперь она часто перебирает фотографии, и воспоминания греют тоскующую по мужу душу.

Как-то утром она услышала знакомый стук в окно и с трудом поднялась. Подошла к окну и видит: на крыльце лежит свежая рыба, а над домом кружат аисты. Надо же: птицы, а такие заботливые. Помнят добро, не забыли ее, старуху. И так не один день баба Варя по утрам находила подарки от благодарных птиц. Варила себе уху, картошка и лук всегда были под рукой.

Баба Варя всё собиралась позвонить сыну, сказать, что уже не выходит. Но всё оттягивала – авось, как-нибудь обойдется. Она и войну пережила, и холод, и голод, и страх, но выжила. Не хочется теперь стать обузой детям.

Матвей поздно вечером вернулся из города, привез кое-какие стройматериалы. Он давно хотел подлатать крышу, да и Варваре сарай обещал подправить. Утром, выйдя на крыльцо, старик увидел ее крылатых соседей. Аисты кружили над его домом, громко хлопая крыльями. Что-то необычное, тревожное было в их поведении. Матвей вышел во двор. Аисты, продолжая махать крыльями, полетели в сторону Варварино-го дома и опять вернулись. Будто звали его за собой. Что-то неладно. Неужели с Варварой? Матвей поспешил к ее дому. На пороге лежала уже попахивающая рыба.

Толкнув незапертую дверь, Матвей прошел через сени в горницу. Варвара лежала на полу лицом к незастеленной кровати. Как будто последние силы оставили ее в шаге от постели. Матвей наклонился над ней:

– Варенька, что с тобой?

Он поднял легкую, как перышко, бабу Варю и положил аккуратно на кровать. Стал искать на тумбочке лекарство. Баба Варя открыла глаза, глубоко вздохнула, оглядела комнату.

– Это ты Матвей? Как ты здесь?

– Твои аисты подняли тревогу. Я вызову «скорую» и позвоню твоему сыну.

Матвей пошел к телефону, не слушая возражений бабы Вари. Позвонив, он поставил чайник на плиту и присел, немного успокоившись. Баба Варя закрыла глаза и задремала.

«Варенька, Варенька, как же ты меня напугала! – думал он. – Ты единственный на свете близкий мне человек. Я не смел признаться тебе в любви даже после гибели твоего Петра. А люблю я тебя еще со школы...»

Он взял худенькую руку бабы Вари и нежно поцеловал.

«Скорая» приехала через полчаса. Сделав бабе Варе укол, фельдшер и Матвей положили ее на носилки и отнесли в машину.

– Что с ней? – спросил Матвей с тревогой в голосе. – Сейчас подъедет ее сын, в какую больницу вы ее повезете?

– У нее гипертонический криз, – ответил фельдшер. – Вы вовремя вызвали «скорую». А едем мы в Смоленск, в 20-ю горбольницу.

Матвей проводил глазами «скорую» и тяжело вздохнул.

– Спасибо, аисты, вы настоящие преданные друзья!

Аисты всей семьей сидели на старой яблоне, как будто прислушиваясь и понимая, о чем говорил Матвей. Матвей кивнул им, мол, всё в порядке, и медленно побрел к своему дому.

«Удивительные птицы, – думал он. – Не каждый человек бывает таким благодарным и внимательным. А я-то, старый дурак, ревновал Варю к ним. Мне было досадно, что она уделяет больше внимания птицам, чем мне. Ну вот, кажется, это Виталий едет».

Это и правда был Виталий.

– Всё хорошо, не волнуйся, «скорая» уже была. Давление сбили. Мать не хотела ехать, но мы с фельдшером уговорили е» лечь на несколько дней на обследование. Повезли е» в 20-ю городскую, в Смоленск. Виталий, давай подъедем, я помогу тебе собрать вещи в больницу.

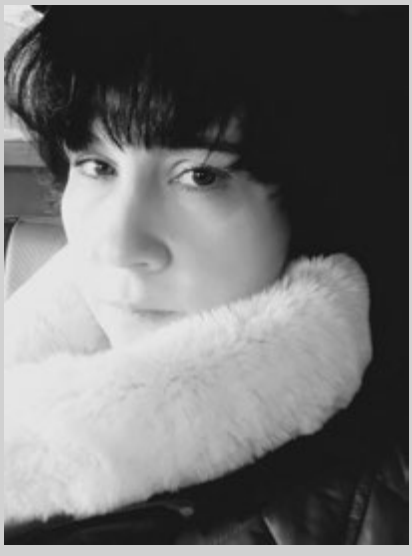
Проводив Вариного сына, Матвей еще долго сидел на крыльце, вспоминая свою бессмысленную одинокую жизнь. Страшную войну, погибших односельчан, отца, Вариного Петра, его командира, погибшего совсем молодым. Ведь он поверил ему, Матвею, бывшему полицаю, приняв его в свой партизанский отряд. Дал шанс искупить вину перед родиной. И Матвей храбро сражался с фашистами, мстил за погибшего отца и после освобождения Смоленщины дошел с армией до Берлина.

Он снова посмотрел на аистов, Вариных друзей:

– Не волнуйтесь, птицы, наша Варенька скоро вернется. А я присмотрю за домом, накопаю для вас червей.

«Это ж надо, на старости лет начал с птицами разговаривать. А может, Варенька и права, они всё понимают, и, пожалуй, добрей людей будут? Будем ждать Вареньку вместе, аисты!»

«ЖИЗНЬ ИДЕТ И ИДЕТ»

Елена ФРОЛОВА

Писатель, переводчик, драматург, критик. Родилась в Симферополе. Окончила Красноярский педагогический университет имени В.П.Астафьева по специальности «Русский язык и литература»; институт современного искусства по специальности «Актер драмтеатра и кино». Публиковалась в журналах «Москва», «Эмигрантская лира», «День и ночь», «Граффит», «Веси», «Южное сияние», «Симбирск», «Литературный Крым», «Республика Абхазия», «Литературный Ашхен», «Литературная газета», «Литературный Иерусалим», «Плавучий мост», «Дружба народов» и др. Лауреат литературных конкурсов и фестивалей. Автор книг для детей и взрослых. Организатор конкурса прозы памяти В.П.Астафьева «Здесь вам не Сибирь». Живет в Москве.

* * *

Луговой земляникой алеет июль.
Хорошо и тепло, и немного лениво.
Занавески с прорехами солнечных пуль,
нежный ветер колышет неторопливо.

Наливаются спелостью летнего дня
старой яблони яблоки — поздние дети.
Все, что знала она про тебя и меня,
повторится однажды с другими на свете.

Повторится, забудется, снова придет,
разнотравьем цветов, сочной ягодой лета...
Золотится июль. Жизнь идет и идет,
ничего не прося, не давая ответа.

* * *

Закатывает август рукава,
ждет рук его несжатый хлебный колос,
и перелетных птиц привычный голос
хранит чуть порыжевшая трава.

До осени совсем недалеко.
Уже почти доварены варенья,
и предано неверному забвенью
предутренних туманов молоко.

А в книгах, недочитанных на треть,
опять лежат цветочные головки,
которые рассыплются неловко,
когда нам их захочется сберечь.

И складывая в старенький комод
букетики подсохшей земляники,
услышишь вдруг, как кто-то многоликий,
над речкой песню мамину поет.

* * *

Кроссовок помножен на мяч,
на время помножены игры,
на ливни помножены плащ
и юности крепкие икры.

Помножены сердца толчки
на долгие проводы ночи.
Помноженные светлячки
слетают к ногам, между прочим.

Помножено утро на свет,
что в юности кажется раем.
Помножен вопрос на ответ,
который не досягаем...

ДОЧКЕ

Однажды ты доедешь до Парижа,
И я тебя счастливую увижу
На селфи у витрины с серой птичкой
по улице, ведущей на Монмартр,
И для чего ты будешь там — не важно.
Ведь мир уже не будет злым и страшным,
и можно будет из любого места
начать своей судьбы прекрасный старт.

Однажды ты до едешь до Берлина,
и я тебя увижу на картине,
написанной застенчивым бродягой,
свободным от пристрастий и обид.
И будет жизнь твоя простой и светлой,
и каждый в ней распахнут и приветлив,
и радостная долгая дорога
тебя в свои объятия заключит.

Однажды ты до едешь до Белграда,
до Праги, Рима и Калининграда,
до Вены, Будапешта и Канады,
до самых дальних уголков земли,
и там напишешь, что ужасно рада,
осознавать как счастье и отраду
простую жизнь, как главную награду
для всех, кто уберечь ее смогли...

* * *

Спит человек, ему неполных три.
Рисует он повсюду марсоходы.
Он знает их снаружи, изнутри.
Ему понятны выходы и входы.

Ему подвластны буквы, и слова
он складывает вольно, бесконечно.
И в этом есть свобода торжества
над выверенной азбукой и речью.

Он знает мир, который навсегда
забудется взрослененьем неизбежным.
Он спит, над ним картонная звезда
качается, как маятник надежды.

И не познав надежду как оплот,
значения слов еще не понимая,
проснувшись, он рисует марсоход,
судьбу свою в пространство отпуская...

* * *

Мне снится дом, в котором нет меня.
Как будто вместе вся моя семья,
все живы, и под небом голубым
уютом пахнет, бедным, но родным.

Светло и чисто в старом доме том,
там только хлеб и рыба за столом,
а вишня, что сушилась у плетня,
как детство, манит запахом меня.

Мы снимся дому. Он давно один,
за столько лет он не привык к другим,
и в тишине, когда все спят давно,
дом смотрит в небо, будто бы в окно.

И то, что дом, казалось бы, молчит
неправда, он и помнит, и болит
душою тех, кто ждал нас день за днем
под стареньким орехом над Днепром.

* * *

А нам хотелось музыки во всем.
Нам было недосуг до тишины.
Мы камушки бросали в водоем
в их отражении чуть искажены.

Мы палками стучали по стволам,
прислушивались к ветру и ручью.
А музыка — она была и там,
сливалася в симфонию ничью.

И вся эта ничейность бытия
дарила нам единственный урок,
что жизнь от смерти в песне соловья —
на волосок.

* * *

Мама теперь красивая парижанка.
Утром, пока на Монмартре ещё не жарко,
мама приходит в кафе, садится у входа,
там много цветов, красивых, разного рода.

Мама любит цветы, вышивает на платьях,
каждая дама в них — как в цветочных объятиях.
Цветы вышивает на лентах и на перчатках,
для нежных рук без возраста и отпечатков.

Чашечка кофе с маленьким круассаном...
Мама, ты снова с длинными волосами?!
Уличный гений рисует тебя украдкой,
а ты, как Париж, всегда остаешься загадкой...

Мама всегда мечтала пройтись по Парижу.
Теперь она там, я знаю это и вижу...
Чему на земле не получилось случиться -
может и после вполне себе воплотиться...

Мама идет по Парижу, она парижанка.
Не больно ей больше и ничего не жалко.
Ждут её платьев с цветами такие же дамы.
... Кто будет в Париже — купите мне платье,
от мамы...

* * *

А на родине так же всё, тихо.
Лишь сильней покосились дворы.
У дороги крапива- трусиха
хитро прячется в гуще травы.

Чуть присядешь - она тебя тронет,
обожжешься и в сердце тоска,
что никто не подует в ладони,
не утешит гвоздем с верстака.

Не черпнет из колодца, водою
остудить застаревшую боль.
Позови же меня за собою
моя родина, вера, любовь,

моя память... У старого кедра
за полоской тайги, вдалеке,
все как прежде - незримо и щедро
чьё- то детство идет налегке...

* * *

Тихо- тихо прикрой эту дверь.
Тихо тихо присять у кровати.
Слышишь, ходит по городу зверь
беспощадный к любому дитяти.

Но не бойся, не бойся его.
Не убить ему той благодати,
что дарует звезда в Рождество
над яслями склонившейся Мати.

И уставшим в дороге волхвам,
и у яслей уснувшим овечкам,
и, конечно, испуганным нам,
сотворенным земным человечкам.

ДУША НЕ ПОСТАРЕЛА

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

Родился в 1946 г. в Ленинграде, ранние годы провел в Средней Азии. Известный московский поэт, эссеист, переводчик. Автор 37 стихотворных книг, в том числе однотомника, двухтомника, «Сто стихотворений», «Из семи книг. Избранные стихотворения», «Поздняя лирика», «Язык цветов». Составитель ряда антологий и хрестоматий, главный составитель в Национальном проекте «Антология русской поэзии». Действительный член РАЕН и Петровской академии. Лауреат многих отечественных и международных премий. Руководитель Школы поэзии при Ассамблее народов Евразии.

* * *

Поэзия философичнее истории.
Аристотель

Ты видишь, как всё превращается в стих!
Бежишь всё быстрей от друзей и родных.
Мелькают любимые лица.
Так ранят утраты и страшно пустот,
Но пафос дистанции только растеёт —
Попробуй еще отдалиться!

* * *

А в школе наваждение и дрёма
И отвращенье от законов Ома.
Не лучше Пифагор и Гей-Люссак.
Вселенная без меры и объема —
Как будто бы из будущего знак.

Но вот свобода, гомон коридора,
Улыбка одноклассницы и ссора...
Там был с водою кипяченой бак.
И через годы стойкий привкус хлора,
И ностальгии бред, и кавардак.

СИВЕРСКАЯ

На Сиверской осмотр и выверка
Делянок старых ЛСХИ
И вдоль путей суровый сиверко,
И чьи-то зябкие стихи.

И это в промелькнувшем поезде
Опальный Анненский провез
В уезд, где лес мрачней и хвоистей,
Сырую боль незримых слез.

И от ступеней изъелозанных
Лет через десять на перрон
Истерзанный выходит Розанов —
Окурки собирает он.

ИМПЕРСКОЕ

В. Г.

В Сибири обрусели эти ляхи,
Осевшие в Якутске и в Кыштыме,
Былые игроки и вертопрахи,
И девушки с глазами голубыми.

И выжили. Меж тем еще быстрее
К непроходимым дебрям и морозам
Привыкли к ним примкнувшие евреи,
Занявшись, кто порубкой, кто извозом.

Валить тайгу с молитвой всё о том же
Шли, кушаками препоясав чресла.
Но кто-то скрипку прихватил из Ломжи,
И музыкальность в детях не исчезла.

Пока в тайге своя вскипала смута,
Империя сроднила постепенно
И горловой напев олонхосута,
И стих псалма с мазурками Шопена.

* * *

Ты видишь, как спят на вокзале,
Под голову вещи кладут,
И дремлющих судьбы связали,
И вот он ночлег, и приют.
Здесь дети, мешки, чемоданы,
В мечтаниях дальние страны...
Что девушке снится? Она
К чьему-то плечу склонена.
Конечно, условья убоги,
Но есть ощущенье дороги.
А жизнь так пуста без него,
И даже искусство мертво.

* * *

Забытая Дорога Шелка.
Бредешь до первого костра,
И пусть бурьян клокочет колко,
Тропа надежна, хоть стара.

Тверда, как весть веков бывалых,
И чудится, еще тепла
Оставшаяся на привалах
Окаменевшая зола.

Был этот путь столетья нужен,
Желанная манила ткань,
Пока в сиянии жемчужин
Принцессу не прислал Сиань.

Покуда горстку шелкопрядов,
Терпевших в дрёме плен Земли,
В прическу сложную упрятав,
Через Хорезм не провезли.

ТИМОН АФИНСКИЙ

Всем в городе был ведом нрав Тимона.
Недружелюбный этот гражданин
Вещал свое и жил уединенно
В своей усадьбе на краю Афин.

Заглохший сад, цепные псы у двери,
От заходящих ярость и озноб —

Нет ходу ни софисту, ни гетере...
Таков-то был треклятый мизантроп.

Всем изъявлял презренье и досаду,
Кого судьба случайно занесла,
И улыбнулся лишь Алкивиаду,
Поняв, что много сотворит он зла.

* * *

Земля сыпучая, сухая
Пустыни желтой и седой,
Где бредил путник, издыхая,
Теперь знакомится с водой.

Довольно даже опресненной,
Безвкусной, тусклой капли в час,
Чтоб чуть привстал росток зеленый,
Под солнцем жгучим не угас.

Цветут сады, струю глотая,
Тысячелетий сходит зной,
Обетованная, святая
Земля становится родной.

И бедуин не знает, кто вы,
Зачем вернулись в бытие
Вон те, что лечь в нее готовы
И убивать из-за нее.

* * *

О, Фаустина!
М.Кузмин

Багряным шелестя нарядом,
Она вступала в сельский храм.
Не уставала слать наядам
Венки вервены по волнам.

Молилась ларам и пенатам,
Теням героев, и они,
Привыкшие к дарам богатым,
Приукрашались в эти дни.

Но были немы боги Рима,
Молчал дельфийский Аполлон,
Лишь пришлый бог витал незримо,
Шепча, что настоящий — Он.

* * *

Ты, может быть, калмыцкая колдунья,
Вновь явишься с неведомых высот,
Сойдешь ко мне во время полнолунья,
Когда трава забвенья зацветет.

И в этот вечер вспомнятся весенний,
И повторятся в темноте ночной
Видения иных перерождений,
Ведь мы встречались в жизни не одной.

Теперь от этой, будничной и серой,
Скорее к той, где в небывалый путь
Весь твой народ собрался с желтой верой,
И нам прапамять не дает уснуть!

То девочки обличье, то старухи
Ты примешь, изменяясь на ходу,
И над пустыней вьющиеся духи
Нас отнесут на дальнюю звезду.

* * *

Ты не умней того, кто спал в снегу
И с горечью от молодости ранней
Мог отдохнуть лишь в цирковом кругу
От гула проработок и собраний.

И не храбрей того, кто эскадрон
Повел в огонь по горному отрогу.
Потом, фантомной болью изнурен,
Припоминал отстрелянную ногу.

Не опытней того, кто был в плену
И пребывал под неусыпным глазом...
Как будто жизнь ты прожил не одну,
За рюмкою внимая их рассказам.

Ты меньше, как об этом ни жалей,
В скитаньях тайной зачерпнул свободы.
Не старше ты своих учителей,
Какие бы ни набежали годы.

* * *

Всё забудется и скоро —
Даже тот кишлачный зной,
Где бежала следом свора,
Брызжа бешеной слюной.

Неужели позабуду
В мире лести и попсы,
Как сбегались отовсюду
Огрызавшиеся псы?

И ведь скрежетом и лаем,
Жаждой судорожной зла
Был нередко провожаем
И в дороге ремесла.

* * *

Суровый дух с любезным нравом,
Задор в упорстве заводном,
Угрюмый лик с лицом лукавым
В семействе встретились одном.

Всю смесь печалей и ужимок,
Влюбленный взор, смешливый взгляд
Соединяет общий снимок,
Уже немного желтоват.

В потомстве всякая примета
Стремилась выбраться на свет,
Но стерлась выраженность эта
В нелепице бесцветных лет.

* * *

Так затянулась молодость, и всё же
Всему свой срок, и муторное что-то —
Всё чаще равнодушье молодёжи,
И женщин сокрушённая забота.

Но горестно рассматривая тело,
И вглядываясь в зеркало уныло,
Не забывай: душа не постарела
И даже повзрослеть повременила.

* * *

Джамиле Бегиевой

Всё чаще возвращает дрёма
Тянь-Шаня вечные снега.
А вот и ропот ипподрома,
И козлодранье, и байга.

Взгляд аргамака васильковый
И зависть к мальчику в седле.
Начнём от найденной подковы
Свою дорогу по Земле.

И вновь начало обозначим
Пути в иные времена
Железом стёршимся, горячим,
Оставшимся от табуна.

* * *

Верно, чем родство ни обусловь,
Хоть его и не осмыслить здраво:
Индия — как сильная любовь!
Наваждение, жажда и растрава...

Выжжет солнце, восходя в зенит,
Пыль тысячелетий по дорогам.
Что же в новых жизнях предстоит —
Нищим стать, иль многоруким богом?

Наклонив береговой камыш,
Юным Кришной выйдешь к юным девам,
Или старым рикшей побежишь
Через праздник с буйственным распевом.

* * *

С прошлым простившись устало,
Думаешь: совесть чиста.
Только страданья не стало,
Вместо него пустота.

Вместо любви утаённой,
Зыбкой тревоги такой,
Отдых души утолённой,
Сердца прохладный покой.

С этой смирясь переменой,
Чувствуешь: недостаёт
Боли живой и блаженной,
Переносящей в полёт.

МОЛЬБА

Ты — юности ранней
Печаль и отрада,
И поздних свиданий,
Ей-богу, не надо.

Молю: не меняйся
В разлуке без срока,
Всегда улыбайся,
Останься далёко!

Тоска огневая,
Твоя отдалённость,
Мою, овевая,
Лелеет влюблённость.

ТРАССА

Андрей САЛЬНИКОВ

г. Екатеринбург.

АНГЕЛ – ХРАНИТЕЛЬ

Уйдя на небо... или в землю, не знаю я, решайте сами...
Я стану ангелом бесплотным с большими синими крылами.

И так как я не годен был ни к строевой, ни к «службе царской...»,
Но не хочу я снова в тыл, меня вернут к работе адской.

Не в смысле в слуги Вельзевула, в резоне пакости судьбы...
Хранителем меня приставят к поэту. Тяжести борьбы

с его бедовой головою, с всегдашним бесом за плечом,
с его дорогой не простою, – вам не представить нипочём.

Он будет пить, порой неделю, таскать домой немытых шлюх,
и пьяный засыпать в метели, а я... бесплотен, тих, я дух...

Как дотащить его до дома? Как вытащить из-под колес?
И знать про нож, что ждет у Томы, и то зачем их черт понес...

Но всё что будет, мне искупят минуты неотмирной речи,
когда поэт как не в себе, он бренному в себе перечит...

И рядом, рядом небеса и молнии средь них сверкают,
и слышит Бог его слова, и мне терпеть повелевает...

ТРАССА

Старуха-тьма, стуча зубами кривых и редких фонарей,
Не то чтобы бредет за нами, мы делим трассу вместе с ней.
Дорога мирит нас и манит, грозит нам красным, мол, не спи...

Ягою тьма стоит над нами косматой сказкою теней.
Укрыта сном, как одеялом, как будто мерзнет что-то в ней.
Не вырваться из вечной хтони, хоть едь, хоть стой – нельзя уйти...

Седая тьма следит – не дремлет, ты стёрт –
ты растворился в ней.
Но жизнь вопит, не ждет, не терпит, и ты не в царствии теней.
И снова фура на обгоне, и городок по кольцевой, и ты в пути...

И тьма простит, она не злая, она лишь память тысяч лет,
Неолитической Венерой она помашет тебе вслед.
И ты забудешь всё, что вспомнил, что смел найти...

ЕЩЕ НЕ ОСЕНЬ

Ещене осень, но светлой грусти, утихшей страсти полна душа.
Дела не очень, да ладно пусть их, бывает радость и без гроша.

Шпаной дворовой гуляет ветер, пинает банку, хватает куст.
Идя знакомой дорожкой встретил я взгляд, как осень,
он сыр и пуст.

Душа чужая вдруг из потемок рванулась к свету и... замерла.
А я шагаю — большой ребенок, ищу ответа: Мои ль дела?!

Да, в жизни этой, идущей мимо, мы все ежами, пойди — коснись!
Мы жаждем сами сомлеть под взглядом и вслед услышать...
постой, вернись!

ТАК ПРОСТО И... СТРАШНО

Это был сорок пятый, май, девятого дня,
в этот день в Кенигсберге застрелили меня...

Очищали форты от фугасов и мин,
а в одном из подвалов из фольксштурма один...

неумело держал он винтовку свою,
по всему было видно, не бывал он в бою.

И на вид лет тринадцать, а она тяжела...
Только глаз его ярость кипятком обдала.

Я сказал ему тихо, мол... — капут, всё, отдай...
Наверху зеленел и кружил душу май.

Там всё утро стреляли, обнимались, ревели...
и гармони звучали и, конечно же, пели.

Но приказ есть приказ — разминировать форт!
Собрались и пошли, и вдруг этот, как чёрт...

Из недавнего ада, поднялся и стоит...
ствол винтовки от страха, словно ветка дрожит.

Я шагнул к нему просто, автомат за спиной,
а он дёрнулся, выстрел, ну и я в мир иной...

Не хотел он, я знаю, вы вините меня...
Это был сорок пятый, май, девятого дня!

КАРАВАН

Вот слово за словом упорно бредут,
в пустыне страстей человечьих.
И жажда - наш вечный и властный недуг,
нетвёрдые души калечит.

И глушит шаги каравана песок,
разрушенных замков печальный итог.
И движемся мы как всегда на восток,
с любых направлений, где вера не бог.

И запахи: пота, верблюжьей мочи,
лишь ветер спасает, но тоже не часто.
А из инструментов, лишь звёзды в ночи,
приметы, да строки Экклезиаста.

И пусто за нами, лишь тени веков,
упавший исчезнет, забудут рапсоды.
Лишь пыль миллиардов людских пустяков,
возносится вверх, затмевая восходы.

РАДОСТНОЕ

Желто-зеленое на голубом,
яркий, избыточный свет...
Сыплется золото на газон,
дань летних парков зиме.

Осень расщедрилась на тепло,
ночью крадется зима...
И на душе так тепло и светло,
будто бы снова весна.

В вальсе цветном, как накидка шута,
ветер деревья кружит...
Словно котенок, в душе красота
тихо пригрелась и спит...

ПОЧТИ РОНДО

Любимы всеми вымыслы и тени...
Не жизнь как есть, без масок и кулис.
Всю жизнь стремимся вверх, шагая вниз,
По скользким трапам пошлых вожделений...
Платя обол за каждый свой каприз.

Платить Харону нечем за безвиз...
Талант истратив для увеселений.
Хоть церковь, впрочем, так же как стриптиз...
Любимы всеми...

Но есть и те, что тихо сходят вниз,
Без страсти, без борьбы, без сожалений...
Равно им чужды Байрон и Чингиз,
Песок часов их в замках избавлений,
Аскезы путь — суть выход за карниз...
Любимы ль всеми?

СЧАСТЬЕ...

Счастье — это одуванчик,
Дунуло, и облетел...
И судьба мне скажет, — мальчик!
Так чего же ты хотел?!

И пред этой классной дамой,
Я, задумавшись, стою...
Что тут скажешь?! Ведь не мама!
Тут, у жизни на краю...

Разноцветная дорога,
четвергового дождя!
Счастье — это так... немного!
Только вот... не для меня.

Счастье, в общем, словно море,
как волною захлестнет!
Но не смоет смерть и горе...
Лишь на миг перевернет!

Парки, можно ль счастье взвесить?!
На весах скупых старух?!
Тонны соли перевесит
одуванчиковый пух...

МОРСКОЙ ГРАНИТ-1, ИЛИ ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ

Василий КУПРИЯНОВ

Заслуженный артист Российской Федерации.

«Над вымыслом слезами обольюсь…»
А.С.Пушкин

Лично для меня эта история зародилась в стенах Школы-студии им. В.И.Немировича-Данченко при МХАТ СССР. Именно там я впервые услышал красивую легенду о том, как камень с могилы Н.В.Гоголя стал надгробием для другого писателя – М.А.Булгакова.

В первой половине 70-х годов прошлого столетия мне посчастливилось учиться в легендарном театральном ВУЗе на излете той классической эпохи, когда там еще преподавали «мхатовские старики» (народные артисты СССР В.Я.Станицын, П.В.Массальский, С.С.Пилявская, А.Н.Грибов, А.К.Тарасова и другие), работавшие еще со Станиславским и знавшие лично автора знаменитого романа «Мастер и Маргарита». Они-то и делились со студентами не только секретами актерского мастерства, но и бесценными кладовыми своей памяти.

Так, об упомянутом выше сюжете нам поведал близкий друг семьи Булгаковых, наш педагог, доктор искусствоведения В.Я.Виленкин, автор известных книг об Ахматовой, Качалове и Модильяни. Однако введу читателя в курс дела.

После того, как великий русский писатель Н.В.Гоголь был погребен в Москве на погосте Свято-Данилова монастыря в 1852 году, над его могилой возложили отшлифованную плиту с изречениями из Библии и каменный валун, именуемый голгофой. Морской гранит был специально выбран и на подводах доставлен из Крыма Иваном Аксаковым, в семье которого Гоголя любили и почитали. Являясь сыном писателя С.Т.Аксакова, автора знаменитой «Семейной хроники» и «Аленького цветочка», Иван и сам был человеком незаурядным. Талантливый поэт, публицист, общественный деятель, издатель. Будучи горячим патриотом, он во вре-

Великие старики МХАТа

мя Крымской войны вступил в ополчение, а по окончании военных действий входил в Комиссию по расследованию злоупотреблений интендантских служб на полуострове. Его имя стало синонимом честности, а меткие высказывания не потеряли актуальности и сегодня: «Если поднимается свист и гам по поводу властолюбия и завоевательной похоти России, знайте, что какая-либо западноевропейская держава готовит бессовестнейший захват чьей-либо чужой земли»; «Попробуйте вразумить Западную Европу насчет России... не вразумите. У нее нет даже органа для понимания России». *

Но вернемся к заявленному сюжету. В 1931 году (при «упразднении» монастырского некрополя) прах Гоголя вместе с плитой перенесли на Новодевичье кладбище.

После установки в 1951– предъюбилейном – году нового надгробия с бюстом писателя (автор – скульптор Н.В.Томский), «крымская голгофа» оказалась не у дел. Вот якобы ее, в яме среди отходов гранильной мастерской, и увидела вдова писателя Елена Сергеевна, которая долго не могла определиться с памятником. Ей хотелось чего-то «достойного и долговечного». Выкупив и возложив камень-голгофу в изголовье мужа, она тем самым как бы исполнила волю покойного. Ведь не случайно, считая себя приемником Гоголя, в тяжелый период жизни Михаил Булгаков написал: «Учитель, укрой меня своей чугунной шинелью».

Сейчас в Интернете можно найти массу ссылок на эту тему. Встречаются и разночтения. Увы, «подлинность» камня документально ничем не подтверждена. Да и на фото 1902 года камень-голгофа с крестом выглядит иначе, нежели булгаковский монолит. Возможно, предприимчивые работники кладбища «подсунули» доверчивой вдове камень с другой «биографией». В общем, вопросов больше, чем ответов. Но, согласитесь, история преемственности памятника вышла занимательная и, к тому же, в духе покойного, который, по словам друзей, обожал розыгрыши и мистификации. Не будем осуждать страдающую женщину, стремящуюся после смерти любимого мужа использовать любой повод, чтобы уберечь память о нем от забвения. К тому же прослеживается еще один факт, говорящий в пользу уместности каменного скитальца из Крыма на данной могиле. Ведь именно на территории полуострова развернулись основные действия одной из лучших пьес Булгакова – «Бег», содержание, которой переносит нас во времена, когда этот клочок земли служил последним оплотом Белого движения на южной окраине бывшей Российской империи. Да и в судьбе нашей кочующей глыбы ощущается что-то общее с неприкаянностью героев пьесы. Будем надеяться, что на сей раз ни надгробные камни и ни прах, покоящихся под ними, уже никто не потревожит.

МОРСКОЙ ГРАНИТ-2, ИЛИ ДОСТОЙНЫЙ ПАМЯТНИК ВЕЛИКОМУ АКТЕРУ

Василий КУПРИЯНОВ

Заслуженный артист Российской Федерации.

В продолжение темы о нерукотворных мемориалах хочется упомянуть еще об одном посланце с «полуострова сокровищ», который навсегда прописался на московском некрополе. На сей раз речь пойдет о внушительном обломке вулканической породы, что взметнулся над прахом великого русского актера М.С.Щепкина, жизненный путь которого завершился в ялтинской гостинице в августе 1863 г. Приехав в Крым на лечение, Щепкин кроме этого тешил себя надеждой на встречу с императрицей, отдыхавшей в Ливадии. Хотел обсудить с августейшей покровительницей финансирование актерской школы в Москве и тяжелое материальное положение начинающих актеров. По словам его ученицы А.Шуберт, «... все осталось в мечтах, до Ливадии его не допустили». Прибыв в Керчь из Таганрога и поддавшись на уговоры, Щепкин дал там два спектакля, «Ревизор» и «Москаль-чарівник». От третьего – из-за плохого самочувствия – пришлось отказаться. Так же, как и от приглашения Айвазовского посетить его в Феодосии. Незадолго до смерти актер был зван в Алупкинский дворец Воронцовых с

чтением отрывков из «Мертвых душ» Гоголя.

Там ему стало плохо, и хозяева поторопились отправить больного в гостиницу. Перед своей кончиной, по рассказам верного слуги Александра Алмазова, Щепкин поминал автора «Ревизора», в коем блистал в роле Городничего.

Отпевали актера в Ялтинском соборе. «Были придворные певчие и музыка, церемония была весьма приличная». Сам генерал-губернатор Тавриды Г.В.Жуковский присутствовал на панихиде. Следуя завещанию, похоронили М.С.Щепкина рядом с его другом, профессором Московского университета, Т.Н.Грановским на Пятницком кладбище Москвы.

Возвращаясь к надгробию, хочется сказать, что этот сгусток застывшей лавы как нельзя лучше символизирует вулкан страстей, кипевший в актерских работах Щепкина на сцене Малого театра. Обращает на себя внимание лаконичная надпись на мемориальной табличке: «АРТИСТУ И ЧЕЛОВЕКУ». Согласитесь, что не про каждого из нас благодарные потомки скажут: «Да, это был Человек!» Есть свидетельство, что Гоголь так же побывал в Крыму – один-единственный раз в 1835 году. Литераторы отмечали, что после пребывания в Сакской грязелечебнице писатель ощутил необычайный подъем работоспособности и прилив вдохновения. В 1952 году в курортном парке установлен скромный гипсовый бюст классика.

Нам же остается восхищаться талантом и духовностью наших героев и хранить память о них.

С ВЕКОМ НАРАВНЕ: ИСТОРИЯ ОДНОГО СЕМЕЙНОГО РОДА

Рашид ХАКИМОВ

Кандидат исторических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета

У этого очерка особая судьба. Он появился как результат многолетнего поиска материалов о своих родственниках, проделанного Людмилой Игоревной Баженовой (Глазковой). Она в детском возрасте пережила трагедию выселения семьи своей бабушки и дедушки, а затем и родителей из Кыштыма в 1948 году в связи со строительством секретного атомного объекта. И эта трагедия затронула ей душу, она не давала ей покоя все годы. И когда, уже став взрослой, Людмила Игоревна узнала все подробности, когда затем она узнала о других трагических событиях, которые произошли с представителями рода Авдониных, она решила найти документальное подтверждение услышанному. И в течение многих лет она неустанно искала документы о своих предках, о представителях большого рода Авдониных. Написала десятки писем в государственные архивы, в управление ФСБ, депутатам. Часто в ответ Л.И.Баженова получали формальные, бездушные отписки: «документы об отселении граждан с режимных территорий ...отсутствуют», «сведениями не располагаем». Но Людмила Игоревна не успокаивалась, не опускала руки, снова и снова писала обращения и письма во все адреса. И Людмиле Игоревне Баженовой все-таки удалось собрать большой архивный материал. Я как историк собрал, обобщил, дополнил этот материал. И результатом работы стал этот очерк. История рода Авдониных-Глазковых напоминает нам о трагических страницах нашей истории и призывает никогда не допускать, чтобы в обществе царило беззаконие, подавление прав и свобод личности, что происходило в мрачные времена тоталитарного государства.

История России является не только великой, но трагической, наполненной не только большими достижениями и яркими свершениями, но и жестокими войнами, социальными переворотами, глубокими потрясениями. И все события большой российской истории прошли через каждую семью, оставив и радость счастливых, беззаботных дней, и неизгладимую горечь бед, переживаний и болезненных утрат. Это можно увидеть и на примере большого рода Авдониных-Глазковых.

Интересно выяснить происхождение фамилии Авдониных. Существует несколько версий. По одной из них, основой фамилии Авдонин послужило церковное имя Авдий. Авдоня – одна из форм имени церковного имени Авдий, которое в переводе с еврейского означает «слуга Божий». Это имя носил один из 12 малых пророков, который жил, вероятно, во времена древнего царя Навуходоносора, возвещал гибель идумеян и скорбел о гибели

Иудеи.

Древние славяне верили, что если дать ребенку имя святого или великомученика, то жизнь его будет светлой, хорошей или трудной, потому что существует незримая связь между именем и судьбой человека.

Скорее всего, основатель рода Авдониных был человеком из простого сословия. Дело в том, что фамилии, образованные от полной формы имени, имела, в основном, социальная верхушка, знать, или семьи, пользовавшиеся в данной местности большим авторитетом, представителей которых соседи уважительно звали полным именем, в отличие от других сословий, звавшихся, как правило, уменьшительными, производными, обиходными именами. Авдоня, со временем получил фамилию Авдонин.

Большинство российских семей имеют глубокие крестьянские корни. Вот и большой род Авдониных происходит из крестьян центральной России.

Основатель большого рода Авдониных Павел Платонович Авдонин происходил из крестьян Тамбовской губернии Елатомского уезда Нестеровской волости села Больших Моник. Год его рождения, примерно 1851 или 1853. 22 января 1874 года Павел был призван на военную службу и зачислен рядовым в Кавказский линейный батальон. Затем 1 января 1875 года был зачислен в 150-й пехотный Таманский полк. Из послужного списка рядового 150-го пехотного Таманского полка: «...Вероисповедания православного. Грамоте умеет. Мастерства не знает... В отпусках, походах, сражениях, в штрафах не был. Женат на Епистинии Ивановой. Жена находится на родине»[1]. Служил в армии пять лет, участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. П.П.Авдонин 23 октября (4 ноября) 1877 года был участником ожесточенного сражения при горной гряде Деве-Бойну восточнее города Эрзерума между войсками русской императорской армии под началом генерала Василия Александровича Геймана и армией Османской империи под командованием Ахмеда Мухтара-паши, где русская армия нанесла сокрушительное поражение туркам.

После службы Павел Авдонин вернулся домой, так как на родине его ждала жена. Но через некоторое время Павел Авдонин переехал в Екатеринбург. Здесь служил вахмистром (унтер-офицером) Пермского отделения Екатеринбургского жандармского полицейского управления железных дорог. Жил на Кузнечной улице, дом 84. Дом был двухэтажный, оценивался в 2600 рублей. Кроме этого, имел еще один дом. Имел достаточно высокое положение в обществе. И будучи собственником недвижимости, П.П.Авдонин имел право участия в выборах гласных городской Думы и кандидатов к ним. Авдонина вскоре постигло горе. 14 октября 1905 года умерла жена Авдонина Епистимия в возрасте 50 лет от порока сердца. 8 января 1906 года П.П.Авдонин вступил в повторный брак, женившись на вдове мещанина Марии Александровне Сухомясовой, 45 лет.

Следует отметить, что с 13 апреля по 28 июня 1918 года на квартире в доме П.П.Авдонина проживал чех Машталирж, по некоторым данным, принимавший участие в охране ипатьевского дома, где содержался под арестом бывший император Николай II и его семья. 13 июня 1919 года П.П.Авдонин допрашивался в связи с этим следователями из группы судебного следователя по особо важным делам Н.А.Соколова[2]. Даже эта деталь говорит, насколько история малой семьи тесно связана и переплетена с событиями Большой истории.

У Павла Платоновича была большая семья. Дочь Павла Платоновича Мария, 1885 года рождения. 2 июня 1908 года она обвенчалась с Алейниковым Георгием Ефремовичем в Вознесенской церкви Екатеринбурга, в той же церкви, где служил псаломщиком жених. Интересно, что в этот же день, в этой церкви произошло бракосочетание и другой дочери Павла Платоновича – Александры. Две сестры венчались в один день и в одной церкви.

Муж Марии, Г.Е.Алейников, 1880 года рождения, в начале служил псаломщиком, в 1908 году был рукоположен в диаконы. И служил диаконом в Екатеринбургской и Ирбитской епархии Пермской губернии Екатеринбургского уезда, село Арамильское, в Троицкой церкви[3]. Революционная смута, начавшись в стране, привела к первой жертве в роду Авдониных. 7 декабря 1917 года диакон Георгий был убит при неизвестных обстоятельствах.

Другая дочь Екатерина Павловна Авдонина родилась в 1883 году, с 1904 года по 1948 год жила в Кыштыме, затем в Сатке и в Копейске Челябинской области, умерла в 1961 году.

Еще был сын, Авдонин Николай Павлович, 1895 года рождения. Александра

Павловна Авдонина родилась 13 апреля 1886 года. 2 июня 1908 года обвенчалась с

[1] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2764. Оп. РГ2. Д. 108. Л. 5,6.

[2] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1837. Оп. 2. Д. 6. Л. 117.

[3] Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1909 год/Сост. и изд. П.П.Серебрянский [и др.]. Екатеринбург. 1909. С. 20.

крестьянином Дмитрием Федоровичем Ивинским, 21 года. Жених был из Харьковской губернии, Волковского уезда, Волковской волости, общество Барановское.

Сын Иван Павлович Авдонин родился 1 октября 1887 года.

Была еще дочь у Авдонина, Параскева (Прасковья) Павловна, 1895 года рождения. О ней не сохранились сведения.

Трагично сложилась судьба сына Ивана Авдонина. Он окончил 4 класса Екатеринбургского городского училища, с 1905 года служил телеграфистом на станции Екатеринбург. В 1905 году был осужден на пять суток за невыход на работу. По-видимому, это было связано с проведением в России Всеобщей политической стачки. Молодой юноша, конечно, не мог тогда остаться в стороне от революционного возбуждения в обществе, и, видимо, также не вышел на работу, как и многие тысячи людей по всей России. 8 февраля 1916 года Иван вступил в брак с Богаченковой Варварой Ивановной. В советское время работал нарядчиком автогужтреста города Свердловска. В семье родились двое сыновей и дочь. Вместе с ним проживал брат Николай, 40 лет, со своей женой Валерией. Николай работал рабочим холодильного пункта.

Как известно, для органов НКВД отягчающим фактором всегда было наличие социально чуждого происхождения, факт службы в органах власти бывшей Российской империи. Так, в следственном деле И.П.Авдонина Управления НКВД постоянно упоминается «сын жандарма». «происходящий из жандармской семьи». И в обстановке развязанных властью репрессий эти люди первыми подвергались преследованиям. 7 июля 1935 года Иван Авдонин был арестован. На допросе 8 июля Иван Авдонин на вопрос следователя: «Вы занимались антисоветскими разговорами в процессе вашей работы в системе союзтрансе?» ответил следующее: «За время своей работы в союзтрансе, а потом в автогужтресте я никогда ни при ком антисоветскими разговорами не занимался. Я настроен к советской власти лояльно»[1]. Однако на допросе 16 июля Иван Авдонин дал уже признательные показания о том, что он проводил агитацию, направленную против мероприятий Советской власти: «с отменой карточек стало плохо с хлебом», «при старом царском правительстве жилось хорошо», «нужно всем сговориться и бросить работу», «во время подписки на займ говорил, что не хватает на пропитание»[2]. Изменение в показаниях И.П.Авдонина, по всей видимости, произошло после применения к нему физических методов, что широко практиковалось в работе органов НКВД в то время, и было официальное указание ЦК партии, лично И.Сталина применять физические методы к арестованным. 4 октября 1935 года спецколлегией Свердловского областного суда по статье 58-10 УК РСФСР был осужден на 6 лет лишения свободы[3].

21 ноября 1991 года И.П.Авдонин был реабилитирован на основании Указа Президента СССР от 13 августа 1990 года за отсутствием в его действиях состава преступления[4].

Другая трагедия семьи Авдониных была связана со строительством секретного атомного объекта на Южном Урале. В 1946 году в Челябинской области рядом с городами Кыштым и Касли началось строительство закрытого секретного города, где должен был разместиться атомный объект – химический комбинат, в будущем ПО «Маяк». По мере увеличения масштабов строительных работ вокруг закрытой территории постановлением Совета Министров СССР №2938-954 под грифом «сс», или «совершенно секретно» от 21 августа 1947 года, в Челябинской области была образована особорежимная зона. Суженный состав исполкома Челябинского областного Совета депутатов трудящихся своим решением № 7 также под грифом «сс» от 14 октября 1947 года утверждает представленный Управлением МВД по Челябинской области список населенных пунктов, входящих в особорежимную зону. Список включал 98 населенных пунктов Каслинского (13 населенных пунктов), Аргаяшского (48), Кузнецкого (34) районов, в том числе город Касли, райцентры Аргаяш, Кузнецкое, также входили три деревни Кунашакского района и город Кыштым. Население особорежимной зоны составило 95877 человек, в том числе в Кыштыме проживало – 42074, в Каслинском районе – 29020, в Аргаяшском – 13234, в Кузнецком – 8470, в Кунашакском – 3079[5].

Этим же решением было утверждено Положение о правах и обязанностях граждан, проживающих на территории особорежимной зоны. В Положении пункты о правах отсутствовали и фактически все 14 пунктов содержали только

[1] Государственный архив административных органов Свердловской области (далее ГААОСО). Ф. Р1. Оп. 2. Д. 69009. Л. 20.

[2] ГААОСО. Ф.Р 1. Оп. 2. Д. 69009. Л. 20, 20 об,21,

[3] ГААОСО. Ф. Р 1. Оп. 2. Д. 69009. Л. 115 об.

[4] ГААОСО. Ф. Р 1. Оп. 2. Д. 69009. Л. 135,136.

[5] Хакимов Р.Ш. Неизвестная депортация. Челябинск. Книга. 2006. С. 12.

обязанности и запреты, строго регламентировавшие жизнь проживавших в зоне граждан. Проживающие в режимной местности были обязаны иметь паспорта и прописку. Без паспорта и прописки проживать в режимной зоне категорически запрещалось. Также запрещалось пускать на ночлег и на временное проживание кого-либо без прописки. При выездах граждан из режимной зоны на временное или постоянное жительство граждане обязаны были выписаться из домовой книги в органах милиции, кроме случаев выезда на деловые совещания в районные, городские, областные организации и в командировки сроком не свыше 30 дней.

Граждане режимной местности были обязаны помогать милиции в поимке и доставке нарушителей установленного порядка, а также доносить о всяких нарушениях в органы внутренних дел. Взрослое население при передвижении из одного населенного пункта в другой должно было всегда иметь при себе паспорт и предъявлять его по первому требованию органов МВД, МГБ и представителя сельского Совета. Кроме этого, специальные дежурные, назначаемые из числа партийных и комсомольских активистов, проводили проверки документов у всех вновь появляющихся граждан и принимали необходимые меры по информированию органов или задержанию своими силами всех подозрительных. В режимной зоне гражданам, не проживавшим там, запрещалось охотиться, заниматься рыбной ловлей, собиранием грибов и ягод. За нарушение установленного порядка граждане несли административную и уголовную ответственность в зависимости от тяжести и последствий нарушения (предупреждение, штраф до 100 рублей, удаление из режимной зоны и предание суду)[1].

В особорежимной зоне запрещалось проживание граждан, ранее осужденных по 58-й статье УК РСФСР, за государственные преступления. И поэтому разлучались семьи, члены семьи вынуждены были годами жить раздельно. Так, например, Галей Галеевич Сафаров, 1910 года рождения, бывший секретарь Аргаяшского райисполкома, арестованный в декабре 1937 года и осужденный по статье 58 пункты 2,7,8,11, (2 – вооруженное восстание, захват власти в центре и на местах, для отторжения какой-либо части СССР, 7 – подрыв промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения, 8 – террор, 11– создание контрреволюционной, антисоветской организации), отсидев десять лет в колымских лагерях, затем пять лет отработав вольнонаемным на колымских золотых приисках, решил вернуться к своей семье в поселок Аргаяш. Он возвратился на родину 27 декабря 1952 года.

Из воспоминаний Г.Г.Сафарова: «Приехал к своей родной семье, к жене в поселок Аргаяш, где опять мне больному человеку не было покоя. Отобрали документы и предложили за 24 часа покинуть Аргаяш». И Сафаров, побыв ночь дома, был вынужден наутро покинуть жену с сыном и уехать в соседний район.

Из воспоминаний Х.Ш.Исламовой, жительницы Каслей: «В 1949 году к нам в гости приехал дядя из Татарии. Уже на другой день к нам пришли два милиционера и в тот же день дядю изгнали из Каслей, сказав, что если он не уедет, то его посадят, а моих родителей оштрафуют за прием неизвестного лица..., потом мы узнали, что донесла наша соседка З-на»[2].

Совет Министров СССР 8 февраля 1948 года принимает постановление за номером 233-97 «сс» о выселении из особорежимной зоны всех неблагонадежных и родственников граждан, понесших уголовное наказание. Под это определение подпадали все, кто когда-то был осужден за антисоветскую агитацию, за контрреволюционную деятельность, бывшие кулаки, лица, служившие в Белой армии. 5 октября 1947 года начальник Управления МГБ Челябинской области, генерал-майор Смородинский и начальник Управления МВД Челябинской области, генерал-майор Павлов направляют председателю Челябинского облисполкома И.В.Заикину служебную записку, в которой указывают, что по предварительным данным, из числа проживающих в особорежимной зоне подлежат выселению 2939 человек, в том числе по территориям: Кыштым – 626 человек, Каслинский район – 827, Аргаяшский – 638, Кузнецкий – 573, Кунашакский – 275. Из 2939 человек: главы семьи составляли 1161, члены семьи – 1778[3].

В процентном отношении подлежащие выселению граждане составляли 3,06 процента от всего населения особорежимной зоны[4]. И весной 1948 года началось выселение. Фактически высылали всех подозрительных, всех, кто был в родстве по терминологии того времени с «социально чуж-

[1] Объединенный государственный архив Челябинской области (далее ОГАЧО). Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 18. Лл. 181–184.

[2] Хакимов Р.Ш. Неизвестная депортация. Челябинск. Книга. 2006.С.14.

[3] ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 18. Лл. 194, 195.

[4] Подробно об истории выселения 1948 года написано в книге «Неизвестная депортация». Хакимов Р.Ш. Челябинск. Книга. 2006. 96 с.

дыми элементами»: бывшими дворянами, чиновниками, священниками, царскими офицерами. Так, из Кыштыма в город Сатку вместе с сотнями кыштымских семей была выслана и семья Глазковых в составе: Роман Егорович Глазков, 1883 года рождения, пенсионер, работал заведующим аптекой при больнице, его жена Екатерина Павловна Авдонина, 1883 года рождения[1]. Е.П.Авдонина с 26 октября 1904 года работала акушеркой Кыштымской городской больницы. 14 апреля 1915 года у нее родился сын Игорь. Отцом Игоря был доктор Китаев. Это был очень талантливый врач, однако о нем мало сведений. После того, как Авдонина соединила свою судьбу с Глазковым, Игорь был усыновлен Романом Егоровичем и принял его фамилию. Е.П.Авдонина отдавалась своей работе всей душой. Роженицы Кыштыма и прилегающих ближних районов мечтали попасть именно к Екатерине Павловне, ведь у нее были «золотые руки». Все детишки рождались здоровыми, красивыми и пухленькими. Е.П.Авдонина 44 года проработала в Кыштымской городской больнице акушеркой, пользовалась огромным уважением в городе, она была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». 3 декабря 1947 года приказом министра здравоохранения РСФСР в связи с 150-летием Кыштымской городской больницы акушерка Е.П.Авдонина была отмечена благодарностью.

Однако поступило указание из Москвы о проведении депортации из особорежимной зоны. Решением суженного состава Кыштымского горисполкома образуется городская комиссия во главе с председателем горисполкома Н.В.Дубровиным, куда вошли заместитель председателя горисполкома, начальник отдела МВД по городу Кыштыму, начальник милиции и один из депутатов горсовета. Комиссия сразу приступает к работе, утверждаются мероприятия по проведению выселения. Гражданам, кому предстояло выселение, направляются повестки такого содержания:

«Горисполком предлагает вам явиться _ марта 1948 года к _ часам в комнату № 8 и иметь при себе справку о средней зарплате за последние 3 месяца на себя и работающих членов семьи.

Зам. председателя исполкома Кыштымского городского Совета депутатов трудящихся Л.Трошков»

Прибыв в горисполком, люди получали известие о высылке без объяснения причин и подписывали подписку следующего содержания, которая после подписания сразу же отбиралась:

«Я, нижеподписавшийся ____ (Ф.И.О.) проживающий ____ (указать полный адрес) даю настоящую подписку ____РОМВД в том, что я обязуюсь в ____ дневный срок, т.е. до ____ 1948 года вместе со своей семьей, состоящей из ____ (перечислить поименно) выехать на новое местожительства в ____ район Челябинской области. Мне объявлено, что за нарушение данной подписки я подлежу принудительному отселению.

Подпись____

Подписку отобрал ____».[2]

И здесь же в горисполкоме у граждан изымались паспорта, домовые книги, фактически они становились бесправными и полностью переходили во власть органов. А документы с отметкой о прописке они уже получали на новом месте жительства. Было дано указание работникам отделов кадров предприятий об ускоренном оформлении увольнения работающих граждан со следующей формулировкой: «...уволить в связи с переменой места жительства».

И в числе других Е.П.Авдонина без объяснения причин была срочно уволена с работы. 11 марта 1948 года в ее трудовой книжке появилась запись: «уволена по собственному желанию», хотя, конечно, никакого желания ее не спрашивали, это было вынужденное увольнение. После выезда родителей в дом по улице Папанина, 11, въехал сын Игорь со своей семьей.

В ночь с 22 на 23 марта 1948 года семья была отправлена в город Сатку Челябинской области.

Почти три тысячи людей были насильственно перевезены на новое место жительства. Какие же условия были приготовлены для выселенных?

Решением облисполкома от 20 февраля 1948 года для отселяемых были установлены некоторые льготы: снимались числящиеся за ними недоимки по обязательным поставкам государству сельхозпродуктов, налогам и страховым платежам; хозяйства переселенцев освобождались от уплаты сельскохозяйственного и подоходного налогов, страховых платежей, а также обязательных поставок государству сельхозпродуктов сроком на два года; переселенцы освобождались от корневой платы за древесину, заготавливаемую ими для нужд жилищного и хозяйственного строительства сроком на три года со времени выселения. Сельхозбанк и Комбанк обязывались выдавать

[1] ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 22. Л. 157.

[2] Архивный отдел администрации Кыштымского городского округа. Ф. 3. Оп. 1. Д. 20А. Лл.73,76.

по представлению Переселенческого отдела облисполкома и горрайисполкомов отселяемым лицам на каждую семью для жилищного строительства долгосрочные ссуды в размере до 10 тысяч рублей со сроком погашения в течение пяти лет, для хозяйственного обзаведения и приобретения скота – в размере до 10 тысяч рублей со сроком погашения в течении пяти лет. Предписывалось обеспечить отселяемых в необходимом количестве круглым лесом за счет самозаготовок, а также выделения лесосек, а отселяемых колхозников наделять приусадебными участками в местах вселения.[1]

Однако даже если бы все эти мероприятия были полностью выполнены, это не могло возместить морального потрясения и материального ущерба, понесенного вынужденными переселенцами. Прежде всего, следует отметить, что выселяемые граждане были морально подавлены, они не могли понять, в чем заключается их вина перед властью, многие считали свое изгнание чьей-то ошибкой, которая должна быть исправлена. Не случайно, что моральная подавленность самим фактом высылки проявилась в значительном количестве смертности на новом месте среди высланных, особенно среди лиц преклонного возраста. Вспоминает О.И.Трифонова, 1920 года рождения (Кыштым): «В первый же год много умерло стариков, они не выдержали высылку». Дмитрий Михайлович Хорошенин, 1895 года рождения, житель Каслей, вывезенный из города в состоянии инфаркта, случившегося с ним в день отъезда – 20 марта, в результате стал инвалидом первой группы и умер в 1951 году в Юрюзани.

К сожалению, многое из того, что было предписано в решениях, не было выполнено в действительности. И, прежде всего, очень трудно решалась жилищная проблема. Жилья в области после войны катастрофически не хватало, уплотнение жилой площади было максимальным, очень высокой была степень изношенности жилого фонда. По данным даже на более поздний, 1950 год, на одного жителя Челябинской области приходилось в среднем 4,3 квадратных метра, а в сельской местности, где положение было еще хуже, чуть больше одного квадратного метра.[2] Принявшие выселенных граждан города и районы сами страдали от перенаселенности в домах и квартирах.

«Одними из первых из Кыштыма отселили семьи Голуновых, Гузыниных, Казанцевых, Калачевых, Колесниковых, Щукиных. Все они по прибытии в пункт назначения получили полуразрушенное жилье в бараках и домах, в которых невозможно было прожить в студеную уральскую зиму»,[3] – пишет Ю.М.Кузнецов.

Магрифа Сирбаева (Шаяхметова), 1934 года рождения, вспоминает: «Нам дали пустые дома, сараев не было. Сафар-бабай построил сарай для скота из затвердевшего снега, как дерн, выкапывал плотный снег и клал стены...»[4].

Вспоминает А.А.Тарасова (Риккер), тогда ей было десять лет: «Дед и бабушка тяжело все это переносили. Мама была на девятом месяце беременная братом Юрой. Поместили семьи в телячьи холодные вагоны. Отец где-то раздобыл печку-буржуйку, и вот мы ехали целую неделю. Загоняли состав в тупик и там держали несколько дней, хотя из Кыштыма до Сатки не так уж и далеко. Приехали под вечер, никто там нас не ждал. Добирались, не помню, как и на чем. Каким-то чудом не забрали корову, это было для нас самое важное. Поместили меня в какую-то семью, деда с бабушкой в другую, а отец с мамой начали отстраивать дом. Это была целая улица в Сатке, Ершова она называлась. Стояли просто одни коробки-срубы. Сделали первым делом печь, начали утеплять, а через месяц мама родила сына. Прошел год, бабушка от переживаний умерла...»[5]

Прибывших на новое место жительства на первое время расселяли в бараки, в частные дома на временное проживание. Затем стали выдавать ссуды на хозяйственное обзаведение. Р.Е.Глазкова и Е.П.Авдонину в Сатке поселили в полуразрушенном бараке. Работы по специальности не было, и 1 апреля Р.Е.Глазков был принят старшим пожарным работником на Саткинский кирпичный завод, через год был переведен кладовщиком. При этом выселенным категорически запрещалось появляться в Кыштыме. А у Романа Глазкова и Екатерины Авдониной там остался сын Игорь со своей семьей.

Однако через два года последовало распоряжение горисполкома о срочном выезде теперь уже сына Глазкова – Игоря с семьей.

И.Р.Глазков с 16 февраля 1946 года работал начальником Кыштымского радиоузла. Как вспоминает его дочь, Л.И.Баженова: «Мой отец был участником Великой Отечественной войны, мама тружене-

[1] ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 20. Д. 20 Лл. 2,3.

[2] Челябинской области – 70 лет. Юбилейный статистический сборник. Челябинск. 2004. С. 133.

[3] Юрий Кузнецов. Немного о жизни. Магнитогорск. 1997. С. 20.

[4] Хакимов Р.Ш. Неизвестная депортация. Челябинск. Книга. 2006. С. 39.

[5] Хакимов Р.Ш. Неизвестная депортация. Челябинск. Книга. 2006. С. 39,40.

ница тыла, была телеграфисткой-радисткой… Отца Глазкова Игоря Романовича вызвали в марте 1950 года в органы и без объяснения причин приказали немедленно уехать или выложить партбилет на стол. Времени на сборы не было. И 15 марта 1950 года он назначается исполняющим обязанности старшего инженера радиоузла Копейской районной конторы. Мама, Мещерякова Мария Константиновна, 15 апреля 1950 года, была переведена в распоряжение Копейской конторы связи. В Кыштыме мама работала телеграфисткой-бодисткой. Дом в Кыштыме был поспешно продан, и, естественно, по заниженной стоимости. Так и переехали в Копейск, мне было три года, брату Глазкову Александру Игоревичу – 1 год».

В это время И.Р.Глазков был членом партии, воевал на фронте. Однако даже принадлежность к правящей Коммунистической партии или к ее молодежной политической организации – комсомолу, участие в войне не могли быть знаком доверия и служить охранной грамотой для репрессивных органов, чтобы оставить данных граждан проживать в режимной зоне. В Копейске семья Глазковых с двумя детьми жила первое время в одной комнате на втором этаже радиоузла.

31 мая 1950 года Р.Е.Глазков уволился с работы в Сатке в связи с переездом в Копейск, ближе к своему сыну. Абсолютно незаконная репрессия – выселение из Кыштыма – ускорила смерть Романа Егоровича. 4 апреля 1957 года Р.Е.Глазков умер в Копейске.

До начала эры телевидения местное радиовещание имело очень большое значение: сетью радиоточек были охвачены практически все дома и квартиры в населенных пунктах. И поэтому кадрам местного радиоузла придавалось тогда очень большое значение. В 1959 году Игорь Романович Глазков возглавил Копейский радиоузел. При его непосредственном участии состоялся уход от ручного управления радиовещанием. «Игорь Глазков – профессионал с большой буквы, эрудированный человек. К нему всегда можно было обратиться за советом», – вспоминала бывшая сотрудница Копейского радиоузла Анна Матаева.

Свободное от работы время Игорь Глазков предпочитал проводить на кухне за приготовлением пищи. Особенно ему удавались блины и торты. Но хозяйкой на кухне все-таки была его супруга Мария.

«Мама славилась как рукодельница и первоклассная повариха, свободное время она предпочитала проводить в лесу за сбором ягод и грибов. Несмотря на занятость, родители занимались нашим образованием. У нас была огромная библиотека. Папа с мамой нам с братом с юных лет привили любовь к чтению. В доме Глазковых постоянно собирались друзья семьи, знакомые и коллеги родителей. Обязательным гвоздем вечерних посиделок были музыкальные номера. Папа со своим другом Петром Бочкаревым исполнял оперные арии и оперетты», – вспоминает дочь Л.И.Баженова.

Не менее трагическая судьба выпала еще на одну семью родственников Глазковых-Авдониных. Мария Григорьевна Куглер и Мария Константиновна Глазкова (Мещерякова) были двоюродными сестрами, их отцы были родными братьями. Александр Куглер родился 18 августа 1889 года в местечке Шлапанец Моравской области Австро-Венгерской империи. С началом Первой мировой войны был призван в армию, попал в русский плен в 1916 году и после этого остался в России. До 1918 года находился в лагере для военнопленных в Забайкалье, затем в Тоцком лагере около города Бузулук Оренбургской губернии. В 1918 году из Тоцкого лагеря чехами был увезен в Кыштым, где пленным предлагали вступить в Чехословацкий корпус. Однако пленные, будучи в основном немцами, мадьярами, отказались вступать в корпус, и Александр Куглер остался в Кыштыме. Здесь он познакомился с Марией Мещеряковой, 1902 года рождения. 5 мая 1922 года Кыштымским ЗАГС был зарегистрирован брак Мещеряковой Марии Григорьевны и Александра Рудольфовича Куглера. А.Р.Куглер работал лесничим, Мария Григорьевна работала учительницей. В 1922 году Куглер, наняв рабочих, за лето построил в районе Шуранка, за городской больницей, большой двухэтажный дом с остроконечным шпилем, в Кыштыме этот дом называют «австрийский дом» за необычную архитектуру, и дом до сих пор стоит, поражая своей красотой. А.Р.Куглер жил в Кыштыме по 1924 год, затем с 1924 по 1926 год жил в Свердловске, а с 1926 по 1929 год по роду своей работы летом жил в Кыштыме, занимаясь лесоустройством, а зимой уезжал в город, сначала жил в Перми, а затем с 1929 года постоянно проживал в Свердловске.

А.Р.Куглер в 1932 году окончил Уральский лесотехнический институт и стал работать технорукомлесотопливной конторы треста «Свердлес». Проживал по адресу: г. Свердловск, улица Народной Воли, дом, 87, кв.1. У него было пятеро

детей: четыре дочери – Женя, 12 лет, Лина, 10 лет, Маргарита, 5 лет, Тамара, 2 года и сын Лев, 9 лет.

В стране начались политические репрессии, время, которое будет потом названо «Большой террор». И в этот чудовищный Молох попал и А.Р.Куглер. 28 марта 1938 года А.Р.Куглер был арестован по обвинению к причастности к иностранной разведке. Вместе с ним был арестован Лев Андреевич Гереленгер, 1885 года рождения, по национальности – немец, место работы – дворник. В справке на арест было записано «...являются агентами германской разведки, по заданиям которой ведут шпионскую деятельность на территории СССР». Даже этот штрих, что дворник может быть шпионом, говорит о методах фальсификации дел органами НКВД в то время. Главным основанием для привлечения внимания органов НКВД являлось то, что и Куглер и Гереленгер были по национальности немцами, что автоматически по условиям того времени вызывало подозрение. У Александра Куглера в Моравии проживали три брата, это также было основанием для преследования («связь с заграницей»).

31 марта на допросе А.Р.Куглер признался: «Да я признаю себя виновным в том, что по день моего ареста я являлся участником диверсионной шпионской организации, созданной по заданиям германской разведки на Урале». Далее А.Р.Куглер сделал признание, что был завербован в 1936 году агентом германской разведки Шнейдером, в 1936 году похитил планы лесных разработок и передал их Шнейдеру, совершил поджог Шарташского лесного склада, в 1937 году, находясь в командировке, организовал поджог лесного массива на лесоучастке «Малиновка», в том же году собрал данные о бронетанковых частях Свердловского гарнизона, в 1938 году вывел из строя трактора [1].

На допросе 29 ноября 1938 года А.Р.Куглер полностью опроверг свои ранее данные показания как ложные, заявил: «В контрреволюционной организации я никогда не состоял и никем не вербовался. Такие показания я подписал под убеждением следователя как нужные. Шнейдера я совершенно не знаю» [2].

30 ноября 1938 года следственное дело за №54882 по обвинению А.Р.Куглера по статье 58.п.6-11-9 УК РСФСР за недоказанностью было прекращен, и А.Р.Куглер был освобожден [3].

Такой исход дела, где фигурировало тяжкое обвинение – «шпионаж в пользу Германии», в то время всегда заканчивалось вынесением ВМН (высшая мера наказания), можно считать счастливым. Однако этому имеется объяснение: 24 ноября 1938 года был снят со своей должности народный комиссар внутренних дел СССР Н.И.Ежов, и последовало некоторое смягчение репрессий, дела стали проверять, и стали выпускать тех подследственных, где надуманность обвинения была явной. После освобождения А.Р.Куглер продолжал работать в лесном хозяйстве, проявил большие способности инженера, написал несколько научных технических работ. В 1940 году у него родился еще один сын Сергей. А.Р.Куглер умер в 1953 году. Его жена Мария Григорьевна продолжала работать учительницей в школе, последние годы жила в городе Сысерть Свердловской области. Все дети Куглера получили образование, стали специалистами: врач, начальник планового отдела, преподаватель медучилища, научный сотрудник НИИ. Сын Лев окончил Свердловский горный институт, всего 41 год работал на производстве: работал в начале горным инженером в тресте «Вахрушевуголь», а затем последние 24 года в тресте «Ураласбест». Пользовался огромным уважением как знающий и инициативный специалист.

Еще более трагичная история сложилась у семьи одной из дочерей Павла Платоновича Авдонина, Параскевы. Дочь Параскева вышла замуж за Василия Ильича Соколова. Василий Ильич происходил из известной семьи священников из Воронежской губернии. Его дед Андрей Степанович Соколов (180–1879) в 1829 году окончил Воронежскую духовную семинарию и в 1830 году был рукоположен священником в слободе Россошь Острогожского уезда. Отец Андрей в течение 49 лет честно нес духовную службу, отстроил колокольню, за добросовестную службу получил должность благочинного, был награжден скуфьей и орденом Святой Анны третьей степени. В 1865 году духовенство поднесло ему икону Покрова Божьей Матери и «почтительный адрес». В 1866 году священник Андрей свое место передал своему сыну Илье.

Отец Андрей после смерти был похоронен в церковной ограде Кресто-Воздвиженского храма.

Илья Андреевич 36 лет был священником Кресто-Воздвиженского храма в Россоши. В 1900 году он перешел в Тверскую епархию. В городе Осташкове был произведен в сан про-

[1] ГААОСО. Ф. Р1. Оп. 2. Д. 2050. Л. 8, 8об, 9, 9об.
[2] ГААОСО. Ф. Р1. Оп. 2. Д. 2050. Л. 12.12 об.
[3] ГААОСО. Ф. Р1. Оп. 2. Д. 2050. Л. 14.

тоиерея, служил настоятелем Троицкого собора, затем снова вернулся в Россошь. При отце Илье в Россоши был построен новый прекрасный в византийском стиле храм в заречной части слободы – церковь во имя пророка Божия Илии. Церковь была на две тысячи молящихся, строили ее всем миром с 1897 по 1916 год. Однако прослужила она и того меньше. Храм был взорван большевиками в 1929 году. Отец Илья учил детей в церковно-приходской школе, много занимался описанием истории Россоши, был первым россошанским краеведом. Сын Ильи Андреевича, Василий, родился в 1875 году в слободе Россошь Острогожского уезда Воронежской губернии. В 1898 году окончил гимназию и поступил в Санкт-Петербургский университете на юридический факультет, окончил полный курс университета в 1904 году, но государственный экзамен не держал по причине студенческих волнений. С 1904 по 1906 год Василий давал частные уроки и этим обеспечивал себя материально. В 1906 году по приглашению юрисконсульта КВЖД (Китайско-Восточной железной дороги) Раймана Василий Соколов выехал в Китай, в город Харбин и там работал помощником юрисконсульта до середины мая 1910 года. Затем выехал в Казань, где выдержал государственный экзамен и получил диплом юриста. В марте 1911 года в Петербурге поступил в канцелярию святейшего Синода и прослужил там до 22 ноября 1911 года. После этого святейший Синод направил В.И.Соколова секретарем Екатеринбургской духовной консистории и одновременно преподавателем математики и немецкого языка духовной семинарии. В мае 1915 года В.И.Соколов был переведен из Екатеринбургской духовной консистории в Казанскую духовную консисторию также секретарем, где работал до июня 1918 года. После этого работал на разных должностях в советских учреждениях. В 1926 году переехал в город Троицк, работал юрисконсультом на Троицком мыловаренном заводе. В.И.Соколов, как следует из материалов следственного дела, уже долгое время находился под наблюдением органов НКВД. Из следственного дела: «В Троицкое РО НКВД по Челябинской области поступили данные о том, что юрисконсульт маслодельного и мыловаренного заводов Соколов Василий Ильич систематически ведет контрреволюционную агитацию»[1].

В.И.Соколов с женой проживал в Троицке, улица Октябрьская, дом 56. Его дочь Нина, 1917 года рождения, в это время училась в Ленинградском педагогическом институте.

4 ноября 1937 года В.И.Соколов был арестован. Начались допросы один за другим. Так, на допросе 5 ноября на вопрос следователя: «Вы арестованы за проводимую контрреволюционную агитацию против советской власти среди населения. Признаете ли вы себя виновным в этом?

– Виновным себя не признаю.

– Вам зачитываются показания свидетелей Миролюбова и Глебова, в которых вы изобличаетесь как враждебная личность по отношению к советской власти. Предлагаю прекратить запирательство и начать говорить правду.

– Зачитанные мне показания свидетелей считаю наглой ложью»[2].

Все обвинение строилось на показаниях трех свидетелей. Но их показания были неконкретными и противоречивыми. Очных ставок Соколова с этими свидетелями не проводилось.

Так, свидетель К.С.Миролюбов заявил на допросе: «В момент революции бежал в Казань, захватив с собой из Екатеринбурга много золота. Когда красные части вступили в Казань, Соколов золото спрятал и из Казани бежал по разным районам... очень часто высказывал всякое недовольство советским правительством. В период коллективизации и ликвидации кулачества как класса Соколов не был согласен, говорил, что это безобразие, что делают над крестьянством... в период 1935 года высказывал несогласие судебной политикой, говоря, что применяемые к преступникам меры очень жестоки, обвинял в этом ЦК партии и ОГПУ-НКВД» [3]

На допросе свидетель Е.Я.Глебов показал: «Соколов не был согласен с политикой партии и советской власти в области индустриализации и перестройки сельского хозяйства на новый социалистический лад... Соколов иногда высмеивал доклады и выступления вождей партии, называя это болтовней»[4].

Поражает, что такие нелепые и лживые показания давали, на первый взгляд, вполне образованные и порядочные люди. Например, Е.Я.Глебов имел высшее образование, работал заведующим кафедрой ветеринарного института, а до этого был директором института, Соколова знал с 1913 года, когда Глебов был студентом Екатеринбургской духовной семинарии, а Соколов был пре-

[1] ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 0. Д. П-11845. Л. 17об.

2 ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 0. Д. П-11845 Л. 6.

[3] ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 0. Д. П-11845 Л. 8, 8об.

[4] ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 0. Д. П-11845. Л. 12.

подавателем. Кроме этого, Глебов сам был сыном псаломщика, в 1918–1919 годах служил у белых.

Нередко было и так, что в это время писали донос или оговаривали с целью достижения своих личных выгод: карьерного роста, получения квартиры и т.п. Это можно предположить в отношении К.С.Миролюбова. Он работал юрисконсультом трансторгпита, имел незаконченное высшее образование, был моложе, чем Соколов, и, можно предположить, что его уровень как юриста был ниже, чем у В.И.Соколова, имевшего университетский диплом и большой опыт работы. Советскому государству удалось создать в стране всеобщую обстановку подозрительности, страха и доносительства, и люди, желая сохранить себе жизнь, оговаривали других. Также следует отметить, что В.И.Соколов по всем статьям подходил на роль «врага народа»: сын священника, служил в духовной консистории, долгое время служил на КВЖД, в Китае, имеет родного брата, Андрея Ильича, бывшего царского офицера.

Постановлением Тройки Управления НКВД Челябинской области 20 ноября 1937 года В.И.Соколов был приговорен к расстрелу[1]. Тогда по указанию Москвы следствие и суд проводили в упрощенном порядке: не было ни адвоката, ни возможности для апелляции, и приговор приводился в исполнение немедленно. После вынесения приговора В.И.Соколов из Троицкой был препровожден в Челябинскую тюрьму. И уже через две недели, 4 декабря 1937 года в 22 часа В.И.Соколов был расстрелян[2]. Местом расстрела в Челябинске была Золотая гора, бывшие шурфы, оставшиеся после добычи золота, они располагались на окраине Челябинска. И можно с большой долей уверенности утверждать, что останки В.И.Соколова покоятся на этом месте вместе с тысячами расстрелянных в годы «Большого террора» в Челябинске ни в чем неповинных граждан.

Дочь В.И.Соколова Нина Васильевна Соколова, несмотря на все лишения, выпавшие на ее долю после ареста и смерти отца, сумела окончить институт, стала квалифицированным специалистом. После она еще получила медицинское образование, работала главным логопедом Омской области. Вышла замуж на Федора Карповича Новобранцева, известного ученого в области механизации процессов в животноводстве, ставшего затем кандидатом технических наук, заслуженным механизатором РСФСР, награжденного двумя медалями и шестью медалями ВДНХ.

26 сентября 1958 года Нина Васильевна Соколова обратилась с заявлением в Генеральную Прокуратуру СССР о проведении проверки дела отца и для последующей его реабилитации. Управлением КГБ по Челябинской области была проведена проверка. Свидетелей Глебова, Миролюбова и Федотова к этому времени не удалось разыскать. Были опрошены три свидетеля, люди, работавшие в 1930-е годы с Соколовым на мыловаренном заводе в Троицке, они дали показания, что никаких антисоветских высказываний со стороны В.И.Соколова не было. 18 апреля 1959 года президиум Челябинского областного суда отменил постановление Тройки УНКВД по Челябинской области в отношении Соколова Василия Ильича, и дело о нем дальнейшим производством прекратил за недостаточностью доказательств его вины[3]. Решение суда было направлено дочери Соколова – Нине Васильевне, проживавшей в то время в городе Омске.

Спустя годы восторжествовала справедливость, но человека уже нельзя было вернуть...

Вот такая содержательная, наполненная большими и малыми событиями жизнь представителей рода Авдониных-Глазковы. Здесь, конечно, описана только часть этой большой жизни. Потомкам надо продолжать собирать и затем сохранять свидетельства жизни своих предков. Уважение к своим предкам является общечеловеческой ценностью, так как взывает к самой сути человеческого существования на земле. Великий Александр Пушкин писал об этом: «Неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности... Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно, не уважать оной есть постыдное малодушие».

[1] ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 0. Д. П-11845. Л. 17об.

[2] ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 0. Д. П-11845. Л. 19.

[3] ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп.0. Д. П-11845. Л. 37.

ВЕЧНЫЕ ФАНТОМЫ ИЗ ПЛОТИ И КРОВИ

Андрей КАНАВЩИКОВ

Родился в 1968 году в г. Великие Луки Псковской области. Окончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета. Работает заместителем главного редактора газеты «Великолукская правда». Член Союза писателей России. Председатель литературно-художественной группы «Рубеж». Лауреат многих литературных премий. Награжден Золотой медалью «Василий Шукшин». Автор более сорока книг стихов, прозы и публицистики. Живёт в г. Великие Луки.

Татьяна Микунова. Точка – тире – две точки. – Москва: Образ, 2018. – 116 с.

Татьяна Микунова. Фантомное – Москва: Образ, 2020. – 112 с.

Настоящая литература всегда начинается только в том случае, если сказанное становится близким и для других людей, находит в них отклик и примагничивает попутные энергии. Поэтов хороших много, но тех, кого хотелось бы перечитывать, куда меньше. И происходит это, когда в авторе открываешь себя хотя бы какой-то частью.

Да, это неправильно с точки зрения высоких материй, да, это эгоистично. Можно произнести хоть сколько правильных формул, но что есть, то – есть. Так и я точно знаю и при желании даже могу вычислить до минут время, когда стихи Татьяны Микуновой вошли внутрь меня, чтобы там навсегда остаться.

Это было в больнице. Реанимация. Капельница. Роились разные мысли. И вдруг ночью врач, проходя мимо, нагнулась надо мной, так что пахнуло человеческим теплом, и из-под белого халата женщины над левой ключицей увиделась родинка.

Родинка потрясла. О ней хотелось думать. Под новым углом зрения предстала и простая ключица. Никогда не думал, что ключица способна так взволновать и заставить о многом задуматься.

Вдруг вспомнилось, что в мире есть и другие вещи, кроме капельницы и реанимации. Например, родинка над ключицей. Об этом тогда же сложились стихи, как зарисовка с натуры, вошедшие позже в мой сборник «Кипяток», выпущенный издательством «Образ»:

И врач, наклоняясь тепло так, по-детски,
Мерит давленье, паря где-то над,
Близко совсем так, что родинка светит,
Над сонной ключицей ныряя в халат.

А потом в руки попались стихи пока еще неизвестного автора. И там этот неизвестный автор неожиданно припечатала:

Летела жизнь, беспечна и легка,
но надо же такому приключиться –
мне стали часто сниться облака
и ямочка над левою ключицей.

Первая мысль: откуда она знает? Тут и ключица, причем именно левая. Тут и то самое настроение, когда всё, кажется, поворачивается против тебя, но даже мысль о «ключице» побеждает уныние и боль.

А еще потом в руки попалась целая книга Татьяны Микуновой. Книга очень цельная, от первой до последней строчки пронзительная – «Точка – тире – две точки». Формально отсылающая к азбуке Морзе и букве «л», когда параллельно идут и «Восточная песня» – «В каждой строчке только точки после буквы «л» – прославленная Ободзинским, и второй смысл от самой Микуновой:

И только стук какой-то странный слышишь
Внутри. А вечерами долго пишешь
Всё, что стучало, в старую тетрадь.

Здесь стук – и азбука Морзе, и стук сердца, и стук пишущей машинки, и стук дождя и, вообще, всё, что угодно. Стихи Татьяны Микуновой изначально очень умные и многослойные, с неизменным юмором и понимающей улыбкой. Стихи такие интеллигентные, что невольно смотришь на календарь: возможно ли такое сейчас, в пору клипов, смайликов, оборван-

ных слов и размытых контекстов!

Термин «умные стихи», несмотря на свою банальность и очевидность, представляется ключевым для понимания поэтической речи Татьяны Микуновой. Этот термин восходит к пушкинской традиции языка, когда текст включает одновременно оба полушария мозга, заставляя присоединяться и логическое начало, и эмоциональное.

Женщины, безусловно, очень гибки. Они могут притвориться даже умными. Но в случае Микуновой тот редкий случай, когда перед нами не притворство, а реальный ум, богатство оттенков, идущее от реального избытка впечатлений и мыслей. Мы видим истинную полноту речи, где присутствуют и четкая мысль, и ясный сюжет, и органичный образ. И культурологические аллюзии, и авторский взгляд. Так сейчас почти не пишут!

Страниц шуршанье слышится,
Страницы просят строк,
Но наш роман не пишется,
А был такой пролог!

Даже глагольная рифма у Микуновой не раздражает зрение и слух, потому что видишь: она не столько рифмует, сколько просто разговаривает с читателем. Рифма для нее – дело прикладное. И это неизменно убедительно. И не устану повторять – умно!

Я зеркало. Я отражаю всё:
Твой взгляд, твое плохое настроенье,
И даже ежедневное твое
Вранье во мне находит отраженье.
Я зеркало. Холодное стекло.
Ты можешь помолчать и покривляться.
Тебе в каком-то смысле повезло –
Передо мной не нужно притворяться.
Смелей! Про всё, что хочешь, расскажи.
Но, чтоб тоска меня не расколола,
Ты на меня тихонько подыши
И напиши единственное слово...

Особенно поражает то, что стихи у Татьяны о любви. Не одно, два, а абсолютно все! В такой сложнейшей, сверхисписанной и переписанной теме она находит массу оригинальных поворотов. Где – через интеллектуальный парадокс:

Не могу без тебя. А с тобой...
А с тобой не могу вдвойне.

Где – через юмор:

Полынь там сластит как клевер.
Букет из неё нарву.
Я еду к нему на север...
В метро, через всю Москву.

Где – через игру слов и смыслов:

Но я так в тебя заплыла,
Что не встать ногами на дно...

Где – через отсылки к другим авторам и художественным ситуациям. И не важно, что на хрестоматийном гвозде висит не плащ, а картина:

Потому, наверное, еще жива,
Что в стене есть гвоздь.
А на нем – картинка.

У Татьяны Микуновой решительно нет прописных банальностей. У нее всё не просто так. И даже если она рифмует ходячий анекдот, и тот под ее пером вдруг превращается в тонкую и умную индивидуальную зарисовку:

Любовь (как эта истина стара!)
Приходит и уходит поневоле.
Ну ладно, хорошо, я – из ребра,
Но только вот вопрос: из твоего ли?
Ни страсть уже не мучает, ни злость,
Ни встреч, почти забытых, отголоски.
Ребро, поверь, особенная кость –
Изогнута изящна... и без мозга.

Тексты Микуновой тотальны. Это именно стихия смыслов, которая наступает на тебя, и вот уже нет ни тебя, ни пространства, есть только этот мир вокруг. Где одно подчинено другому, где всё вроде бы шуточно, но очень серьезно, с пафосом.

Ходят часики тихо, мерно,
Они ходят, а я стою.
Я тебя разлюблю, наверно...
Раз люблю, два люблю,
Три люблю...

Пару технических сбоев, да, замечаешь сразу, но их принципиально не замечаешь. Они не важны. Татьяна формирует свое личное пространство, и с ней не хочется спорить, признавая ее право говорить именно так, как она хочет и может.

Парадокс, но такой симбиоз серьезности на грани юмора уже был в русской поэзии. Это – Николай Глазков (1919–1979), главный скоморох советской поэзии. У него юмор превращался в защитную реакцию организма на всё, что он не принимал и с чем спорил.

Вот как юморил Глазков по поводу свой любви:

...Навсегда зачеркнула моих
Всех предыдущих, когда-то любимых.
Так им и надо.

Или это, классическое, одно из трогательнейших и беззащитных стихотворений о любви в русской поэзии:

Я веду с тобою разумную речь,
И за это меня прости,
Ибо я даже дом твой готов поджечь,
Чтоб тебя от огня спасти.
У меня вообще необычный путь,
Все такие пути святы;
Я тебя даже в воду готов толкнуть,
Чтоб вытащить из воды.

Глазков шутит, но чем больше он шутит, тем серьезнее звучит его речь, именно потому, что истинное – всегда может быть лишь серьезным. И юмор здесь – лишь фигура речи, не более. А творчество Микуновой, в свою очередь, это такое же подтверждение того факта, что даже юмор может быть серьезным, если он – искренен.

Ее книга «Фантомное» окончательно избавила от всяких сомнений: перед нами сложившийся лирический поэт в самой сложной сфере творчества – стихов о любви. Ни даже намека на усталость чувств. Та же высочайшая планка и тот же звук на пределе.

Скажи, ты помнишь, как всё это было?
Как я смотрела, что я говорила?
Как целовала? Как скучала где-то?
Во что я в первый раз была одета?
Скажи, ты помнишь старый подоконник
И на твоих плечах мои ладони?
Тот летний дождь, кораблик у причала?
Как я смеялась и о чем молчала?
Мои стихи? Мои ночные письма?..
Сентябрьские заплаканные листья?..
Скажи, ты помнишь, как всё это было?
Ты правда помнишь?
А вот я забыла.

Всё так же Татьяну Микунову хочется цитировать. И она всё так же нова. Так же находит новые нюансы и повороты, новые мысли и слова. Именно потому что для нее это слишком всерьез, слишком настоящее. Она срезы своей жизни читателю показывает, а не просто чего-то там «пописывает» на манер «хобби».

И это сразу видишь, сразу понимаешь, сразу включаешься в этот диалог с автором. Диалог тем более редкий и желанный, что время постмодерна предельно иссушило эмоции, загадило их иронией и цитатами. Вглядываешься в лицо человека и, кажется, вот его видишь, а приглядишься внимательнее: целлулоидная маска.

Татьяна Микунова истинный поэт хотя бы том смысле, что все ее даже маски – лишь имитации. Она сверхискренна, сверхсерьезна, а если и шутит, то в стиле принципиального самиздатчика Николая Глазкова, этой фигуры сколько шутливой, столько и трагической.

Счастливые стихов не сочиняют.
Им на стихи, счастливым, наплевать.
Порой лениво книжечку листают,
Ложась счастливым вечером в кровать.
У них и мебель только по феншую,
И дача непременно у реки.
Зачем тебе, счастливому, пишу я
Опять свои несчастные стихи?

В ее стихах представлены самые разные ситуации. Там разные сюжеты, разные интриги, разные характеры. Но автору всегда веришь. Именно потому, что для нее самой это важно. Человек не «самовыражается», а говорит то, что не может не сказать.

Этот накал, градус повествования чувствуется в каждом четверостишии. Отсюда и глубина ее стихов, их умность, их смысловая насыщенность – потому что они до последней точки выношены внутри, прочувствованы. В них нет случайных слов и оттенков, они, словно написаны на одном дыхании – отсюда нарочитые технические шероховатости, глагольные рифмы и прочие внешние «небрежности».

Автор иногда словно бравирует этим пафосом черновика. Да, говорит она, я пишу сердцем, да, вместо чернил здесь кровь. И это – не поза, не грамотно выстроенная мизансцена, это именно внутренний выбор автора, ее жизнь на высокой ноте.

Ты сказал мне: «Семья и дом –
Счастья женского суть проста».
Да, наверно, без ссор, вдвоем,
Вместе за руки – лет до ста!
Но бывает и так, прости
И не спрашивай почему,
Наплевав на условности,
Босиком под дождем – к нему!
Чтоб всю ночь полыхать огнем,
Встретить вместе один рассвет.
И потом вспоминать о нем
Все оставшиеся сто лет...

Причем, что важно – Татьяна Микунова не повторяется в своих любвеописаниях. Только-только мы привыкаем к ней как к одному психотипу, как она показывает совсем другого персонажа. Значит, не с натуры пишет, не с себя самой, что еще более доказывает ее мастерство и виртуозное чувство стиля.

Ее лирическая героиня то ждуще-покорная, то страстно срывающая стоп-краны, то куда-то бегущая в неизвестность, то уютно-тихая... И при этом – ни одной маски! Только живые лица, только всё живое и настоящее, которому веришь, узнавая свое и не узнавая, но всё равно:

В самом деле зачем
Мне с утра на твоем
Просыпаться плече?..
Ты, конечно же, прав.
Прав всегда и во всем.
Я проснулась вчера
На плече. Не твоем.

Ощущения и чувства показываются Микуновой виртуозно, с неподражаемым разнообразием и богатым инструментарием. Здесь и чисто интеллигентские рассуждения, и вполне себе практические образы вроде «деревенского пирога с вишней». И даже то, что автор называет «фантомом», вполне себе реалистично и объемно. Оно – живое, реальное, из плоти и крови, а значит, уже не фантом!

Счастье удочкой не поймать,
Вон оно – по воде кругами...
Я тебе не жена, не мать,
Говорят, я тебе – другая.
Говорят, я тебе – никто.
Стань и ты мне никем. Так лучше.
Неопознанный мной фантом,
Мой случайный, но не попутчик.

Я не знаю, во что в итоге вырастет талант Татьяны Микуновой. Разовьет ли она в себя это эмоционально-умное чувствование до немыслимых пределов, выше Сергея Есенина или Василия Фёдорова, или просто уйдет в молчание, как в тень, испугавшись собственной откровенности или устав от нее.

В любом случае, перед нами уже состоявшийся автор любовной лирики. Ее уникальность и оригинальность очевидны, и их невозможно ни обойти, ни замолчать. Хотите прочитать современного автора про любовь – читайте Татьяну Микунову.

Вспоминаю, как мы с одним пареньком колобродили ночным вечером в Пушкинских Горах в поисках добавки. Ларьки были уже закрыты, а душа просилась в полет, ну, и всё такое.

Ситуацию спас народный поэт Дагестана Магомед Ахмедов. Он спросил:

– Поэт? А про любовь пишешь? Все поэты должны писать про любовь.

– А Твардовский считал, что стихи о любви писать не надо.

– Ты сейчас здесь видишь Твардовского?

Я прочитал. Ахмедов одобрительно кивнул и разрешил продать нам спасительную емкость. Вернее, как разрешил. В буфете его, аксакала, не могли ослушаться и продали нам то, что никогда не продали бы при иных обстоятельствах.

Ахмедов сказал тогда еще:

– Вся настоящая поэзия только о любви.

Тогда я еще не знал о стихах Микуновой. Знал бы, наверняка читал бы их как современный знак качества. Не потому, что свое считаю хуже, но потому, что нельзя не видеть и не ценить образцовые тексты, написанные по всем возможным канонам и ожиданиям.

ИЗБРАННОЕ

Татьяна МИКУНОВА

Родилась в городе Дзержинске Нижегородской области. Окончила Оренбургскую государственную медицинскую академию. Работает в одной из московских клиник. Лауреат международной поэтической премии «Образ» разных лет. Автор книг «Точка-тире-две точки» и «Фантомное». Живет в Подмосковье.

И ЯМОЧКА...

Летела жизнь, беспечна и легка,
Но надо же такому приключиться —
Мне стали часто сниться облака
И ямочка над левою ключицей.

Я в кофе добавляла коньяка
Побольше — уж, чего тут мелочиться —
В надежде, что исчезнут облака
И ямочка над левою ключицей.

В июне ночь безумно коротка —
Крылом заденет штору и умчится.
Не буду спать! Достали облака
И ямочка над левою ключицей.

А старый доктор с видом знатока
Сказал: «Мадам, вам надобно лечиться!
Какие в ваши годы облака
И ямочка над левою ключицей?!»

И вылечил. Но странная тоска
Меня грызет голодною волчицей
С тех пор, как мне не снятся облака
И ямочка над левою ключицей.

НЕ ПОЗДНО

Дождь будет лить и словно говорить,
Что поздно, что октябрь на пороге.
Кончай дурить, пора, умерив прыть,
Считать цыплят, оставшихся в итоге.

Что в сказки верят только дураки,
А где любовь? Не слышно и в помине.
А я вздохну, коснусь твоей руки,
И молча разожгу огонь в камине.
Три слова
Всё странно и бестолково.
И некого в том винить.
А мне б от тебя три слова
Услышать. И можно жить.

Миндальной мастикой рыжей
Сентябрь стекает с крыш.
Всего лишь три слова, слышишь?
Ты знаешь их, но молчишь.

У осени вкус корицы,
Повидла и табака.
Могла бы в Париж и в Ниццу,
Но жду твоего звонка.

А небо все ниже... Ближе
Октябрьских узоров медь.
Три слова всего. В Париже.
Услышать. И умереть.

Ноябрь тесьмой суровой
Вплетается в грустный стих.
Я помню, ждала три слова.
Не помню уже каких.
Я опускаю щит
Разный — не есть любой.
Стоимость — не цена.
Ты для меня — любовь.
Я для тебя — война.

Слово — еще не речь.
Слов исчерпав лимит,
Ты вынимаешь меч,
Я поднимаю щит.

А на щите моем
Надпись «Назло судьбе!»
Я не хочу — на нем,
Просто хочу к тебе.

Как серебрится меч!
КрУжится голова.
Ноша для хрупких плеч,
Видимо, тяжела.

Ты не успел прочесть
Главного. Бог простит!
Ты поднимаешь меч —
Я опускаю щит.

ОН БЫЛ...

Он был в костюме Хьюго Босс
И без умолку
Мне говорил, что всё всерьез
И всё надолго.

А под костюмом — Боже мой! —
Рубашка Прадо.
И мне поверилось самой,
Он то, что надо.

И я осталась у него...
Какая жалость,
Что под рубашкой ничего
Не оказалось.

Десять лет спустя

Солнце село. Конечно, устало слоняться по кругу.
В итальянском кафе мы не сразу узнали друг друга.
Вы с блондинкой опять. А со мной элегантный брюнет.
Сколько зим, сколько лет... Сколько долгих, непрожитых лет.

Где пылится наш пуд пресловутой несъеденной соли?
Ох, зачем же вы тут, и зачем это глупое: «Сорри...»
Разлетелся бокал — хрупкий вестник нелепых примет.
Сколько зим, сколько лет...
— Мы знакомы?
— Вы спутали. Нет...

ТА ЖЕ РЕКА

«Нельзя войти дважды в одну и ту же реку...»

Мне опять по пути с непутевым разнузданным маем.
На развилке дорог — серый камень. Прочту на ходу:
«Мол, налево пойдешь — пропадешь». Это я понимаю.
«А направо и прямо...» Нет, лучше налево пойду.

Там, налево, река. Ну, подумаешь, чуть обмелела,
Берега ее стали пологи, а были круты.
И пускай говорят — невозможно. Какое мне дело?
Не накинешь платки на чужие раскрытые рты.

Это та же река. И по ней пароходик бумажный,
Упираясь в волну, снова против теченья плывет.
Это та же река. Я, наверно, войду в нее дважды.
Даже может быть трижды войду, если вдруг позовет.
Как здорово
Как здорово влюбиться без ответа —
Противен борщ, не радуют конфеты,
И ты, без изнурительной
диеты,
Всё таешь на глазах день ото дня.
Всё таешь и, закрыв глаза, мечтаешь,
Как ты из полыньи
его спасаешь,
Как от бандитской пули
закрываешь,
И бережно выносишь
из огня.

Ты каждым утром ждешь его у входа.
Какая на дворе стоит
погода,
И что там нынче сыпет с небосвода,
Тебе, в конечном счете, наплевать.
Вот он идет. И ты почти не дышишь.
Лишь только стук какой-то странный слышишь
Внутри. А вечерами долго пишешь
Всё, что стучало, в старую тетрадь.

Совсем не то, когда любовь взаимна,
Когда она банально-перспективна.
Вдвоем неделя в Ницце, отпуск дивный,
И устрицы в меню, и божоле.
И вот уже с диетой
заморочки...
И думаешь, а не родить ли дочку?
И по ночам не пишется ни строчки.
И старая тетрадь грустит в столе.

ДЕНЬ

Был первый день — сплошная дребедень!
Твой кот ходил за нами словно тень,
Твой пёс, тая в глазах немой вопрос,
Шерсть вздыбил так, что я к земле прирос.

Но солнце покраснело за горой.
И ночь была. А после — день второй.
И пёс с котом в обнимку на полу
Лежали. Ты звала меня к столу.

Был крепок чай, и лайм слегка горчил.
И, каюсь, я решил, что приручил
Тебя, и пса, и вредного кота.
Ах, как же ошибался я тогда.

ЯГА

А сказка, знаешь, она наступит,
И будет присказка недолгА.
Уже летит в деревянной ступе
Тебе навстречу твоя Яга.

Истопит печку и стол накроет,
И чарку зелья, вздохнув, нальет.
И ты устанешь играть героя.
Играть героя — совсем не мёд.

Подумав, скажешь: « Зачем вообще я
Скачу куда-то и лезу в бой?
Пусть Василиса живет с Кощеем,
А мне неплохо и тут. С Ягой».

Не у них
Он ей сказал: «Всё будет хорошо...»
Вздохнул и приоткрыл окно
чуть-чуть.
И дождь, который просто
мимо шел
По тротуарам в городе
большом,
Остановился, чтобы
заглянуть

Вовнутрь. Где в самом дальнем уголке,
Свернувшись в кресле, прикусив губу,
Она чертила пальцем
по руке
Слова, на ей понятном
языке.
И две морщинки корчились
на лбу.

А где-то там его ждала
жена.
И на вокзал спешил ее жених.
Позавчера закончилась весна.
И дождь заплакал, потому что знал —
Всё будет хорошо.
Но не у них.

О ПРИНЦИПАХ ПУБЛИКАЦИИ ПРИКАЗОВ И ПИСЕМ ГЕНЕРАЛА ГЕННИНА, АДЪЮТАНТЕ РЕСЛЕЙНЕ, А ТАКЖЕ ОБ АВТОРИТЕТНЫХ УЧЕНЫХ

Михаил КИСЕЛЕВ

Старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

Взяться за ответ на опубликованный в 2024 г. журнале «Веси» отклик Н.С.Корепанова[1] по поводу моей рецензии[2] меня подвигло следующее. Если прочитать текст Н.С.Корепанова, то может сложиться впечатление, что рецензия на подготовленный им как автором-составителем сборник «Генерал Геннин. Приказы и письма 1722–1723» (Екатеринбург, 2023) была посвящена каким-то малозначительным придиркам, или, говоря словами Н.С.Корепанова, «мусору», а не обсуждению принципов публикации исторических источников.

Что важно, сам Н.С.Корепанов не отрицает необходимости рецензирования издаваемых сборников документов. Он прямо указывает, что «сборник авторских документов В.Геннина “Уральская переписка с Петром I и Екатериной I”, изданный почти тридцать лет назад под редакцией М.О.Акишина, кажется, так и не дождался сколько-нибудь подробного анализа, в т.ч. археографического. Хотя редакторское прочтение документов, наверное, заслуживает не меньшей критики, чем наша работа» (с. 47). Действительно, публикация М.О.Акишина 1997 г. не лишена недостатков, в том числе в плане точности прочтения изданных документов, что на конкретных примерах показывает сам Н.С.Корепанов. Могу добавить пример и от себя. В публикации записки о самоубийстве первого комиссара Исетского (Екатеринбургского) завода Ф.Б.Эверлакова (Еварлакова) читаем, что последний «отдал свою проклятую душу к плуту или чорту»[3]. Какому такому «плуту» можно отдать душу? Обращение к оригиналу снимает вопрос: он «отдал свою проклятую душу к Плуто или чорту»[4]. Плуто – это Плутон, древнеримский бог загробного мира. Итак, публикация М.О.Акишина при всем ее значении из-за таких неточностей не избавляет полностью исследователей от необходимости обращения к оригиналам документов. Другое дело, что вопрос Н.С.Корепанова, почему данный сборник «не дождался сколько-нибудь подробного анализа, в т.ч. археографического», стоит адресовать не человеку, который в 1997 г. ходил в школу и даже не знал слова археография, а самому вопрошающему. Дабы не повторилась такая ситуация, когда выходит сборник документов, а на него нет никакой реакции, я, будучи уже не школьником, а сотрудником Института истории и археологии УрО РАН, и взялся за труд прорецензировать публикацию Н.С.Корепанова. При этом, на мой взгляд, было важно рассмотреть именно принципы публикации.

Н.С.Корепанов по поводу замечаний, высказанных в рецензии, пишет: «От ошибок или незнания каких-то фактов не застрахован никто, и рецензент позволил себе пройтись по нашим неточностям в сборнике. Что, кстати, не всегда, очевидно, например, по личности капитана Реслейна» (с. 48). Итак, складывается впечатление, что я в

[1] Корепанов Н.С. О приказах и письмах генерала Геннина, а также о двух типах ученых // Веси. 2024, № 6. С. 47–49. Далее номера страниц указываются в тексте.

[2] Киселев М.А. Рец. на: Генерал Геннин. Приказы и письма 1722–1723: сб. док. // Отечественные архивы. 2024. № 3. С. 102–106

[3] Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I (автор вступительной статьи комментариев, составитель М.О.Акишин). Екатеринбург, 1995. С. 96.

[4] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9. Отд. II. Д. 62. Л. 1015.

рецензии занялся именно выискиванием неточностей. Однако дело не в неточностях как таковых, а в том, что Н.С.Корепановым, как я пишу в рецензии, «в исторических комментариях зачастую не указывается источник информации. Соответственно, не совсем понятно, где автор опирается на твердо установленные факты, а где – на собственные догадки»[1]. Следует ли автору-составителю верить лишь на том основании, что, согласно его заявлению, «до начала наших (Н.С.Корепанова. – М.К.) публикаций попросту не была известна история Екатеринбурга XVIII в.» (с. 48)[2]? На мой взгляд, этого недостаточно, в связи с чем я и указал на пример с С.Ф.Реслейном. И, дабы было понятно, о чем идет речь, остановлюсь на нем подробнее.

В сборнике 2023 г. в комментариях к документам Н.С.Корепанов пишет следующее: «Реслейн (Röslein) Симон Фридрих (Семен Реслин), капитан, из шведских пленных. В службе на Урале с 1721 г., капитан Уктусской горной роты... В 1721 г. адъютант В.Н.Татищева, с 1722 г. адъютант В.Геннина»[3]. Откуда взял информацию об этом автор-составитель, не указано, так что читателю остается лишь верить, что биографические данные об этом не самом известном деятеле начала 1720-х гг. приведены корректно.

Отметим, что еще в 1994 г. упомянутый выше М.О.Акишин написал, что «инженерные знания шведов в заводском производстве пытался использовать Василий Никитич Татищев», после чего отметил, что за одного из привлеченных пленных шведов – адъютанта Реслейна – Татищев «получил выговор от Берг-коллегии»[4]. Статья была научно-популярная, в ней отсутствовали ссылки как таковые, так что и в этом случае было непонятно, откуда были почерпнуты данные о Реслейне. Скорее всего, это была лишь догадка, выданная за факт. В ходе архивных изысканий я смог найти сведения об этом персонаже, которые представляют интерес не только в связи с обсуждением публикации документов.

Симон Фридрих Реслейн (Simon Friedrich Röslein), согласно его словам, был уроженцем «государства немецкого франкинского крейса города Креильцена»[5]. В Россию он прибыл в 1719 г., чтобы получить работу в Коллегии иностранных дел. По каким-то причинам к началу 1721 г. он оставался не у дел и, как результат, находился в тяжелом материальном положении. Реслейн познакомился с отправлявшимся на Урал берг-советником М.Михаэлисом. Как сообщал Реслейн в прошении в Берг-Мануфактур-коллегию от 18 марта 1721 г., «ныне имею щастие с господином берг-советником во известие [в]ступить», который, «сожалея убогое мое... состояние, обещался меня призрить и при оных вновь состроителивых рудокопиях в Сибире определить». Коллегия 22 марта 1721 г. приняла решение «адъютанта Симона Фрид[риха] Реслейна послать в Сибирскую губернию з берг-советником Михайлисом и быть ему тамо при делах, х каким будет он способен». Жалование ему должны были назначить Михаэлис и Татищев, рассмотрев «в делах его искусства»[6]. Михаэлис прибыл вместе с Реслейном в Кунгур в конце 1721 г., а 7 января 1722 г. туда приехал Татищев, и 12 января произошло обсуждение возможного назначения адъютанта. Как заявлял Михаэлис, «Татищев являл немалые дефикультеты (препятствия. – М.К.) о определении адъютанта Реслейна и искал всяких напрасных способов (помешать его назначению. – М.К.)». Как результат, «хотя о том и указ ясно гласит, напоследок оная дилеберация (обсуждение. – М.К.)» была «до другова дня отложена». Дефикулеты со стороны Татищева, возможно, были связаны с тем, что Михаэлис стремился дать Реслейну должность капитана уктусских драгун, для которой у того не хватало квалификации. Тем не менее, Михаэлис продавил его назначение и зафиксировал, что 22 января «адъютант Реслейн присягал пред всеми капитаном при горных драгунах». Вечером 5 февраля они прибыли в Уктусский завод, где 6 февраля он был представлен «в роте драгунской яко капитан»[7]. Татищев, оказавшись в Москве, решил не оставлять этого дела и сообщил в Берг-коллегию 15 февраля о ведении, которое он получил еще 19 января от временно командовавшего горными драгунами сержанта П.Сталова (Столова). В этом ведении Сталов сообщал, что он принял от Реслейна посланные с Михаэлисом из столицы для горных драгун 100 фузей. Они оказались «длиною и калибром неравные, некоторые ис старых переделаны». После испытания стрельбой разорвало 15 фузей. Также выяснилось, что у части вовсе были «запалы не просверлены»[8]. Получалось, что Реслейн привез партию негодного оружия, и Татищев, будучи боевым офицером, неслучайно протестовал против назначения его капитаном драгун.

После того, как татищевские сведения были рассмотрены в Берг-коллегии, там 6 июня 1722 г. состоялся указ, по которому «капитану Реслину тем капитанским рангом не быть, для того советник Михайлис и капитан Татищев определили ево в капитаны собою без указу, и не токмо им, но и коллегии таким рангам жаловать не надлежит, понеже оное дело Военной коллегии». При этом в Берг-коллегии отмечали, что «и по тому ему Реслину в капитанах быть не надлежит, что приемные фузеи, которые он написал, что испробо-

[1] Киселев М.А. Рец. на: Генерал Геннин. Приказы и письма 1722–1723: сб. док. С. 105.

[2] В доказательство этих слов Н.С.Корепанов не указывает ни на какие конкретные работы и просто пишет, что «достаточно посмотреть книги о Свердловске, изданные в 1960–1980-е гг.». Что ж, можно посмотреть изданные в 1973 г. «Очерки истории Свердловска» и найти там обстоятельный очерк «Екатеринбург в эпоху феодализма», написанный А.Г.Козловым, В.Я.Кривоноговым и Б.А.Сутыриным. Конечно, этот очерк написан в рамках марксистско-ленинского подхода, так что акцент сделан на историю социальную, а не событийную. Тем не менее, это не повод делать вид, что такого очерка не было.

[3] Генерал Геннин. Приказы и письма 1722–1723 / ред.-сост. Н.С.Корепанов. Екатеринбург, 2023. С. 418.

[4] Акишин М.О. Пленные шведы и дьявол // Родина. 1994. № 2. С. 44.

[5] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 616. Л. 199. Креильцен – это, скорее всего, Crailsheim, находившийся во Франконии (Fraenkischer Reichskreis). Благодарю сотрудницу Лаборатории эдиционной археографии УрФУ А. Плате за консультацию.

[6] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 620. Л. 92–93

[7] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 757. Л. 6, 7, 8 об.

[8] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 616. Л. 11 об. –12.

ваны, а по свидетельству на Уктусе сержанта Столова иныя явились старые, а у иных и затравок нет, и по тому он, Реслейн, таким рангам быть не достоин». По этой причине коллегия предписывала «ево, Реслина, отпустить и дать апшит и до Москвы две ямские подводы»[1]. Как сообщал берг-мейстер И.Ф.Блиер, этот указ было получен в «Горном начальстве» на Урале еще 22 сентября 1722 г. Однако Михаэлис не спешил его выполнять и просто «во оное не вступился». В итоге Блиер, получивший еще один такой коллежский указ 10 декабря, будучи на Уктусском заводе, 13 декабря 1722 г. сообщил об этом В.И.Геннину. Последний в тот же день предписал немедленно выслать находившегося при Михаэлисе в Соли Камской Реслейна в Москву, для чего указал соликамскому воеводе «мимо берг-советника ... Михайлиса ево, Реслина, выслать ..., не взирая ни на какие ево, ... берг-советника, выговоры, что будто он ему надобен»[2]. Это был более чем разумный поступок: в Берг-коллегии уже беспокоились о том, что Реслейн так и не прибыл, и 27 февраля 1723 г. требовали сообщить, «которого месеца и числа он, Реслейн, оттуда в Москву поехал»[3].

Найденных мною документальных свидетельств достаточно, чтобы сделать вывод, что Реслейн не был ни пленным шведом, ни адъютантом В.Н.Татищева, ни адъютантом В.И.Геннина, да и выговор за назначение Реслейна капитаном уктусских драгун реально получил М.Михаэлис, а не Татищев. И, похоже, Н.С.Корепанову из приведенных мною фактов ничего не было известно. Зачем же тогда в комментариях к публикуемым документам выдавать не основанные на документах догадки за факты?

К сожалению, и в ответе на рецензию Н.С.Корепанова присутствует эта проблема: историк делает утверждения, не ссылаясь на источники, в связи с чем сложно понять, где его догадки, а где – твердо установленные факты. Занявшись поиском фактических ошибок в моей статье 2016 г. об отношениях В.Н.Татищева и пленных шведов, Н.С.Корепанов решил, что я ошибочно утверждаю, что В.Н.Татищев в начале 1722 г. «нашел возможность уехать на время в Москву, хотя и ***не имел разрешения на это от Берг-Мануфактур-коллегии*** (выделено мною. – М.К.)»[4]. Н.С.Корепанов, полагая, что я ошибаюсь, так прокомментировал мой текст: «***Известно же*** (выделено мною. – М.К.), что в августе 1721 г.» Татищев «известил Мартина Михаэлиса, на тот момент еще заседавшего в Коллегии, о своем намерении ехать в Петербург... Но вынужден был дожидаться приезда самого Михаэлиса и смог выехать на встречу с ним в Кунгуре лишь в январе 1722-го. А затем добрался до Петербурга и уже оттуда последовал в Москву вслед за переведенной Берг-коллегией» (с. 48).

Если обратиться к документам, то выяснится, что еще 3 марта 1721 г. Берг-Мануфактур-коллегия приняла решение отправить М.Михаэлиса на Урал[5]. Конечно, Михаэлис выехал не в этот же день. Перед выездом он принимал припасы, деньги, инструменты (два ватерпаса – медный и деревянный), а также оружие для уктусских драгун (сто фузей и «и к ним лядунки, перевези, полаши, портупеи»). Однако летом 1721 г. Михаэлис уже был в пути на Урал, и коллегия 26 июня направила ему указ, дабы он по прибытии в Казань осмотрел рудокопные дела «умершаго подьячего Калугина». Михаэлис в Казани задержался на продолжительное время из-за финансовых проблем. Татищев об этом известил коллегию, и она 19 октября затребовала ответ, «для чего он (Михаэлис. – М.К.) нынешним летом до Кунгура и до Уктуса не доехал»[6]. Итак, в августе 1721 г. Михаэлис не заседал в коллегии, так что его извещение Татищевым о своих планах никоим образом не могло означать получения разрешения от коллегии на отъезд с Урала. Собственно, письмо Татищева от 31 августа 1721 г. Михайлису, где он и написал о намерении «по первому зимнему пути ехать в Санкт-Питербурх для представления некоторых дел ... Берг-коллегии», было направлено тому в Казань[7]. При этом, что примечательно, Татищев еще до конца не определился, поедет в столицу он или Блиер. По этой причине они другим письмом, отправленным 15 сентября 1721 г., просили Михаэлиса поторопиться и «прежде Рождества прибыть на Кунгур, понеже имеем мы великие нужные дела, и чтоб нам прежде отъезду одному из нас в Петербург с вами видеться и об оных делах переговорить»[8].

Что же до Берг-коллегии и В.Н.Татищева, то здесь следует процитировать слова самого Василия Никитича, с которыми он обратился к М.Михаэлису и И.Блиеру в Кунгуре 11 января 1722 г.: «Просил я ... Берг-коллегии, дабы ... повелено мне было нынешнею зимою приехать в Санктпитербурх... но на оное указа не получил». И далее Татищев сообщал, что «ныне же известно е[го] в[еличества] (Петра I. – М.К.) прибытие в Москву и притом уповаю ... быть ... генералу-фельдцейхмейстеру (президенту Берг-Мануфактур-коллегии Я.В. Брюсу. – М.К.)»[9]. Татищев в начале 1722 г. сам признавал, что направлялся с Урала в Москву без разрешения коллегии. Процитированный мною документ был опубликован еще А.И.Юхтом в 1976 г., а известен и того ранее. Еще дореволюционный классик уральского краеведения К.Н.Чупин констатировал, что «в начале сентября 1721 г. Татищев и Блиер доносили берг-коллегии, что так как берг-рат Михаелис ... еще долго не приедет, а они между тем о многих делах имеют сомнение, то не повелит ли коллегия одному из них приехать в декабре в Петербург... Ответа на это из берг-коллегии не было. Когда же Михаелис приехал наконец, Татищев,

[1] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 93. Л. 9–9 об.
[2] Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 23. Л. 545–547 об.; Д. 10. Т. 1. Л. 73.
[3] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 640. Л. 160 об.
[4] Киселев М.А. Урало-шведские грезы Василия Татищева // Новый мир. 2016. № 9. С. 136.
[5] РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 90. Л. 133.
[6] ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 115. Л. 1–4 об; РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 618. Л. 283 об.
[7] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 6. Л. 262.
[8] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 6. Л. 284.
[9] Представление [В.Н.Татищева] Сибирскому горному начальству о делех усмотрениям и разсуждениям решения требующих, яко на Кунгуре, тако и Уктусе // Исторические записки. [Т.] 97. М., 1976. С. 190.

пробывши с ним в Кунгуре недели две с половиной, 22 января 1722 г. отправился в Москву *не только без всякаго вызова, но и без разрешения берг-коллегии* (курсив Чупина. – М.К.). ... Догадка Татищева о приезде Брюса в Москву, оказалась справедливою»; 4 февраля он был уже в Нижнем Новгороде, а 20 февраля, находясь в Москве, подал доношение в Берг-коллегию[1].

Таким образом, в январе 1722 г. Татищев направился прямиком в Москву, а не в Санкт-Петербург, да и оказался он в первопрестольной по своей инициативе, а не по вызову, как пишет об этом Н.С.Корепанов уже в другой работе[2]. В связи с этим повторю ключевой для меня тезис, обозначенный в рецензии: приводимые факты следует подкреплять ссылками, которые можно проверить, а предположения следует отделять от твердо установленных фактов. Помимо источников в этом помогает и обращение к работам других историков. Правда, такая рекомендация возмутила Н.С.Корепанова. Он написал, что, готовя издание, которое увидело свет в 2023 г., мог не знать о выходе в 2022 г. двух упомянутых мною в рецензии книг: «Книги, как мог бы заметить рецензент, появились уже на этапе подготовки нашего сборника к изданию» (с. 48). Однако публикации Н.К.Чупина и А.И.Юхта вышли задолго до 2022–2023 гг., так что здесь, похоже, дело не в годе публикации, а именно в принципах работы.

Касательно передачи текста документов XVIII в. в «орфографии, приближенной к современной, но с сохранением авторской стилистики», Н.С.Корепанов утверждает, что это даже не его формулировка. Подготовить в таком духе его попросил главный редактор журнала «Исторический архив» (с. 48–49). Я посмотрел эту публикацию 2016 г. В ней Н.С.Корепанов пишет, что «документы публикуются согласно “Правилам издания исторических источников” (М., 1990)»[3]. Опустим, что правильное название правил 1990 г. – это «Правила издания исторических документов в СССР», важен сам факт, что в публикации 2016 г. Н.С.Корепанов опирался на эти правила. Почему же он так не сделал в издании 2023 г.? И что именно просил изменить тогда главный редактор «Исторического архива», а что является результатом творческого подхода Н.С.Корепанова? Остается только гадать. Да и в конце концов, в 2023 г. он был самостоятельным редактором-составителем, так что мог и не ориентироваться на высказанные когда-то пожелания.

При этом Н.С.Корепанов заявляет: «Не следует думать, что передача текста XVIII века с хотя бы частичным использованием современной орфографии и с однозначно современной пунктуацией что-то особенное, нехарактерное для исследователей прошлого» (с. 48–49). Так ведь с этим никто и не спорил и не спорит! Вопрос заключается в том, что есть выработанные на протяжении почти двух столетий правила публикации, а есть не до конца изложенные приемы, которыми руководствуется Н.С.Корепанов. Приведем в качестве примера фрагмент из публикации Н.С.Корепанова: «Быть тебе здесь, на Уктусских железных заводах, над молотовыми мастерами старшим. Самому работать и их, мастеров и подмастерьев и работников, учить, чтоб делали добрым искусством»[4]. Если этот фрагмент воспроизводить с опорой на «Правила» 1990 г. или «Методические рекомендации» 2022 г., то получим следующее: «Быть тебе здесь, на Уктусских железных заводех, над молотовыми мастерами старшим. Самому работать и их, мастеров и подмастерьев и работников, учить, чтоб делали добрым мастерством»[5]. Итак, архаичное «заводех» Н.С.Корепанов исправил на современное «заводах». Зачем? Кроме того, автор-составитель также прочитал последнее слово как «искусством» вместо написанного там «мастерством». Да, почерк, которым написан документ, весьма сложен. Сам факт, что документ практически без ошибок воспроизведен публикатором, является свидетельством его немалых навыков чтения скорописи, которыми он обоснованно гордится: «Мы неоднократно убеждались, что в большинстве случаев можем разобрать даже то, где отступали и сотрудники архива, и специалисты-археографы (или же считающие себя таковыми)» (с. 49). В этом отношении я нисколько не собирался и не собираюсь отрицать заслуги и достижения Н.С.Корепанова. Только вот стремление «улучшать» орфографию могло сыграть с таким мастером чтения скорописи злую шутку. Достаточно часто «искусство» в документах того времени писалось с одинарной «с» («искуство»). Если помнить об этом и не иметь установки «улучшать» орфографию, правя ее без необходимости в соответствии с современными нормами правописания, то станет понятным, что в слове явно на одну букву больше, чем в слове «искуством», и что это другое слово, которое при правильном прочтении выглядит так: «мастерством». Таким образом, установка на издание источников по существующим правилам публикации документов, максимально сохраняющим орфографические и стилистические особенности, – это не вопрос вкусовых предпочтений, такой принцип не просто сохраняет колорит эпохи, он помогает более точному прочтению скорописи.

Или вот нестандартное решение Н.С.Корепанова обозначать в публикуемых документах с помощью квадратных скобок вставки «над строкой, на полях листа» и «в очевидно дописанном тексте, отличающемся почерком или размером почерка»[6]. Такой прием избавляет публикатора от сложностей, связанных с необходимостью комментировать вставки в подстрочных текстуальных примечаниях. Однако читателя это лишает понимания, где именно были поме-

[1] Чупин Н.К. Василий Никитич Татищев: жизнь его с 1722 до 1734 г. // Сборник статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неоффициальной части Губернских Ведомостей в период 1842–1881 г.г. Вып. I. Пермь, 1882. С. 69.

[2] Корепанов Н.С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005. С. 10.

[3] «По указу Вашего превосходительства... я ехал с поспешением». Письма В.Н.Татищева В.И.Геннину с пермских заводов. 1723 г (Публикация Н.С.Корепанова) // Исторический архив. 2016. № 4. С. 160.

[4] Генерал Геннин. Приказы и письма 1722–1723. С. 308.

[5] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 263.

[6] Генерал Геннин. Приказы и письма 1722–1723. С. 27.

щены в физическом пространстве документа такие вставки, равно как и понимания, каким почерком они были сделаны. Например, как видно из фотографии части публикуемого документа № 104, большая вставка была написана рукой Геннина. В публикации она воспроизведена в квадратных скобках без указания, кто ее написал[1]. Кроме того, все же есть разница между вставкой при редактировании документа и сменой почерка при написании документа. При этом Н.С.Корепанов далеко не во всех случаях поместил в квадратные скобки очевидно дописанный текст, отличающийся почерком или размером почерка. Как видно из воспроизведенной в качестве иллюстрации фотографии документа № 83, половину его написал своей рукой Геннин, а другую половину дописывал уже канцелярский служитель. Однако это не обозначено даже с помощью квадратных скобок[2].

Конечно, Н.С.Корепанов считает, что это все придирки, ибо «подавляющее большинство документов нашего сборника вводится в оборот впервые, хоть и находятся они на открытом государственном хранении без малого уже сто лет» (с. 49). Однако Н.С.Корепанов почему-то умалчивает в ответе на рецензию, что далеко не все эти документы он опубликовал полностью, а лишь в извлечениях. Возьмем для примера документ № 220 «Из наказа заводскому казначею Я.Степанову по ведению дел» (с. 280–281). Из 16 пунктов наказа, регулировавшего деятельность казначея казенных заводов Урала, полностью опущены семь пунктов (4, 9, 10, 12 14 и 15), восемь (1, 2, 3, 6, 7, 8, 13, 16) опубликованы с сокращениями и только два (5 и 11) целиком, без сокращений. Получается, что читатель не может без обращения к архивному оригиналу полноценно понять, какими именно нормами руководствовался этот важный чиновник. Тогда что дает такая публикация документа? При этом обращение к архивному оригиналу показывает, что и опубликованные фрагменты воспроизведены не без неточностей. Так, зачеркнутый автограф Геннина воспроизводится в публикации как незачеркнутый, не указывается, что рядом с ним есть зачеркнутая дата – 27 февраля 1723 г. Выясняется, что в документе присутствуют значительные правки, сделанные рукой В.Н.Татищева. С их учетом можно понять, что 27 февраля 1723 г. Геннин подписал первый вариант наказа из 15 пунктов, однако затем отозвал свою подпись. После этого наказ был существенно отредактирован Татищевым, и его новый вариант из 16 пунктов был утвержден Генниным 2 марта 1723 г.[3] Увы, но в публикации об этом ничего нет. Не исключено, что это связано с решением для передачи правок в документах использовать не общепринятые подстрочные текстуальные примечания, а квадратные скобки и отточия в круглых скобках. Если попытаться с их применением воспроизвести полностью текст наказа казначею, возникнет настоящая мешанина из фрагментов в квадратных скобках и отточий в круглых, и при этом не будет возможности указать, что именно внес своей рукой Татищев.

И в связи с этим к В.Н.Татищеву. Н.С.Корепанов в своем ответе весьма показательно умолчал о том, что я в рецензии поднял проблему, кто же писал документы, которые подписывал В.И.Геннин. Н.С.Корепанов в сборнике отмечает, пусть и не всегда, что было написано рукой Геннина. Но что с другими почерками? Если обратиться к архивным оригиналам, то выяснится, что часть опубликованных документов написана рукою В.Н.Татищева. Укажу несколько примеров. Татищев практически полностью написал документ № 128 – объявление о начале строительства большого завода на р. Исеть[4], т.е. будущего Екатеринбурга. Рукою Татищева созданы документ № 202 – доношение Геннина в Берг-коллегию от 26 февраля 1723 г., № 203 – указ земскому комиссару С.К.Неелову о приписных и № 204 – указ комиссару Уктусского Т.М.Бурцеву о новой структуре управления заводами, № 258 – указ Ф.Б.Эверлакову об организации строительства дороги от Уктусского завода до строящегося Исетского[5]. И это, не говоря о документах, правленных рукой Татищева, к которым относится и отмеченный выше наказ казначею. В участии Татищева в составлении документов, опубликованных в сборнике, можно убедиться, даже не обращаясь к архивным оригиналам: в книге опубликовано фото листа, исписанного татищевским почерком[6].

Итак, несмотря на всю важность публикации Н.С.Корепанова, из-за отмеченных недостатков исследователям все же придется обращаться и к оригиналам изданных документов.

Конечно, являются ли обозначенные мною проблемы и вопросы лишь придирками, «мусором», решать в общем-то читателю. Однако читатель вправе знать о таких проблемах и вопросах. Именно для этого и существует такой жанр, как рецензия. Другое дело, что нередко бывает и так: чем больше заслуг и регалий у ученого, тем более елейными оказываются отзывы о его работах, а критика рассматривается как что-то недопустимое. Только ведь чем авторитетнее специалист, тем больше ему доверяют, вплоть до веры на слово. Именно поэтому публикации авторитетных ученых заслуживают не менее строгих разборов, чем работы менее известных исследователей. А, может быть, и более строгих: кому многое дано, с того многое и спрашивается.

[1] Генерал Геннин. Приказы и письма 1722–1723. С. 161, 162.

[2] Генерал Геннин. Приказы и письма 1722–1723. С. 122, 124.

[3] ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 46–47 об. Заметим, что история создания наказа казначея в 1723 г. с указанием на участие В.Н.Татищева мною была рассмотрена в статье 2020 г.: Киселев М.А. Наказ В.И.Геннина казначею Якову Степанову от 2 марта 1723 г. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Материалы XIV Всероссийской научной конференции. Т. 2. Екатеринбург, 2020. С. 505–513.

[4] Генерал Геннин. Приказы и письма 1722–1723. С. 128; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 23. Л. 646–647 об.

[5] Генерал Геннин. Приказы и письма 1722–1723. С. 265–266, 266, 267–268, 310; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 441–442, 447–447 об. 452–452 об., 258.

[6] Генерал Геннин. Приказы и письма 1722–1723. С. 160.

ДУША, О КОТОРОЙ МЫ ПОРОЙ ЗАБЫВАЕМ

Борис СОКОЛОВ.

Директор Свердловского областного музея истории медицины (СОМИМ) с 2006 по 2016 гг.

Можно не верить в существование души здравоохранения, уповая на приказы, инструкции, стандарты, где нет такого понятия. Однако все мы знаем, что у медицины есть нечто, что является носителем ее жизни и сознания. Осмелюсь заявить, что музей истории здравоохранения Свердловской области является такой частицей основы существования системы охраны здоровья. С самого начала своего зарождения его организаторы стремились, чтобы музей был священным местом, храмом для медицинских работников региона. Об этом свидетельствует история становления учреждения и замыслы по его развитию.

ЗАРОЖДЕНИЕ

Создание музея было обусловлено необходимостью сохранения наследия уходящей в вечность плеяды выдающихся уральских ученых врачей 60–70-х годов прошлого века. К ним, без сомнения, можно отнести врачей: хирурга А.Т.Лидского, кардиолога Б.П.Кушелевского, онколога Г.Л.Ратнера, инфекциониста А.И.Кортева, педиатра С.М.Бриля и многих других.

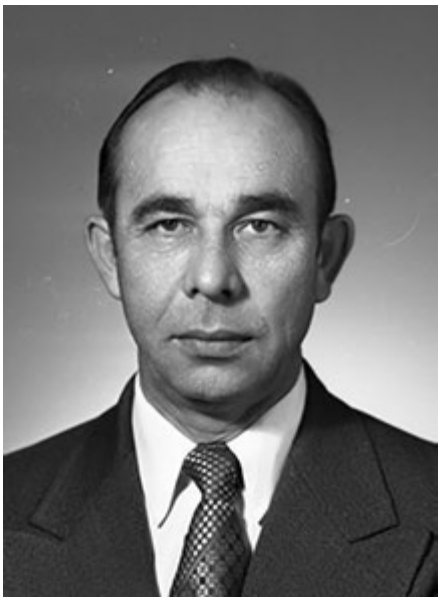
Большая роль в появлении музея принадлежала одному из руководителей областного здравоохранения – Александру Борисовичу Блохину, обладавшему широким медицинским кругозором и пытавшемуся собрать и систематизировать обширную информацию об организации отрасли, ее прошлом и будущем. Идею коллеги поддержал заведующий Свердловским облздравом Николай Стефанович Бабич, организатор многих масштабных преобразований в те годы. В 1980 году ему удалось добиться решения Свердловского облисполкома об учреждении ведомственного музея в составе Областной больницы № 1.

Задачей первого директора музея И.П.Огаркова являлась необходимость собрать в одном месте разрозненные предметы истории, личные архивы, частные медицинские коллекции, старые инструменты и оборудование. О развитии музея пока говорить не приходилось. Надо было как-то обработать и представить накопленный материал.

Попечительский совет музея во главе с А.Б.Блохиным понимал, что в этом непростом деле не обойтись без привлечения специалистов-музейщиков, и это удалось сделать удачно. Александр Борисович привлек к работе бывшего директора Свердловского областного краеведческого музея Александра Дмитриевича Бальчугова, ставшего «опальным» для властей

Александр Борисович Блохин

Николай Стефанович Бабич

из-за праведного своеволия по спасению от разграбления исторических предметов дома гибели последней царской семьи России.

ВРЕМЯ БАЛЬЧУГОВА

Александр Дмитриевич начал свою работу с создания экспозиции. По его убеждению, «именно с показа экспонатов начинается музей». С 18 ноября 1982 года началась история областного музея истории медицины, которому сегодня уже больше 40 лет.

Опытный руководитель, обладавший обширными знаниями по истории Урала, широкими связями и сложным, принципиальным характером, он пытался решить на новом поприще три основные задачи:

1. Продолжить и расширить целенаправленный сбор музейных материалов.
2. Сформировать областную сеть музейных экспозиций в районных больницах.
3. Обобщить историю уральского здравоохранения.

Сбор материалов

Для организации масштабного притока исторических материалов и музейных предметов Александр Дмитриевич стал объединять вокруг СОМИМ медицинскую общественность. Прежде всего это были ветераны здравоохранения и родственники именитых уральских врачей. В выходные дни устраивались музейные встречи-чаепития, посвященные историческим событиям и юбилярам. Многим гостям вручались свидетельства о присуждении звания «Почетный член музея» с занесением в специальную книгу под роспись награжденного. Эти «избранные» люди, а их насчитывался не один десяток, впоследствии считали своим долгом участвовать в расширении музейного фонда. И в таком составе попечительский совет становился «народным».

Сбор музейных предметов велся с размахом. Бальчугов собирал многое, даже не имеющее прямого отношения к здравоохранению. В музее формировались коллекции разнообразных значков, бутылок, марок, старинных предметов быта, газет и пр. Впоследствии они использовались как обменный фонд с другими музеями или в оформлении экспозиций.

Курьезный случай произошел со знаменем газеты «Уральский рабочий», которое волей случая попало в научно-вспомогательный фонд в «лихие» 90-е годы. Знамя в 2007 году под расписку на один день было выдано редакции газеты для торжества, посвященного чествованию 100-летия со дня выхода первого номера издания.

Однажды Бальчугову предложили сохранить найденный на свалке бумажный фонд известного геолога-писателя А.А.Малахова. Его сложили до лучших времен в коробку и спрятали в хранилище. Описать его удалось лишь через несколько лет. К удивлению музейщиков, там были обнаружены уникальные журналы красноуфимского земства со статьями именитых тамошних врачей конца XIX века. Подобных таинственных «законсервированных» именных фондов в СОМИМ со времен Бальчугова сохранилось несколько до нынешнего времени. Пусть это станет хорошим заделом для будущих ученых-исследователей и примером бережного отношения к наследию известных уральских медиков.

Отдельным направлением работ у Александра Дмитриевича по пополнению музейного фонда было сотрудничество с коллекционерами и семьями видных врачей, даже была составлена картотека потенциальных музейных предметов с их реальными владельцами.

Интересы Бальчугова не ограничивались советским периодом. Он собирал сведения и предметы народной медицины, упорно искал артефакты дореволюционной истории уральской медицины. Особенно в этом отношении были плодотворными встречи с родственниками А.А.Мисловского, Г.С.Мышкина, М.И.Мизерова, и др.

К работе по созданию музея были привлечены медики, интересовавшиеся историей, которые с удовольствием делились накопленными знаниями, передавали

Александр Дмитриевич Бальчугов

копии или оригиналы документов, старинные или устаревшие медицинские инструменты и пр. Среди них онколог, журналист и коллекционер Ю.Э.Соркин, историк медицины из Перми В.Т.Селезнева, автор ряда книг о хирургах Среднего Урала М.Л.Шулутко и др.

В своих размышлениях Бальчугов использовал понятия «живой» и «мертвый» музеи. Критерием отличия является частота обновления экспозиций и регулярная организация временных выставок. Для плодотворной жизни музея нужны богатые фонды, которые «питают» его обновление. Поэтому ценность музея во многом определяется богатством фондов. Количество накопленного материала в музее к началу XXI века было впечатляющим. В фондах насчитывались десятки тысяч единиц хранения. По существу, был создан мощный резерв для дальнейшего развития музея. Проблематичным оказалось только наладить учет и хранение этого уникального собрания, что было весьма трудоемко, так как делалось рукописно и требовало определенной квалификации главных хранителей.

Музейная инфраструктура

Осознавая ответственность за музей и заботясь о его перспективах, Александр Дмитриевич Бальчугов проявлял удивительное упорство по поиску подходящих помещений для вверенного ему учреждения. Сохранились его предложения «на верх» по освоению зданий бывшего Верх-Исетского госпиталя, Глазной больницы А.А.Мислявского. В конце концов его настойчивость была вознаграждена передачей в 1995 году музею 223 кв. м в старинном здании на ул. КЛибкнехта, 8. Переезд в новое здание способствовал утверждению нового статуса. СОМИМ стал самостоятельным учреждением в системе областного здравоохранения.

Понимая важность распространения влияния исторических знаний в медицинской среде не только в Екатеринбурге, но и во всем регионе, Александр Дмитриевич настаивал на создании открытых музейных экспозиций в области. Используя все свои прежние связи, поддержку Облздрава и Попечительского совета, опираясь на мудрость директора ТФОМС Бориса Исааковича Чарного, в середине 90-х годов были открыты такие экспозиции в ряде районных центров (Гари, Таборы, Серов, Краснотурьинск и Красноуфимск). Остался филиал музея и на месте своего зарождения, в областной больнице № 1, имеющей свою сложную и интересную историю.

Здание музея в Екатеринбурге (ул. К.Либкнехта,8), 2005г.

На видном месте в таких выставках всегда были портреты местных выдающихся врачей, заказанные музеем у известных уральских художников, таких как В.П.Кошелев, Г.А.Нечеухин и др. Эти картины, написанные маслом и акварелью, обрамленные обычно в дорогие деревянные рамы, укрепляли самоуважение медиков в их сопричастности к месту служения известных предшественников.

Важную роль в масштабных планах Бальчугова стало открытие филиала музея «Красноуфимская земская больница». Появилась возможность музеефицировать большой старинный больничный комплекс конца XIX века с двухуровневым парком. Понимая сложность сохранения и восстановления столь крупного культурного наследия и ограниченные возможности областного здравоохранения, Александр Дмитриевич попытался объединить вокруг филиала самых разных влиятельных людей.

При содействии руководства здравоохранения региона, районных и городских властей в 1998 году был учрежден День памяти медицинских работников Красноуфимского уезда, который с тех пор отмечается ежегодно 10 июня. В 1995 году в Красноуфимске была организована выездная сессия Международного конгресса «Земский врач», проводимого в Екатеринбурге. Одержимый благородной идеей, директор мечтал сделать музей памятником ЮНЕСКО. К сожалению, намеченное в начале 90-х годов заседание этой авторитетной международной организации на Урале не состоялось.

Благосклонность руководства облздрава к деятельной работе Бальчугова способствовала появ-

Галерея портретов уральских хирургов

Участники Дня памяти медицинских работников Красноуфимского уезда, 1998 г.

лению, обновлению и становлению музеев в различных медицинских учреждениях, с которыми у областного музея налаживалось плодотворное сотрудничество. Так получили дополнительный импульс для подъема музей мединститута, музей госпиталя ветеранов войн, музей санэпидслужбы и др. Это проявлялось путем консультаций, передачи копий документов и дубликатов музейных предметов, помощи в работе с архивами.

Просветительство

По глубокому убеждению Александра Дмитриевича, «просветительская работа музея не может ограничиваться только экскурсионной работой». Ему хотелось, чтобы после каждой встречи с музейщиками у людей оставалось какое-то напоминание о ней и чтобы добытые сведения распространялись через средства массовой информации.

Имея за спиной журналистский опыт, Бальчугов начал выпускать листовки к юбилейным датам, рекламируя музей и уральское здравоохранение. Жизнь таких листовок была зачастую недолгой, но информация подспудно оседала в памяти. Будущий директор музея Б.В.Соколов, например, из листовки узнал о существовании музея «Красноуфимская земская больница».

Огромную помощь в распространении исторических сведений об уральской медицине и ее ярких представителях оказал верный сподвижник СОМИМ врач-историк Юрий Эмануилович Соркин. Его исторические очерки и заметки стали непременным атрибутом местных газет, а ряд выпущенных краеведческих книжек с удовольствием разбирались посетителями музея.

Благодаря взрыву гласности в 90-х годах прошлого века и коренным реформам в российском здравоохранении появилось множество местных периодических медицинских изданий, которые для обеспечения своей солидности и престижа стали публиковать материалы музея. К началу двухтысячных годов музей оказался «на слуху» и даже вошел в электронный реестр медицинских музеев, сделанный в Эстонии.

Было бы неправильно, имея богатый музей, не стремиться описать историю всего здравоохранения Среднего Урала. Она необходима как основа для формирования исторического мировоззрения уральских медиков и как опора для упорядочения музейных богатств. Попытки описать это к тому времени предпринимались видными ветеранами-медиками, среди которых были С.М.Бриль, А.К.Свердлов, В.М.Попугайло и др. Опираясь на их исследования и используя материалы музейных фондов под руководством Бальчугова, к 70-летию Великого Октября был выпущен сборник буклетов по истории развития здравоохранения Среднего Урала. Каждый буклет был посвящен определенной сфере работы отрасли – от общей организации охраны здоровья в регионе, развития санитарно-эпидемиологической службы до подготовки специалистов и развития медицинской науки. Целостное представление об истории уральского здравоохранения стало одним из достижений Балчуговского этапа развития СОМИМ.

ВРЕМЯ СОКОЛОВА

Появление Бориса Владимировича Соколова в музее произошло тоже благодаря стечению обстоятельств. К этому времени настырному и неугомонному Бальчугову было уже за 80 лет, и в министерстве решили его заменить. Предвидя неизбежное, старый музейщик искал преемника, беседуя с лояльными к нему людьми. Одним из таких собеседников оказался Соколов, который в то время работал в референтской группе областного министра здравоохранения. Министр М.С.Скляр в 2006 году собирался уходить в политику, и Борис Владимирович решил себя попробовать в другом, «святом», как он считал, деле.

Поначалу им двигало желание просто сохранить музей, продолжая традиции предшественника и используя свой жизненный опыт.

При погружении в новую деятельность Соколова удивила оторванность СОМИМ от современной жизни здравоохранения и отсутствие заинтересованности многих медицинских руководителей в этом учреждении. Порой приходилось слышать даже про «склад старого хлама». Поэтому одной из главных для себя задач он поставил актуализацию и востребованность музея.

Актуализация и востребованность

Специализируясь в прошлом на информационном обеспечении управления здравоохранением, Соколов понимал, что придает весомость выступлениям и статьям

Сотрудники музея, 2006 г.

На конференции МНТК «Микрохирургия глаза», 2011г.

руководителей. Знание истории и памятных дат подчеркивала осведомленность начальника и уважение к традициям. Поэтому в музее была введена практика ежегодного издания календаря знаменательных дат Свердловского здравоохранения. Подарочный календарь стал широко распространяться в канун нового года среди сотрудников минздрава и главных врачей медицинских организаций.

Новый директор хорошо осознавал, что сегодняшние события в отрасли завтра уже превращаются в исторический факт. Отсюда появилась необходимость сбора документов со всех проходящих крупных медицинских мероприятий в областном центре. Была организована систематическая фото-видеосъемка, со сбором раздаваемых информационных материалов. Кроме того, музей стал регулярно организовывать временные исторические экспозиции на проходящих медицинских выставках, симпозиумах, конференциях и пр. В результате появились плодотворные взаимовыгодные отношения с МНТК «Микрохирургия глаза», Областным кожвендиспансером, Уральским медуниверситетом, Институтом ОММ, Ассоциацией педиатров, Медицинской палатой и многими другими организациями.

Одной из самых непростых задач для Соколова было упорядочение стремительно растущих фондов. Порой было архитрудно быстро найти необходимую информацию или музейный предмет. Это раздражало и сильно затрудняло работу. Предстояло усилить внимание дальнейшей систематизации фондов и повысить оперативность поиска нужного материала.

Систематизация фондов

Учет музейных предметов тщательно велся еще со времен Бальчугова, но критерии отнесения к основному, научно-вспомогательному фонду и архиву были нечеткими. К тому же не была прописана процедура списания единиц хранения из фондов, передачи на ответственное хранение, дарение или обмен дубликатов. Действующие государственный инструкции по учету и хранению музейных предметов были созданы еще в советское время, а проекты новых вызывали много разногласий. К тому же они были рассчитаны на большие музеи, не учитывающие ведомственной специфики.

Поэтому пришлось разработать свою систему и инструкцию со всем комплексом сопроводительных документов. При этом хотелось учесть сложившийся в СОМИМ порядок делопроизводства, не допуская путаницы. Огромная работа по переинвентаризации фондов сопровождалась дальнейшей систематизацией хранения архива. В результате были сгруппированы и размещены на отдельных стеллажах

- именные материалы о врачах,
- материалы по истории областных медицинских служб и крупных медицинских организаций,
- материалы по истории здравоохранения муниципалитетов области,

· материалы по производителям и распространителям медицинской техники, оборудования и лекарств.

Из научно-вспомогательного фонда и архива в самостоятельный фонд для удобства пользования и учета была переведена историко-краеведческая библиотека.

Важным современным направлением по развитию фондов стало создание ДИПС СОМИМ (документально-информационной системы Свердловского областного музея истории медицины).

Она была создана по аналогии со старой авторской разработкой Соколова для быстрого поиска документов в сформированной базе данных.

Предполагалось, что в ДИПС СОМИМ будут храниться файлы по самым различным аспектам истории здравоохранения в виде статей, презентаций, фотографий и пр. Была разработана процедура поступления, кодирования и поиска документов с возможностью их копирования. За период с 2009 по 2016 гг. в базу данных было занесено больше 2,5-х тысяч файлов.

Актуальной проблемой для музея оставалось внедрение автоматизированных программ по учету фондов. В России наибольшее распространение получили 2 программы: «Музей» и «КАМИС». Анализ возможности по их внедрению в СОМИМ оказался неутешительным, в первую очередь, из-за непосильной трудоемкости обработки фондов, насчитывающих десятки тысяч единиц хранения. Поэтому была начата работа по созданию упрощенной программы учета тематических коллекций на основе ДИПС СОМИМ, которая, к сожалению, не была завершена.

Тем не менее в результате проведенной систематизации фондов музей сегодня может оперативно отвечать на широкий спектр внутренних и внешних информационных запросов.

Следующим этапом работы с фондом стало включение его в Музейный фонд России. За эту серьезную работу взялись при следующем директоре музея Артемьевой Алевтине Ивановне.

Экскурсию ведет Алевтина Ивановна Артемьева, 2015г.

Систематизация фондов предполагала упорядочение накопленной в музее информации и ее наглядное представление. А для этого важно было определиться по некоторым исходным (базовым) представлениям.

Базовые представления для музея

Как бывший директор областного краеведческого музея А.Д.Бальчугов пытался увязать историю здравоохранения с общей историей Урала. Одним из используемых им для этого понятий была «жизнеспособность населения». Не желая терять эту «изюминку», Соколов конкретизировал понятие – как «умение людей приспосабливаться к условиям окружающей среды для решения главных целей жизни человека, непосредственно связанных с медициной». Такими целями, по его представлениям, были:

· Сохранение здоровья;

· Увеличение продолжительности жизни;

· Воспроизводство потомства.

Успешность их достижения зависит от ряда причин, среди которых социально-экономическая ситуация, быт, питание, уровень медицинской помощи, преимущественный род занятий т.д. и т.п. Анализ этих факторов применительно к конкретному региону в разные исторические периоды дает основу для понимания и представления глубинных основ формирования региональной системы здравоохранения.

Развивая эти представления, можно создать уникальный музей истории медицины, не замыкаясь на традиционных формах организации, предполагающих лишь демонстрацию коллекций медицинских инструментов и оборудования, портреты видных медиков, хронику памятных событий...

Отчасти такой широкий подход использовался Соколовым при написании книги «Становление государственной системы здравоохранения на Среднем Урале», первое издание которой сделано в 2008 году.

Некоторым материальным воплощением понятия «жизнеспособность населения» могут служить и экспозиции в павильоне народной медицины в филиале «Красноуфимская земская больница».

При создании экспозиций Соколов пользовался еще одним термином предшественника – «энергетическая мощь экспоната». Во

Экспозиция «Жизнеспособность населения Красноуфимского уезда» в павильоне народной медицины

многих музеях для показа их богатства стараются разместить как можно больше экспонатов, тесно запихивая их в витрины или залы, снижая тем самым их индивидуальную значимость.

Редкие и уникальные музейные предметы требуют своего, порой большего пространства и особого окружения. В музее, как в церкви, люди ищут свою «икону», но для этого она должна быть достойно представлена. Заманчивость экспозиции и желание погрузиться в новое знание определяется зачастую первым взглядом, оценкой при входе в музейное помещение. Экспозиция должна быть интересна даже без слов экскурсовода. Добиться интимного взаимодействия посетителей с экспонатами – высший музейный пилотаж!

Исключительно важным для музея стала положенная в основу его информационного фундамента «периодизация истории уральского здравоохранения», которая отражена в постоянной экспозиции в Екатеринбурге:

- Период донаучной народной медицины
- Горнозаводской период
- Земский период
- Советский довоенный период
- Военно-мобилизационный период
- Период социалистического строительства
- Перестроечный период
- Период национальных проектов

Каждый период имеет свои основные стратегии и задачи, особенности организации их решения, достижения и выдающихся представителей. Эти «учебные», по задумке музейщиков, знания, должны остаться в головах посетителей, как «грибница» мировоззрения.

Но это не главное. По мнению Соколова, музей прежде всего призван пробуждать эмоции, направленные на познание и душевный позитив.

Сакральное место

Как-то при завершении курсов повышения квалификации Соколову преподаватели предложили сформулировать понимание сути музея. Подумав, он ответил: «Понятие «музей» от слова «муза». Муза – это вдохновение. Если человек не получает от музея вдохновение, значит музей не работает. Вдохновение можно получать не только от полученной информации, но и от отдельной фотографии со знакомыми людьми в экспозиции, от представленных старинных предметов, от красоты экспозиций, от мастерства художников и даже от личности гида, его отношения к людям и экспонатам».

В соответствии со своими убеждениями Борис Владимирович перенял «бальчуговскую» привычку здороваться и прощаться с портретами именитых врачей и старался вместо глагола «работать» использовать слово «служить».

Бережно-возвышенное отношение к музею способствовало возведению по его инициативе в 2013 году Храма Медицинского Духа в красноуфимском филиале, который стал сакральным местом для проведения Дней памяти медицинских работников и благословенным местом новобрачных пар города. Неожиданное продолжение получила традиция посещения могил известных красноуфимских врачей. Было проведено картирование захоронений медработников, и сегодня по инициативе руководителя филиала С.Н.Павловой на кладбище студенты местного медколледжа проводят экскурсии, неизменно дающие, по многочисленным отзывам, просветление в душах.

Конечно, эффективность музея определяется количеством посетителей. Но среди этой массы людей стоит обязательно выделить «друзей музея». Своим постоянным вниманием и посещениями

Сотрудник музея Г.В.Чукреев страстно и увлеченно рассказывает о начале формирования советской медицины, 2011 г.

они обеспечивают его стабильность и развитие. Именно через них музей становится «точкой кристаллизации» общественной жизни здравоохранения. Это благодаря им на базе музея собираются и работают клубы, кружки, секции и т.п. Общественная суета в музейных стенах в хорошем смысле слова привлекает людей и вдохновляет самих музейщиков.

Общественная поддержка

Курс на расширение общественной поддержки был задан с самого зарождения музея истории медицины, но это в большей степени сводилось к заседаниям Попечительского совета и встречам ветеранов в выходные дни.

К сожалению, из-за быстрой смены руководителей областного минздрава попечительская поддержка «сверху» в двухтысячных годах существенно снизилась. Однако появились другие могущественные соратники и покровители.

Крепкую «руку помощи» учреждению протянул Благотворительный фонд им. Н.С.Бабича, работающий с ветеранами здравоохранения. Музей с 2006 года фактически стал его вотчиной. Президент фонда Е.В.Самборский и исполнительный директор К.И.Козьмина стали регулярно собирать здесь своих подопечных на юбилеи и празднества, привлекая музейщиков для просветительско-развлекательной программы. Это навело Соколова на мысль о развитии музея как «музея-гостиной».

Идея быстро получила отклик. Фонд имени Бабича подарил чайный сервис и кинофототехнику, минздрав – ноутбук и проектор, медицинский центр А.Б.Блохина передал старые учебные столики.

Созданная общественная площадка уже вскоре стала популярной. На ней стал заседать Клуб заслуженных врачей «Братство», проводить свои заседания киноклуб «Боранка», организовывались лекции и занятия по истории для студентов и учащихся.

Во время чайных застолий вспоминали, поздравляли, слушали, смотрели, предлагали и дарили... Не случайно на основе «сплава» музея с фондом им. Н.С.Бабича родилась новая масштабная идея – «Дом медика». В содружестве с фондом в Свердловской области было торжественно установлено 9 мемориальных досок именитым уральским врачам, издано 10 книг, снято 3 документальных фильма и учреждены Медицинские чтения им. Н.С.Бабича.

Экскурсии в Аптечный сад музея начинаются с дошкольного возраста, 2015 г.

По-своему росла общественная поддержка в музее «Красноуфимская земская больница». Благодаря энтузиазму и энергии руководителя филиала С.Н.Павловой в музее стали работать Совет ветеранов медиков Красноуфимска и Учительский союз.

Укрепление связи музея с образовательными учреждениями позволило развивать музейную педагогику для разновозрастных детей, начиная с детского сада, и юношей. Проведение ежегодно в августе Дня целителя способствовало созданию на базе филиала школ и кружков здорового образа жизни. И поныне в утренние часы в бывшем больничном парке можно наблюдать шагающих по дорожкам с палками пожилых людей («скандинавская ходьба»).

Для развития самого музея требовалась помощь историков и краеведов. Сплотить их вокруг музея удалось благодаря организации ежегодных Мизеровских историко-краеведческих чтений. (М.И.Мизеров – основатель Красноуфимской земской больницы).

Опыт подобных мероприятий не был оригинальным. Организация исторических чтений была присуща многим музеям области и страны. Но для этой формы работы в Красноуфимске были поставлены свои задачи:

1. Подбирать актуальные для развития музея темы заседаний и выступлений (например, благотворительность, аптечное садоводство, земские традиции и т.д.)

2. Создать регулярный форум добытых исследователями новых знаний по истории медицины на Урале.

3. Сделать музей «Красноуфимская земская больница» головным центром по изучению и представлению земской медицины в России.

По результатам заседаний вырабатывалась резолюция с конкретными рекомендациями и издавался сборник докладов. На очередных Чтениях представлялся отчет по исполнению рекомендаций.

Количество посетителей филиала музея за период 2006–2016 гг. возросло почти в 10 раз. Дополнительный импульс усиления общественной поддержки музея стал

переход музея в состав Областного медколледжа.

Музей как учебная база для студентов и учащихся

Потеря СОМИМ юридической самостоятельности произошла на волне оптимизации здравоохранения. Реформа предполагала укрупнение медицинских учреждений для уменьшения количества затрат на управленческие структуры.

Минздрав области рекомендовал включение музея в состав Областного центра медпрофилактики или Областной больницы № 1. Борис Владимирович предложил свой вариант, с медколледжем (СОМК), полагая что работа с молодежью даст больше пользы для здравоохранения.

В 2011 году музей получил статус филиала областного медколледжа, сохранив престижное название «Свердловский областной музей истории медицины», и Соколову пришлось задуматься о формах взаимодействия с образовательным учреждением. По максимуму ему хотелось, чтобы просветительская музейная работа была на всех этапах обучения учащихся колледжа, так как всегда и во всем полезен исторический опыт.

Но в реальности СОМИМ ограничили проведением обзорных экскурсий и показов исторических фильмов для первокурсников, участием в конференциях колледжа, привлечением ребят к участию в историко-краеведческих Мизеровских чтениях и как волонтеров на музейных мероприятиях («Ночь музеев», «Реконструкция эвакогоспиталя» и пр.).

К сожалению, не получил продолжения опыт учебной практики учащихся фармколледжа в Аптечном саду музея «Красноуфимская земская больница» и исследование истории применения средств народной медицины в рамках ежегодного праздника национальных культур СОМК. В проекте осталась и оригинальная разработка «Тропы целителей-травников» в музее «Красноуфимская земская больница». В планах Соколова также была организация в Аптечном саду оранжереи с обучением на ее базе искусству сбора, хранения переработки лекарственных трав.

Трудности воплощения задумок отчасти были связаны с потерей музеем финансовой и кадровой самостоятельности и проводимыми в стране неоднозначными реформами в здравоохранении, образовании и экономике.

Проблема развития музея в структуре областного медколледжа стала постоянной головной болью директора музея. Особое беспокойство вызывало будущее филиала «Красноуфимская земская больница».

Развитие филиала «Красноуфимская земская больница»

Первое знакомство с красноуфимским филиалом еще в 2006 году произвело на Соколова тягостное впечатление. Старые корпуса больницы на печном отоплении без водообеспечения, требующие капитального ремонта. Заросший и запущенный парк с развалинами в центре. Угнетающе выглядели и разрозненные обветшалые экспозиции.

Все это неизбежно вело к дальнейшей стагнации музея вплоть до вымирания. Опустить от бессилья руки не позволили сотрудники филиала с их добрым отношением к своей родной старой больнице, поверившие в фантазии и энтузиазм Бальчугова.

Не надеясь на успех, Соколов решил хоть что-то сделать, оправдывая свою слабость. Для начала все больничные корпуса были переименованы в музейные павильоны:

- Павильон рождения
- Павильон народной медицины
- Павильон земской медицины
- Павильон советской медицины
- Павильон сельской медицины (современных общеврачебных практик)

Затем пришлось заново создать тематические экспозиции, соответствующие специализа-

Учащиеся медколледжа на реконструкции эвакогоспиталя № 414 (совместный проект музея истории медицины и музея космонавтики), 2015 г.

Учащиеся фармколледжа на учебной практике в музее «Красноуфимская земская больница», 2014 г.

Александра Михайловна Бирюкова с посаженным ею кедром в честь А.Д.Бальчугова, 2011 г.

ции павильонов. В течение 10 лет были оформлены более 25 залов с привлечением за скромное вознаграждение художников и дизайнеров из Красноуфимска, Екатеринбурга и Нижнего Тагила. Подавляющий объем ремонтно-оформительских работ осуществлялся силами сотрудников музея.

В кадровом обновлении помогла политическая борьба в Красноуфимске, когда новая команда мэра вытеснила команду предшественника. Оставшиеся не у дел опытные управленцы пенсионного возраста, такие как А.Жуйков, С.Н.Павлова, Г.М.Галеев, нашли приют «под крылом» областного учреждения. Их опыт и связи позволили творить чудеса при малых затратах.

Прежде всего это коснулось территории, которая была малопривлекательной. В глаза сразу бросалась запущенность парка и оставшиеся развалины больничных корпусов. Кроме того, сохранившиеся здания были разрознены и не воспринимались как музейный комплекс Нужен был некий объединяющий объект-символ.

Так как главным событием в жизни филиала были Дни памяти медиков, то естественной оказалась идея по возведению памятника ушедшим медработникам. Логичным стало и предложение по превращению расположенных рядом развалин в Аптечный сад. Открытый в 2013 году мемориал с Храмом Медицинского Духа и Аптечный сад в центральной части старого больничного парка стали уникальным достоянием и украшением не только музея, но и города Красноуфимска.

Следующим шагом стало благоустройство парка. В разработке концепции его развития до 2030 года ее реализации очень помог бескорыстный помощник музея, научный сотрудник Ботанического сада УрО РАН, внучка первого врача Красноуфимской земской больницы на горе Дивьей Александра Михайловна Бирюкова.

Пытаясь усилить влияние музея в городе, сотрудниками музея была инициирована установка мемориальных досок выдающимся красноуфимским врачам М.И.Мизерову, Л.А.Самойлову и предложено название новой улицы в честь недавно ушедшего замечательного врача Лазуренко.

Музей вскоре стал одним из культурных центров города. Помимо многочисленных экскурсий, здесь идет вереница мероприятий для детей, студентов, учителей и медиков. Во многом это происходило благодаря энергии, самоотверженности и организаторскому таланту одного из руководителей музея Светланы Николаевны Павловой.

Все эти преобразования не делали известным музей за пределами Красноуфимска, а это было крайне важно. Не секрет, что от притока иногородних посетителей во многом зависит благополучие провинциального музея.

Схожей проблемой был озабочен и местный муниципальный краеведческий музей. По его инициативе в город были приглашены туроператоры из Екатеринбурга, которые стали организовывать в Красноуфимск туристические маршруты с посещением в том числе больницы-музея. Вместе с администрацией города музеи объединились для издания красочного подарочного альбома «Путешествие в Красноуфимск» и подняли вопрос о земском бренде муниципального округа. В тренде развития внутреннего туризма в России – это актуально в настоящее время.

Светлана Николаевна Павлова рассказывает о культуре сохранения здоровья мусульман

Однако дальнейшие перспективы музея «Красноуфимская земская больница» по-прежнему вызывали и вызывают тревогу.

Для введения в строй еще 3-х «законсервированных» корпусов (всего 6 зданий) нужны серьезные инвестиции, да и все старые постройки требуют капитального ремонта. Для дальнейшей «раскрутки» красноуфимского «уникума» на областном и федеральном уровнях необходимы современные музейные технологии.

У медколледжа, в чьем введении сегодня находится музей, нет и не будет возможности должным образом поддерживать его развитие. Музей – далеко не его приоритет. А межведомственные барьеры не позволяют пока объединить усилия областных систем здравоохранения, культуры и образования, чтобы «алмаз был достойно огранен».

Тем не менее история становления филиала «Красноуфимская

Из серии «Путь в элиту» (опыт Заслуженных врачей РФ)

Из серии «Специализированные медицинские службы»

земская больница» оставляет надежду. По убеждению Соколова, главной движущей силой музея являлись и являются люди, воспринимающие его как личную и общественную драгоценность. Только нужна сильная мотивация для проявления благотворительности. Не все определяется деньгами. Будет душевный порыв – появятся возможности.

Сохранение и защита памяти

В наш информационный век пробиться к душам людей, пробудить в них интерес к истории бывает непросто. Поэтому в арсенале СОМИМ были не только увлекательные рассказы в ореоле музейных экспозиций.

Вместе с фондом Н.С.Бабича были инициированы такие виды деятельности, как видеозапись воспоминаний ветеранов и создание фильмов об уральских медиках, медицинских организациях, об опыте борьбы с эпидемиями и др.

Кинозал музея нередко был местом трогательных переживаний и переосмыслений. Трудно, например, забыть звенящую тишину в зале во время звучащих с экрана прощальных слов умирающей коллеги или слезы профессуры медуниверситета во время просмотра фильма друга музея А.В.Клейна «Титаник у Зеленой рощи», о судьбе городской больницы скорой медицинской помощи.

Показателем уважения к информационной работе музея стало издание с его помощью нескольких серий книг, общее количество которых за период 2008–2020 гг. насчитывалось свыше тридцати. Они были посвящены истории регионального здравоохранения, развитию специализированных медицинских служб области и больниц, поучительному опыту заслуженных врачей РФ, медицинским династиям, знаменательным датам. Не случайно, что музею доверили написание книги «Здравоохранение Свердловской области: традиции лидерства», где отражены общероссийские и мировые достижения уральцев.

Вместе с общественными организациями по охране памятников истории музей не раз выступал в защиту старинных зданий здравоохранения. Выпускались и раздавались буклеты и листовки, было страстное выступление на митинге вместе с известной музыкальной рок-группой «Чайф». Музей получал за свою подвижническую деятельность по сохранению исторического наследия награды на городских конкурсах музейных проектов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Иногда приходится задумываться, что будет, если какие-нибудь нерадивые чиновники посчитают музей слишком обременительным, устаревшим и ненужным для современной медицины?

Сегодня по уровню систематизации и обилию редких исторических предметов СОМИМ может быть разнообразно представлен и в виртуальном виде. Но чтобы электронные экспозиции обновлялись и не костенели, у него должны остаться богатые материальные запасники (фонды и архивы).

Считая деньги, спуская приказы, думая о передовых технологиях, нельзя забывать, что в здравоохранении работают люди, которым жизненно важно, чтобы помнили о них и об их учителях, чтобы сохранялся духовный стержень профессии, чтобы не повторялись ошибки прошлого.

Конечно, музей можно закрыть или «оптимизировать», но нельзя уничтожить оставленные им следы в душах людей.

В СОМИМ работали и работают разные люди по возрасту, образованию, опыту. Они не обласканы деньгами и наградами, но никогда не отрекались и не отрекутся от своего детища с именем «Свердловский музей истории медицины»!

ЭПОХА БАЛЬЧУГОВА

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ДМИТРИЕВИЧА БАЛЬЧУГОВА

Маргарита САЖИНА

Сотрудник Свердловского областного музея истории медицины (2006–2021)

Бальчугов Александр Дмитриевич (13.03.1925–28.02.2009) – директор Свердловского областного краеведческого музея с 1960 по 1980 годы, участник Великой Отечественной войны, заслуженный деятель культуры РСФСР (1971), один из основоположников Свердловского областного музея истории медицины, возглавляемого им 24 года (1982–2006), создатель филиала музея «Красноуфимская земская больница» (1988).

Родился Александр Дмитриевич Бальчугов 13 марта 1925 года в глухой деревне Эртигарке под Тобольском в большой крестьянской семье. Окончив семилетнюю школу в соседнем селе Карачино, отправился в Тобольск и поступил в педагогическое училище. В эти годы молодой Александр увлекается историей, так как здесь все дышало ею: от башен и стен Тобольского кремля до многочисленных деревянных и каменных строений древней столицы Сибири.

В феврале 1943 года, в канун своего восемнадцатилетия, он был призван в армию и вскоре оказался в Сталинграде. Здесь в составе 16-й запасной стрелковой дивизии и проходила его служба.

После войны, демобилизовавшись, Александр Дмитриевич стал работать в комсомольских и партийных структурах Тобольска, Салехарда. В Надымском районе был редактором газеты «Большевик», исполняя обязанности заведующего Надымским районным отделом народного образования.

В 1957 году Александр Дмитриевич Бальчугов с женой Клавдией Платоновной и двумя сыновьями переезжают с севера в Свердловск. В следующем, 1958 году он учится в Уральском государственном университете им. А.М.Горького на историческом факультете и работает сначала заведующим городским отделом культуры в Верхней Пышме, потом инспектором в областном управлении культуры. А с 1960 по 1980 гг. – директором Свердловского областного краеведческого музея. С 1965 года возглавил Свердловское городское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории культуры (ВООПИК).

Бальчугов Александр Дмитриевич возглавлял Свердловский областной краеведческий музей в течение 20 лет. Музейщики всей области называли эти годы «эпохой Бальчугова». Он был не просто сотрудником музея и директором, а Настоящим Учителем, Музейщиком. По мнению современных российских музейщиков, настоящий музейщик – человек с обширными знаниями и широким кругозором, пытливым умом, коммуникативными способностями, способный заинтересовать любую аудиторию, любящий свою профессию вопреки всем трудностям, обладающий особым даром разглядеть ценное в том, что сейчас кажется ненужным, в провинциальном музее – и экскурсовод, и завхоз, и реставратор, и электрик, и вообще, все, что угодно, который, как никто, с уважением относится к прошлому, совершенно искренне считает, что его предназначение в мире – бескорыстно сохранять прошлое для будущих поколений.

Кто бы ни говорил об А.Д.Бальчугове – говорят о нем именно так. О его энциклопедических знаниях, о его всесторонней (от чернорабочего до ученого исследователя) деятельности. И еще об одной его способности как учителя – умении повести за собой людей, увлечь их главным делом своей жизни, воспитать, научить, приобщить.

В далеком 1960 году Александр Дмитриевич, будучи директором краеведческого музея, поставил задачу отделу учета музея обработать все ранее неучтенные и вновь поступающие музейные предметы, комплектовать коллекции и организовать правила хранения. Для сбора музейных предметов каждое лето организует тематические и историко-бытовые экспедиции по всей Свердловской области и на далекий север Тюменской области.

Многие предметы нельзя было подготовить к экспозиционированию без реставрации, и Бальчугов начинает готовить создание реставрационной мастерской, набирая кадры.

Реставрационные мастерские начали работать в Свердловском краеведческом музее уже после ухода Александра Дмитриевича, но задел был создан при нем.

В эти же годы была начата работа – борьба Бальчугова за достойное помещение для музея. И только в 1962 году краеведческому музею предложили переехать в полуразрушенный собор Александра Невского, в котором тогда размещался склад Уральского военного округа.

Из воспоминаний В.В.Дубленных[1]: «Мы получили помещения в таком ужасном состоянии, что о переезде в него нечего было и думать. Помещение все было заполнено перегородками и захламлено. Верхние этажи вообще находились в запустении. Научные сотрудники во главе с директором расчищали здание, освобождая от многочисленного мусора, многолетнего слоя голубиного помета, скоблили и мыли стены, обнажая и сохраняя церковную роспись.

Здание было холодным. А.Д.Бальчугов провел в него тепло, воду и канализацию. Началась планировка помещений и работа по приведению их в нормальное состояние. Затем снова субботники и воскресники по уборке мусора уже после ремонта».

Из воспоминаний Н.П.Пахомова : «Мы ведь здание собора не просто сохранили, мы всю грязь переворотили и очень многое восстановили – все проектные работы были сделаны, все архивные документы были подняты, потом отдали церкви здание как на блюдечке».

В новом помещении музея началась работа экспозиционная. Многие экспонаты были выставлены в витринах и стендах из фондов музея. Увеличилось число экскурсий.

Другое, получившее распространение экспозиционное нововведение, – это создание экспозиций под открытым небом. Это позволило сохранить памятники техники (Исторический сквер).

Так, Бальчугов инициировал сохранение в качестве экспоната отслужившей свой срок доменной печи и других производственных сооружений на одном из нижнетагильских заводов. Эту идею далее блестяще воплотил и развил директор Нижнетагильского краеведческого музея И.Г.Семенов, получив уникальные экспозиции по истории развития промышленности.

Были практически созданы заново отдел природы и его экспозиция. К делу были привлечены сотрудники научных учреждений области – зоологи, ботаники, почвоведы, геологи.

В музей поехали учиться и перенимать опыт музейные работники не только из городов Урала, но и из других регионов страны. К свердловчанам направляли молодежь на стажировки, здесь регулярно проводились Всесоюзные, Всероссийские методические и научные семинары. Приезжали многочисленные иностранные делегации – из Польши, Чехословакии, из города-побратима Пльзеня, Венгрии.

Как краевед и организатор краеведческой работы Александр Дмитриевич перенимал традиции исследователей Урала, работавших до него. Он хорошо знал труды одного из отцов-основателей Екатеринбурга В.Н.Татищева, который изучал природу края, интересовался обычаями, верованиями народов, населявших Урал, составил его первое географическое описание. Отлично знал публикации И.Г.Гмелина, Г.Ф.Миллера, И.И.Лепехина и других исследователей XVIII века, изучавших Урал и Сибирь.

Поэтому он особую связь чувствовал с учредителями УОЛЕ – Уральского общества любителей естествознания. Среди них были историк-краевед К.Чупин, врачи А.А.Мисловский, П.В.Рудановский, Н.А.Русских и другие представители екатеринбургской интеллигенции. Да и Свердловский областной краеведческий музей является правопреемником музея и библиотеки УОЛЕ.

Бальчугов успел лично пообщаться с некоторыми из руководителей и активных членов УОЛЕ. Им была учреждена медаль имени Н.К.Чупина – одна из самых престижных наград для уральских краеведов. В 1996 году ее вручили самому Бальчугову за выдающийся вклад в изучение истории Урала. Это означало признание его заслуг перед краеведческим сообществом.

Темой его личных научных исследований была Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Официально она называлась «Уральские воинские соединения на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», но для Свердловской области война – это и труд во имя фронта и боевой путь воинских частей, и судьба эвакуированных на Урал промышленных предприятий, и

[1] Пахомова Н.П., директор Свердловского областного музея истории камнерезного и ювелирного искусства, Заслуженный работник культуры РФ.

работа многочисленных эвакогоспиталей.

Из воспоминаний Имаевой Е.В., бывшего старшего научного сотрудника СОКМ: «...Все дивизии, которые формировались здесь, на Урале, были у него на учете. Он провел огромную работу по учету: работал в архивах нашей области и Москвы, объехал весь Средний Урал, организовал работу на местах, чтобы выявляли живущих и погибших. В городе не было другой организации, где бы участники войны были бы собраны воедино».

Под руководством Александра Дмитриевича совершались ежегодные экспедиции на места боев, где захоронены уральцы, по местам сражений 363-й, 365-й, 375-й уральских стрелковых дивизий – Подмосковье, Старица, Клин, Ржев, Сталинград.

Еще об одной грани его работы, будучи директором Областного краеведческого музея. В июле 1965 года вышло постановление Совета Министров РСФСР о создании Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК). А через месяц этого же года было подписано распоряжение Свердловского Облисполкома об организации областного отделения Общества и создания организационного комитета по подготовке и проведению учредительной конференции. Среди членов оргкомитета – директор Областного краеведческого музея А.Д.Бальчугов. На учредительной конференции он избран в состав Совета областного отделения ВООПИК и его президиума, возглавил городское отделение. Тогда было решено создать семь секций Совета областного отделения. Александру Дмитриевичу Бальчугову и генерал-лейтенанту запаса, члену военно-исторического общества Николаю Сергеевичу Дронову было поручено руководить секцией памятников воинской славы, братских могил и военных захоронений.

Впоследствии члены секции памятников воинской славы областного Совета ВООПИК, ветераны 363-й и 375-й стрелковых дивизий примут участие в музейной экспедиции в Московскую и Калининскую (ныне Тверскую) области по местам боев уральских соединений. Они посетят 19 братских могил и отдадут поклон героическим землякам, павшим в битве под Москвой. А.Д.Бальчугов и его соратники подготовят и выпустят в свет целый ряд изданий, посвященных уральцам, отличившимся в боях.

Они станут членами редколлегии большого сборника «Золотые звезды свердловчан» (о героях Советского союза). Он выйдет в 1967 году, а в следующем году появится «Календарь-справочник Свердловской области на 1968 год», для которого Александр Дмитриевич составит исторические справки о 28-й, 29-й, 30-й стрелковых дивизий времен Гражданской войны. В 1970-м и 1971-м сам краеведческий музей издает две очень полезные для посетителей и исследователей работы: «Главные вехи боевого пути ряда Уральских соединений» и «Уральские дивизии-участники битвы под Москвой».

В год 250-летия крупнейшего города Урала читатели получат емкий путеводитель-справочник «Свердловск». Его авторы и составители расскажут о памятных местах и памятниках, связанных с историей гражданской и Великой Отечественной войн.

В конце 80-х годов, уже работая директором другого музея – Свердловского областного музея истории медицины, Бальчугов возглавил секцию памятников истории науки и техники областного совета ВООПИК. В 1987–1989 гг. под его руководством была проведена огромная работа по изучению исторических памятников Севера нашей области и подготовке их сводных указателей. В эту работу был вовлечен широкий актив ВООПИК, особенно его Североуральского, Карпинского, Краснотуринского и Серовского отделений, сотрудники девяти музеев. В результате появился на свет «Список памятников и памятных мест городов Ивделя, Североуральска, Карпинска, Краснотуринска, Серова, Серовского и Гаринского районов». Кроме собственно «Списка», они включают в себя Приложения – исторические справки, хроники, архивные выписки, таблицы. Работа охватывает очень широкий временной диапазон – от древних городищ и стоянок первобытных людей до производственных и научных достижений уральцев в последние десятилетия XXвека.

Бальчугов Александр Дмитриевич

В 1982 году Александр Дмитриевич Бальчугов приглашен на должность директора Свердловского областного музея истории здравоохранения (так назывался в самом начале музей истории медицины). За спиной огромный опыт руководства головным музеем Свердловской области, многочисленные инициативы по созданию новых фондов и экспозиций, учитель и наставник, всероссийский авторитет краеведа. Впоследствии многие его ученики стали директорами самостоятельных музеев города и области.

РОЛЬ А.Д.БАЛЬЧУГОВА В СОХРАНЕНИИ ИСТОРИКО-МЕДИЦИНСКОГО НАСЛЕДИЯ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ОБЛАСТИ МЕДИЦИНЫ

К 100-летию со дня рождения

Алевтина АРТЕМЬЕВА

Заведующая сектором Свердловского областного музея истории медицины, филиал ГБПОУ «СОМК»

Фото к статье Сажиной М.Г.

В 2022 году Свердловский областной музей истории медицины отметил 40-летие со дня открытия для посетителей 18 ноября 1982 года первых выставок, которые подготовил к показу высочайшего уровня профессионал, заслуженный работник культуры РСФСР Александр Дмитриевич Бальчугов (13.03.1925–28.02.2009), возглавлявший музей почти четверть века. На II Съезде Конфедерации историков медицины (международной), состоявшейся 14–17 мая 2003 года в Москве, в своей речи А.Д.Бальчугов сказал: «Медицинские музеи России подняли со дна минувших веков ценные сведения о жизнеспособности населения, зафиксировали крупицы опыта народной медицины минувших тысячелетий, становление научной медицины. Много сподвижников отрасли стали ярче, виднее. Где-то вспомнили, вспоминают об опыте организации лечения. Музеи сохранили, экспонируют уникальные объекты материальной культура отрасли. Коллекции музеев – свидетели культуры, общественного гражданского престижа медицинского персонала».

Опытный музейщик энергично принялся за работу. Уже 15.02.1982 г. были утверждены шифры государственной регистрации фондов музея, новый состав Совета музея, проведший в течение того же года 3 заседания. Итогом 9,5 месяцев энергичной работы стало открытие 18 ноября 1982 года для посетителей первых выставок музея в учебном корпусе ОКБ № 1: «История медицины Среднего Урала», «История создания госпиталя Верх-Исетского завода. XIX–XX вв.», ознаменовавшее начало его полноценной работы. Выставка имела успех. До конца года ее осмотрели около 18,5 тыс. человек, опубликовано 5 отзывов в прессе. Сотрудниками и советом музея проводятся 30 бесед, проводится устное и письменное консультирование по вопросам здравоохранения края. С первого же года существования музей начинает работу в учреждениях здравоохранения региона, принимает участие в подготовке выставки по здравоохранению в здании Обкома КПСС Свердловской области. Только за один год в фонды музея привлечено 2643 предмета (сегодня в музее более 80 тысяч музейных предметов). С 27 ноября 1982 года начато ведение главной инвентарной книги, до конца года прошли инвентаризацию 104 музейных предмета (на данном этапе в музее 15 книг основного фонда). Уже в течение следующего, 1983 года, были полностью завершены работы по упорядочению учета и хранения музейных предметов, собранных в 1977–1981 гг. Оформлены две новые выставки («Медицинские научные общества на Среднем Урале (1890 г. – наши дни)», «Пелым. XVI век – наши дни»), оформлен альбом «Специализированные медицинские учреждения на Среднем Урале 1870г. – наши дни». Проводятся научные командировки в Москву, Тюмень, Пермь, Нижний Тагил, Каменск-Уральский, Ирбит и Гаринский район, в Ригу в Музей истории медицины им. Паула Страдыня, а также в Киев в Национальный музей истории медицины. Фонды музея комплектуются новыми ценными экспонатами из истории медицинских учреждений и организаций области (ОКБ № 1, Ан-

Ветераны здравоохранения, фондообразователи. 1 ряд сидят слева направо: Н.М.Платонова, Г.Я.Колганова, Е.П.Прищепова, Н.П.Кочергин, Ю.К.Ретюнский, В.С.Чеснов, К.И.Козьмина; 2 ряд 3-я А.П.Казакевич, Е.И.Метелева, У.Ф.Шпак, Н.А.Чистякова 3-ряд: стоит 3-я М.М.Медведенва, А.П.Колосова, Т.А.Моспанчук, Н.М.Ветрова, Н.Н.Старцева, А.Д.Бальчугов.

дрюшинской участковой больницы Гаринского района, Областной организации Красного Креста, санитарной службы области), деятельности выдающихся врачей (Парина В.В., врачей династии Русских Н.А и Мирославского А.А., Ковригиной М.Д., Мышкина Г.С., Черниговского В.Н.), картинами известных художников – Игошева В.А., Нечеухина Г.А., Ионина Д.М., Кошелева В.П., Венкербеца Л.Ф., Беляева В.З., Дистергефта М.В., Полякова В.В. Главный врач Белоярской районной больницы Филиппов В.А. вспоминал, что при сдаче годовых отчетов районных больниц музей комплектовал историю

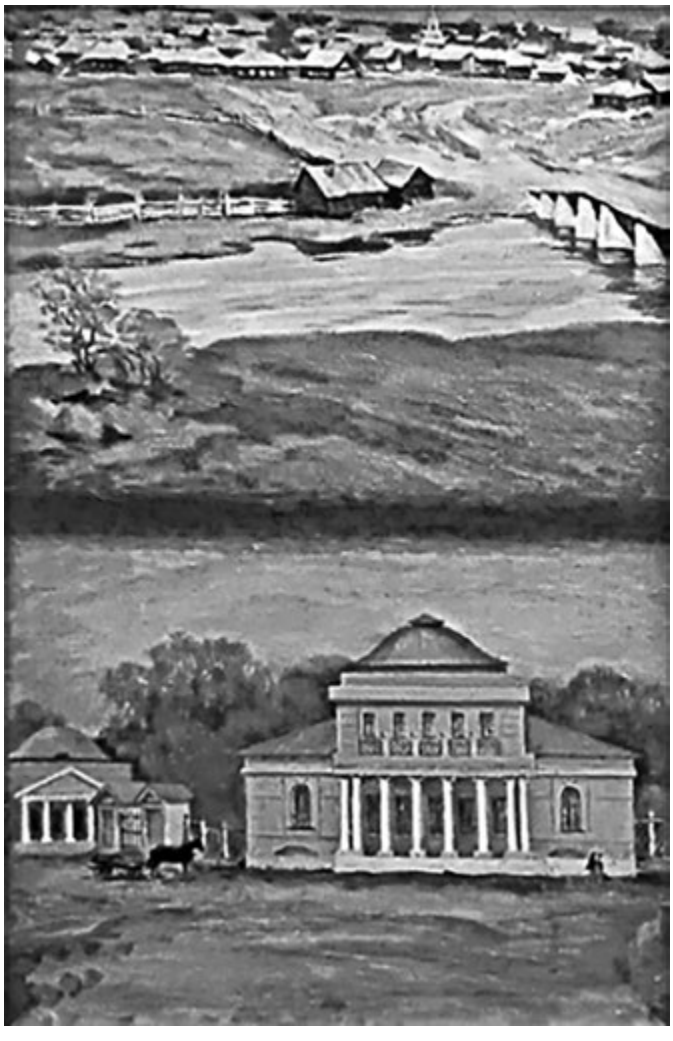
Уже на третий год работы музея, продолжая активную исследовательскую работу (главные темы года – эвакогоспитали на территории Свердловской области, медицинские научные общества на Среднем Урале), А. Д. Бальчугов ставит вопрос об организации постоянных выставок-филиалов музея в ГКБ № 40, областной больнице «Чусовское озеро», областной детской больнице № 1. Музейными художниками готовится цикл акварелей для оформления нового здания Гаринской районной больницы, продолжается оформление постоянной экспозиции.

В 1985 году к «проработанным» темам добавляются новые: «Из истории аптечного дела на Среднем Урале. XVIII в. – наши дни», «Свердловская областная организация РОКК. 1877 г. – наши дни». В городе и области проводится 6 временных выставок. В годовом отчете отмечено: «Одновременно в течение года действовало 12 выставок в городе и области». К плану работы в 1986 году А.Д.Бальчугов приложил служебную записку заведующему Облздравотделом А.Б.Блохину, в которой пишет о необходимости отдельного помещения для музея и об официальном открытии филиалов музея (ОКБ № 1, ОДКБ № 1, больницы «Чусовское озеро», ГКБ № 40).

На будущий год к списку организаций, охваченных «историческим просвещением», добавлены Свердловский облздравотдел, ГКБ № 2 им. А.А.Мирославского, Серовская городская санэпидемстанция, Новоуткинская больница из р. п. Новая Утка. Совместно с областным Советом общества Красного Креста, Областным домом санитарного просвещения оформлены выездная выставка «Алкоголь – враг человека и общества» в кинотеатрах «Совкино», «Салют».

Так, в одну «пятилетку» была развернута и налажена масштабная просветительная работа. Был заложен принцип работы музея, действующий и по сей день: «Выходить за музейные стены, не способные физически вместить всю адресную аудиторию, навстречу уральцам – горожанам, сельскому населению, гостям города».

В мае 1986 года Александр Дмитриевич едет в командировку в Тавду село Кошуки для оказания помощи подшефному историческому музею, в июле едет в командировку в р. п. Тазовский Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области для подготовки совместной экспедиции с Тюменским музеем здравоохранения в Ненецкие сельсоветы Тазовского района. Именно в это время начал формироваться фонд переселенческой медицины.

Госпиталь Верх-Исетского завода.
Худ.Нечеухин Г.А.СОМИМ оф 3207

С 1987 года началась работа музея в Красноуфимском районе (был подготовлен тематический план для первого раздела выставки «Из истории здравоохранения в городе Красноуфимске и районе. XVI век – наши дни»). На будущий год велась подготовка материалов для оформления постоянно действующей выставки музея в Серове, Красноуфимске. Началось многолетнее плодотворное сотрудничество с Городской клинической больницей скорой медицинской помощи, в которой впоследствии разместится один из филиалов музея.

В том же году зафиксированы первые научные издания с участием «Свердловского областного музея истории медицины и здравоохранения»: выпущен библиографический указатель с предисловием директора музея А.Д.Бальчугова «Природно-очаговые, зоонозные и паразитарные болезни человека на Среднем Урале» (сост. и отв. редакторы – В.М.Попугайло, к.м.н. Д.Н.Пономарёв, д.м.н. Н.П.Глинских).

С октября 1988 года начаты практические работы по созданию филиала музея в г. Красноуфимске. В настоящее время эту дату принято считать «днем рождения» музея «Красноуфимская земская больница».

Продолжая свою речь на II Съезде Конфедерации историков медицины (международной), состоявшейся 14–17 мая 2003 года в Москве, А.Д.Бальчугов сказал: «Созданием музея «Красноуфимская земская больница» намечалось решить две задачи: первую – максимально понятным языком подлинных экспонатов показать на какой высокий уровень земство подняло научную медицину, каким стал ее авторитет буквально во всех деревнях, селах уезда, населенных вогулами (манси), марийцами, тептерями, башкирами, русскими... И вторую – увековечить заметный рост жизнеспособности многонационального крестьянского хозяйства за такой короткий срок – 50 лет, показать способность крестьян построить чудо-больницу, хорошо содержать ее, вполне прилично оплачивать труд медицинского персонала, что было заметно с самого начала изучения журналов Красноуфимского уездного земского собрания, аналогичных губернских выпусков, хроник, тематических сборников губернского земства. Что с самого начала исповедовало земство главный принцип – жить по средствам, хорошо знать для этого возможности уездного земского бюджета.

В меру авторитета медицинского персонала содействовать освоению крестьянами навьих технологий – замену цепа – молотилкой, сохи – плугом, расширять посев клевера в севообороте, осваивать новые сорта зерновых...

Изучать поселения уезда, гигиену быта, труда, интерес к знаниям, опыт народной медицины... Мизеров М.И. – врач больницы и Скалозубов Н.Л. – сельхозстатистик, выпускник Петровской академии, в XX веке депутат I-ой и II-ой государственных Дум, пишут замечательную книгу о населении уезда на Всероссийскую гигиеническую вставку 1893 года. Скалозубов Н.Л. самостоятельно изучает, что читают в крестьянских семьях, какими картинами-открытками украшают дома...»

Всего в 1988 году А.Д.Бальчуговым совместно с художником музея В.А.Родиным оформлено 58 планшетов для выставок в Серовской горСЭС, Красноуфимском медицинском училище, учебном корпусе СОКБ № 1, в управлении здравоохранения Свердловского облисполкома и др. В течение года были организованы специальные командировки сотрудников музея в города: Нижнюю Туру, Нижний Тагил, Туринск, Ирбит, Верхотурье, Серов, Красноуфимск, Салехард, Краснотурьинск, Карпинск; районы области – Тугулымский, Верхотурский, Красноуфимский. Состоялась экспедиция А.Д.Бальчугова к ненцам Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа и были привлечены в фонды музея предметы народной медицины, характеризующие жизнеспособность населения: ненецкая и хантыйская люльки, описаны традиционные методы народной медицины и гигиены питания, проведено знакомство с ветеранами и старожилами, с рыболовецкими бригадами сельскохозяйственного кооператива «Тазовский» на Саньков-Марра – промысловом песке предпри-

ятия, расположенный в 160 километрах от устья реки Таз.

В июле 1989 года музей приобрел уникальную мебель из дома-квартиры земского советского врача Лепешинского Л.В.

В 1989 году «как итог изучения архивных материалов ГАТО, ГАСО, ТФ ГАТО, литературных источников в Москве, Свердловске, Тюмени, Тобольске, проводившиеся в 1983–1989 гг., создан начальный вариант экспозиции по переселенческой медицине в Туринском уезде Тобольской губернии (нынешние районы Свердловской области – Гаринский, Таборинский, Туринский, Тавдинский)». В этом году функционировало 4 временных выставки, которые посмотрело 9600 чел. В учебном корпусе Красноуфимского медицинского училища начато создание выставки «Подготовка медицинских кадров на Среднем Урале 1740 – наши дни» (действующая поныне), а в здании поликлиники Красноуфимской ЦРБ – «Здравоохранение в Красноуфимском уезде (XVI – начало XX века). Здравоохранение в г. Красноуфимске, Красноуфимском районе в XX веке».

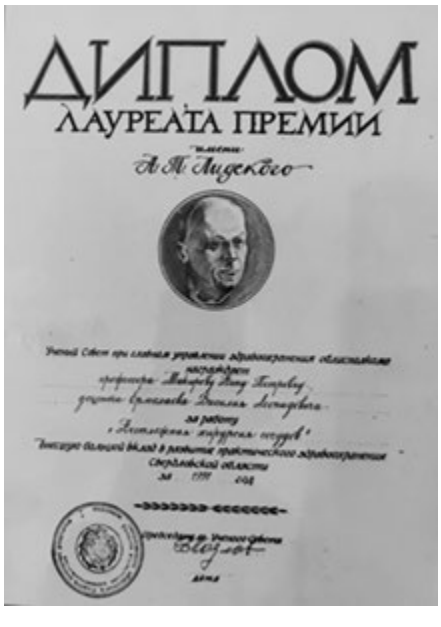
В этом же году появляется в планах музея и его будущее (сегодняшнее) здание головного филиала (ул. К.Либкнехта, 8б, в недалеком прошлом – Свердловский кожно-венерологический институт). К 1 ноября 1990 года подготовлен и одобрен Советом музея тематический план открытого хранения фондов в экспозиционном зале.

Несмотря на то, что восстановительные хозяйственные работы в Красноуфимске требовали от коллектива огромной затраты усилий, руководимый просветителем Бальчуговым музей не забывал пополнять материалами 12 (!) постоянно действующих выставок в Екатеринбурге, Серове, Красноуфимске, селах – Таборы, Гари, Новая Утка (ныне утрачены). Для них художниками только за 1990 год было изготовлено 70 планшетов и картин.

1 февраля 1990 года в соответствии с письмом Министерства здравоохранения РСФСР от 22 ноября 1989 года за № 25-03-11/62-153М Свердловский областной музей истории медицины отнесен к III группе по оплате труда, и штат музея, согласно письму Главного управления здравоохранения Облисполкома от 22 января 1990 г. за № 8/62, пополнился должностями заместителя директора и двумя младшими научными сотрудниками. В 1992 году музей принимал активное участие в подготовке торжественного вручения дипломов и медалей лауреатам Премии имени основателей медицинских школ Среднего Урала А.Т.Лидского, Б.П.Кушелевского, Д.Г.Шефера. Премия вручалась за личный вклад в развитие медицинской науки и достижения профессионального мастерства профессору СГМИ Н.П.Макаровой, доценту СГМИ В.Л.Ермолаеву, профессору СГМИ С.С.Барац, профессору СГМИ Е.Д.Рождественской, доценту СГМИ А.Н.Андрееву, к.м.н. СГМИ Н.Н.Курсаковой.

Преподаватель латинского языка СГМИ О.Г.Олехнович по заданию музея была командирована в Москву в Российскую Государственную библиотеку и подготовила перевод диссертации первого доктора медицины Пермской губернии Ф.Х.Граля «Некоторые русские домашние лекарственные средства. Йена. 1790 г.».

В 1992 году музей торжественно отметил свой первый 10-летний юбилей со дня открытия первых выставок. Под редакцией директора А.Д.Бальчугова и главного хранителя В.И.Порсевой был подготовлен и выпущен рукописный «Краткий путеводитель к 10-летию» по музею больницы. Среди почетных гостей юбилея – родственники выдающихся земских врачей, фондообразователи музея З.Г.Мышкина, З.Э. и Т.Л.Сенкевичи, заведующая Музеем сестер уральских воинских соединений при Свердловском городском медицинском училище С.А.Сухоручкина, участник Великой Отечественной войны выпускница Свердловского медицинского политехникума А.А.Курбатова, друг семьи Париных С.М.Плуталова и другие.

ДИПЛОМ
ЛАУРЕАТА ПРЕМИИ
имени
А.Т. Лидского

За этот юбилейный год силами штатного персонала музея на реставрацию зданий и обустройство территории, оформление выставок были освоены заметные средства (около 200 тыс. рублей).

А.А.Коржавин провел работы по устройству хозяйственного двора и склада. Вводится должность столяра. Ремонтируется водопровод, кровля, штукатурятся стены, потолки, проводится побелка, покраска.

В 1995 году в филиале-музее «Красноуфимская земская больница» состоялся завершающий этап международного конгресса «Земский врач», проходившего в Екатеринбурге 20–21 июня 1995г., и 22 июня организаторы конгресса (в их числе Министерство здравоохранения Российской Федерации, народный депутат Г.Н.Карелова, директор Департамента здравоохранения Свердловской области Р.А.Хальфин, директор Территориального фонда обязательного медицинского страхования Б.И.Чарный, глава администрации г. Красноуфимска А.И.Стахеев, главные врачи областных больниц) приняли участие в заседании и осмотре экспозиции мемориального комплекса. Руслан Альбертович, подводя итоги совещания, одобрил планы работы музея, пожелал всем находить, сохранять и ценить памятники истории медицины и вы-

разил уверенность о готовности головных экспозиций к 15-летию музея.

В 1995 году к 50-летию Победы А.Д.Бальчугов подготовил справочный рукописный материал «Эвакогоспитали в нашей области в годы Великой Отечественной войны» (по справочнику Центрального Военно-медицинского музея Министерства обороны России в Санкт-Петербурге, подготовленному в 1970 году). (гол. арх. СОМИМ 1811). Были описаны госпитали, которые входили с июля 1941 года по 13 июля 1946 года в составе 91 МЭП УралВо, госпитали Облздравотдела, Наркомата Обороны, Профсоюзов, указан перечень эвакогоспиталей, сформированных в городе и убывших на фронт, и список госпиталей в Свердловской области. Список подготовлен по дневнику Бальчугова А.Д., который был оформлен во время командировки в Ленинград 18–19 сентября 1984 года. С 1984 по 1994 год указатель по госпиталям был только в областном музее истории медицины.

Под руководством А.Д.Бальчугова – председателя Президиума совета городского отделения ВООПИК был подготовлен авторами Артамоновой В.И., Бальчуговым А.Д. (руководителем группы), Бурдиной С.А., Лавренюк Д.И., Муртузалиевой Л.Ф., Неткачевой Л.А., Усачевой Т.Б., Федоровой В.М., Чемезовой Н.К. аннотированный список «Памятники Победы», посвященный 40-летию Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Машинопись. Свердловск, 1984 г.

И в 1996 году Свердловский областной музей истории медицины переезжает в центр города Екатеринбурга, где в здании бывшего Свердловского кожно-венерологического института была развернута экспозиция головных коллекций музея.

10 июня 1998 года в филиале-музее «Красноуфимская земская больница» в честь 10-летия со дня основания музея состоялась встреча глав муниципальных образований городских и районных больниц Западного управленческого округа, представителей правительства Свердловской области, департамента здравоохранения, других областных учреждений, администрации и общественности муниципального образования ордена Знак Почета город Красноуфимск. Приняли Решение о ее проведении, подготовили и участвовали в ней Усачев Владимир Николаевич – управляющий Западным округом, член Правительства области, Хальфин Руслан Альбертович – директор Департамента здравоохранения, член Правительства области, Малахов Владимир Иванович – глава администрации муниципального образования города Красноуфимска. Было принято совместное Постановление «Об учреждении Дня памяти медицинских работников, отмечаемого ежегодно 10 июня музеем «Красноуфимская земская больница». По предложению В.Н.Усачева – Р.А.Хальфин, В.И.Малахов, Ю.Г.Сафронов от свечей из Иерусалима первый раз зажгли свечи Памяти. Отец Андрей, настоятель церквей города Красноуфимска, Сергий, протоирей Свято-Троицкой церкви в г. Екатеринбурге, с хором местных церквей отслужили молебен в память о медицинских работниках края.

Фонд музея продолжает пополняться редкими предметами: историк-архивист Михаил Сергеевич Бессонов поделился редкими находками – родословной семьи Вагнеров, биографией блестящего земского врача Булавина. Житель Нижнего Тагила предложил музею уникальную книгу по медицине, по горному делу выдающегося уездного врача в Верхотурье, Екатеринбурге Т.Ф.Успенского на латинском языке, изданную в 1835 году. Ветеран здравоохранения Клара Евсеевна Бакалейник-Шульман передала музею свою книгу «Разные судьбы» с яркими очерками о времени, о согражданах, о коллегах. О.Н.Бухаркина передала копию письма А.Ф.Петрова Екатеринбургскому городскому голове Нурову об открытии им родильного дома (1877 г.). Благодаря уникальному фонду создаются научно-справочные материалы, печатаются книги, разрабатываются экскурсии для жителей нашего края и гостей.

К 120-летию Екатеринбургского Комитета Российского общества Красного Креста создан справочный аппарат по истории этой организации, материалы музея были предоставлены для публикаций в местной прессе – «На посту милосердия». Вечерний Свердлоаск, 20 мая, 1997 г., радиопередач и трансляции по телевидению. Совместно с советом музея проходили воскресные встречи, посвященные памятным и знаменательным датам известных медиков. К юбилеям Великой Победы выпускается справочный материал.

Для повышения профессионального уровня сотрудников, развития более эффективных навыков А.Д.Бальчугов делился опытом, обучал практическим навыкам ведения документации, давал советы. Важными аспектами были доверие, открытость и взаимное уважение. Благодаря этим качествам дарители обретали в лице музея надежного партнера.

Руководители Благотворительного фонда социальной поддержки медработников им. Н.С.Бабича Е.В.Самборский и К.И.Козьмина, 2012 г.

Ветераны здравоохранения в музее на Дне пожилого человека, 2009 г.

СЕРИЯ «НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ РОССИИ – ВЫДАЮЩИЕСЯ УЧЕНЫЕ УРАЛА»

ukbkin@gmail.ru